Я.А. Слащов-Крымский
Белый Крым. 1920

Путь русского офицера

Я.А. Слащов-Крымский

Белый Крым 1920

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал Яков Александрович Слащов (1885–1929), герой обороны Крыма зимой 1919–1920 гг., был знаменит не только своей храбростью, его воинское мастерство было высоко оценено современниками. За успехи при обороне Крымского полуострова главнокомандующий Русской армией присвоил ему своим приказом право именоваться Слащовым-Крымским, а позже он стал одним из личных врагов генерала Врангеля. Поступки генерала Слащова многим казались эксцентричными и труднообъяснимыми. Одним из самых загадочных поступков стало возвращение генерала в Советскую Россию из эмиграции. На страницах своих воспоминаний генерал рассказывает читателям о своем участии в Гражданской войне, конфликте с генералом Врангелем и о своем возвращении на Родину.

- Я.А. Слащов-Крымский
  - ○
  - ○ ОДИН ГОД ЭМИГРАЦИИ ГЕНЕРАЛА
    - ■ Загадка генерала Слащова
    - ■ Переворот без государства
    - ■ Открытый конфликт
    - ■ Незамеченные события
    - ■ Последнее слово Слащова-Крымского
  - ○ ПРИЧИНЫ РАЗЛОЖЕНИЯ СТАРОЙ РУССКОЙ АРМИИ
  - ○ КРЫМ В 1920 ГОДУ
    - ■ Введение
    - ■ ГЛАВА I
      - ■ 1. Политическая обстановка
      - ■ 2. Стратегическая обстановка
      - ■ 3. Организация отхода в Крым
    - ■ ГЛАВА II
    - ■ ГЛАВА III
    - ■ ГЛАВА IV
      - ■ 1. Мелитополь
      - ■ 2. Бой под Ново-Алексеевкой 13 января 1920 г
    - ■ ГЛАВА V
    - ■ ГЛАВА VI
    - ■ ГЛАВА VII
    - ■ ГЛАВА VIII
    - ■ ГЛАВА IX
      - ■ 1. Ход операции

- 2. Управление в Юшуньском бою
- ГЛАВА X
- ГЛАВА XI
- ГЛАВА XII
- ГЛАВА XIII
- ГЛАВА XIV
- ГЛАВА XV
- ГЛАВА XVI
- ГЛАВА XVII
- ГЛАВА XVIII
- ГЛАВА XIX
- ГЛАВА XX
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
  - Таблица I
  - Таблица II
  - Боевое расписание сил противника перед армиями
- ТРЕБУЮ СУДА ОБЩЕСТВА И ГЛАСНОСТИ
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ГЛАВА I
  - ГЛАВА II
  - ГЛАВА III
  - ГЛАВА IV Украинский вопрос
  - ГЛАВА V
  - ГЛАВА VI
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- Иллюстрации

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19

Я.А. Слащов-Крымский
Белый Крым, 1920

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Я.А. СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ

Белый Крым, 1920

Москва
«Вече»

ОДИН ГОД ЭМИГРАЦИИ ГЕНЕРАЛА Я.А. СЛАЩОВА-КРЫМСКОГО
Попытка историко-психологической реконструкции [1]

Загадка генерала Слащова

О Якове Александровиче Слащове (1885–1929) — знаменитом в годы Гражданской войны генерале Слащове-Крымском, получившем право именоваться так согласно приказу Главнокомандующего Русскою Армией генерала П.Н. Врангеля за успешную оборону полуострова зимой 1919–1920 г. от численно превосходящих советских войск, — редко говорят как об эмигранте, очевидно, потому, что пребывание его за границей было сравнительно недолгим: эвакуировавшись из Крыма в составе врангелевской армии в ноябре 1920-го, он уже через год с небольшой группой офицеров неожиданно уехал в РСФСР, став далеко не первым, но, наверное, самым известным «возвращенцем».

Официальное объяснение поступка Слащова тогда же было приведено советским публицистом: «Два основные мотива, по собственным словам прибывших офицеров, побудили их к этому решительному шагу: во-первых, сознание безнадежности, а значит, и преступности борьбы с рабоче-крестьянской революцией и с правительством, выдвинутым трудящимися классами страны; во-вторых, сознание, что белогвардейские армии играют роль слепого орудия в руках иноземных хищников, стремящихся к экономическому и политическому порабощению России», — и самим Слащовым в датированном 21 ноября 1921 г. печатном же обращении «к офицерам и солдатам армии Врангеля и беженцам»: «Советская власть есть единственная власть, представляющая Россию и ее народ», «я, Слащов-Крымский, зову вас, офицеры и солдаты, подчиниться советской власти и вернуться на родину, в противном случае вы окажетесь наемниками иностранного капитала и, что еще хуже, наемниками против своей родины, своего родного народа». В эмиграции же объяснения по большей части варьировались от гневного или злорадного «за 15 тысяч золотом был куплен и перешел в красную армию» («покупка большевиками крымского палача», «с легкостью, презрения достойной, предал своих соратников и “продал шпагу свою”» и т. п.) до попыток, в лучшем случае, защитить Слащова рассуждениями, «что много людей честной мысли и честных действий и посейчас переносят в России голод, холод, эпидемии и нестерпимый нравственный гнет из желания не отделяться от России и переносить все, выпавшее ей на долю, веруя, что “претерпевший до конца, той спасен будет”». Дополнительным мотивом считается и личный конфликт Слащова с Врангелем, тлевший еще в Крыму и вырвавшийся на

всеобщее обозрение в Константинополе: очевидно, именно это имел в виду автор эмигрантского некролога, не без сочувствия размышляя, что Якова Александровича «жалели за малодушие, обычно ему не свойственное, жалели за то, что общую прекрасную белую идею, которой он когда-то так доблестно служил, ему не удалось поставить выше личного, случайного…»

Сразу подчеркнем: подлинная мотивировка любых поступков остается, конечно, тайною души совершающего их человека, «вещью в себе» («предметы нашего познания суть явления, а не вещи в себе»), и не может быть реконструирована с абсолютною достоверностью. С другой стороны, эти же соображения решительно ослабляют силу аргументов, основанных на «аналогии» — «поскольку многие репатриировались, мог репатриироваться и генерал Слащов». Подобный «закон больших чисел» нивелирует чувства и мысли попадающих под его действие личностей и в сущности обезличивает их; а потому, когда факты биографии данного исторического героя если и не обильны, то по крайней мере достаточны для воссоздания какой-то канвы его жизни в интересующий нас период, — именно эти факты, их сопоставление и анализ, а отнюдь не рассуждения «по аналогии», должны становиться предметом рассмотрения для внимательного биографа. Выводы же при этом, отличаясь большим или меньшим правдоподобием, могут приближать нас к разгадке или отдалять от нее, но не решать заданную задачу окончательно, коль скоро речь идет о таинственных движениях человеческой души.

Неуместность рассуждений «по аналогии» в случае генерала Слащова очевидна еще и потому, что Яков Александрович был яркой и не похожей ни на кого личностью, к которой «усредненные» мерки вообще не кажутся нам приложимыми. Правда, такие его черты, как повышенная эмоциональность (по мнению многих, даже неврастеничность), «взрывной» темперамент, склонность к рискованным решениям, в глазах стороннего наблюдателя подчас отдававшим авантюрой, — подсказывали недоброжелателям простейшее объяснение поступка генерала: «…Слащов отправился в Москву, готовый в случае необходимости проливать “белую” кровь в таком же количестве, в каком он проливал “красную”… Не все ли равно, какая кровь насытит честолюбие авантюриста!..» Однако более существенными представляются в облике Слащова убежденная непримиримость к большевизму и стремление к действенному сопротивлению, борьбе против него, присущие Якову Александровичу буквально с первых до последних дней Гражданской войны на Юге России.

Полковник Слащов прибыл в Новочеркасск, в распоряжение

собиравшего добровольцев генерала М.В. Алексеева, 5 января 1918 г. (предположительно по новому стилю); Генерал-лейтенант Слащов-Крымский в часы крушения Крымского фронта, уже после падения Перекопа и Юшуни и врангелевского приказа об эвакуации, 30 октября /12 ноября 1920-го, последним из военачальников его уровня еще требовал «из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину, — сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант (в тылу наступающих большевиков. — А.К.)…»: «Колебанию и колеблющимся не должно быть места — должны идти только решившиеся победить или умереть». И если считать эту позицию последовательной — а ее трудно не считать таковой, — то еще труднее не считать вопиющей и труднообъяснимой позицию Слащова, уже в феврале 1921 г. в турецкой столице пошедшего на тайные контакты с уполномоченным ВЧК «Ельским» (Я.П. Тененбаумом), а с 21 марта — по собственному свидетельству, принявшего полномочия «секретного представителя РСФСР в Константинополе». Что же такого случилось за три с половиною месяца (всего!), что побудило яростного врага большевиков столь резко переменить курс?

Переворот без государства

Практически с первых же недель вступления барона Врангеля в должность Главнокомандующего Русскою Армией, по меньшей мере с апреля 1920 г., Слащов неоднократно вступал в конфликт с самим Врангелем или кем-либо из его окружения. Наружно, впрочем, Яков Александрович сохранял полную лояльность Главнокомандующему, подчеркивая это даже после того, как в августе был спровоцирован на подачу рапорта об отставке, которую Врангель немедленно принял. К примеру, в сентябре Слащов публично заявлял (и слова его попали в газету): «Надо сплотиться вокруг ген[ерала] Врангеля, я верю, что он спасет Россию, и я пойду за ним». Вера, однако, подвергалась слишком сильным ударам и была окончательно потеряна в ноябрьские дни крымской катастрофы.

Объявления об эвакуации, которые Слащов язвительно характеризовал как приказы «спасайся кто может»; дезорганизация в отступающих фронтовых частях; тревожные слухи о том, кто будет эвакуирован, а кто брошен в Крыму (во время поездки на фронт в последние дни октября генерал мог узнать, как предполагают обойтись с его бывшими подчиненными по 2-му армейскому корпусу: «Тоннаж чрезвычайно ограничен, на II корпус предназначается один транспорт. Эвакуации подлежат лишь офицеры, их семьи, а из солдат лишь только особенно преданные»); неизбежные при погрузке почти полутора сотен тысяч человек ошибки и неурядицы, от этой неизбежности не менее трагические для тех, кто оказывался их жертвами (в частности, места не нашлось для самого Слащова, и он попал на отходящий корабль лишь благодаря дружеским отношениям с морскими офицерами) — все это переполняло чашу терпения и подталкивало впечатлительного и эмоционального генерала к немедленным действиям.

Слащов, чье имя пользовалось широкой известностью и популярностью у самых разных слоев населения Крыма, в дни катастрофы привлекал к себе все большее внимание взволнованной тыловой толпы, что и вызвало распоряжение Врангеля о командировке Якова Александровича в распоряжение генерала А.П. Кутепова: официально — дабы Слащов объединил «командование частями на одном из участков фронта», в действительности же для того, чтобы Кутепов «задержал генерала Слащова при себе, не допуская возвращения его в Севастополь». (Неизвестно, догадывался ли командированный об этом, по существу предательском, двуличии, но от Кутепова, не чуждого

интриги, он мог узнать правду, что, без сомнения, еще больше взвинтило бы его.) И после возвращения с фронта в эвакуирующийся Севастополь он уже сознательно делает новые шаги, чтобы обратить на себя внимание уходящих на чужбину.

«На ледоколе “Илья Муромец” оказались тоже “знакомые” — пытался говорить ко всем и вся в мегафон — генерал Слащов-Крымский», — сбивчиво вспоминает через шестьдесят с лишним лет рядовой доброволец (ранее служивший под началом Якова Александровича), комментируя: «пытался восстановить свою репутацию — но поздно; и был пьян, как всегда!» Не преувеличивая способности мемуариста определить степень опьянения Слащова… с палубы линейного корабля «Георгий Победоносец», шедшего на буксире «Муромца», отметим также, что в «восстановлении репутации» в собственном смысле слова (испорченной, подорванной и проч.) генерал не имел надобности: три месяца находясь не у дел, он не мог нести ни фактической, ни моральной ответственности за проигранную борьбу. Но «восстановлением репутации» его действия можно считать с другой точки зрения: Слащов как бы напоминал о себе, своих заслугах и былом авторитете полководца, вновь представал перед покинувшей родину «Белой Россией», скученной на кораблях, в ореоле легенды, которая ранее окружала его на полях сражений. Такое же впечатление производит и рассказ еще одного мемуариста о прибытии к Босфору линейного корабля «Генерал Алексеев», заводимого в пролив тем же ледоколом:

«Вдруг на палубе “Ильи Муромца" появился высокий, бравый Генерал, молодой, румяный, полнолицый. Белая папаха лихо сидела на его голове, красные шаровары горели на солнце; расставил широко крепкие ноги в высоких сапогах, белый ментик свисал с плеча. Он громким голосом весело и бодро закричал: “На ‘Алексееве’! передайте: — Генерал Слащов на ‘Илье Муромце’ приветствует ‘Алексеевцев’ с благополучным приходом! ” — Командир с мостика передал привет Защитника Крыма своей команде и всем запрудившим палубу людям; но гробовое молчание воцарилось на палубе, и лица выражали боль и недоумение, точно тронули их раскрытую рану: “Крым”… “Севастополь”… нет! не надо! не будем вспоминать!., не тревожьте больного!.. Еще так свежа, так горит эта рана!»

Впрочем, вряд ли Яков Александрович тогда предполагал напрямую апеллировать к беженским массам, готовясь выступить с критикой Главнокомандующего. Воспитанный в старых армейских традициях и имевший перед глазами горький опыт трехлетней Смуты, он не должен был считать допустимым вовлечение посторонних в борьбу внутри высшего командного

состава, — как и в марте 1920 г., когда говорил на военном совете, созванном по приказу генерала А.И. Деникина для обсуждения кандидатур на пост нового Главнокомандующего: «У нас нет выборного начала. Мы не большевики, это не Совет солдатских депутатов. Пусть генерал Деникин сам назначит, кого он хочет, но нам выбирать непригоже. […] Назвать имя — значит выбирать. Мы этого не можем сделать. Сегодня будем выбирать мы, а завтра станут смещать нас и выбирать на наше место». Теперь он считал допустимым требовать смещения Врангеля, но не путем «революции», а путем «дворцового переворота».

Что Слащов мыслил именно такими категориями, свидетельствует употребление им применительно к этим своим действиям выражения «coup d'etat>, с комментарием: «etat — государства [—] у нас уже не было, но армия еще была». Правда, одновременно он говорит о своем стремлении сохранить «принцип преемственности власти (разрядка Я.А. Слащова. — А.К.), чтобы не было того, что принято называть coup d'etat», но смена Главнокомандующего путем давления на него или иных демаршей на самом деле вполне укладывается в понятие переворота, только, как и было сказано выше, «дворцового».

Интересно, что переворот Слащов планировал отнюдь не в свою пользу. От честолюбивого намерения занять высший пост генерал отказался еще в марте, на упоминавшемся военном совете, где мог бы встретить сочувствие, пожелай он начать собственную игру («Слащов — защитник Крыма и единственный из начальников, сохранивший войска, [—] пользовался огромной популярностью среди большей части населения Крыма. Его партия была едва ли слабее, а вернее, сильнее Врангелевской», — писал об этом через несколько лет бывший соратник Слащова). И как тогда, в марте, он сделал ставку на сотрудничество с Врангелем, так и теперь, в ноябре, решил поддержать командующего 1-й армией генерала Кутепова, за которым, очевидно, Яков Александрович ощущал поддержку наиболее многочисленных и сплоченных контингентов, эвакуировавшихся из Крыма, — кадров Корниловских, Марковских и Дроздовских полков.

Нам кажется более чем вероятным, что, как рассказывает Слащов, в часы крушения фронта в штабном вагоне Кутепова оба генерала дружно ругали Главнокомандующего и его окружение («ставка все погубит», «генерал Врангель недостаточно решителен в ту минуту, когда от вождя нужна именно решительность, а его "камарилья" достаточно типична именно для определения ее таким словом» и т. п.). На босфорском же рейде, вспоминает Яков Александрович, «я возобновил этот разговор и указал Кутепову на

необходимость смены штаба»; «Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт».

В книге, выпущенной по горячим следам в Константинополе, Слащов ограничивает участие Кутепова в попытке переворота всего лишь «согласием»; в «отрывках из воспоминаний», написанных и изданных уже в Москве, он делает своего собеседника инициатором: «…Кутепов заявил: “Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся”». В принципе нам представляются равно правдоподобными оба варианта, и возможно, что в обсуждении, которое вряд ли было похоже на хладнокровный заговор, выделить подлинного инициатора оказалось бы довольно трудно. Однако реплику Кутепова, приведенную нами вслед за Яковом Александровичем, следует поставить под сомнение по крайней мере наполовину: слова «раз ты совершенно разочаровался» являются ответом на якобы высказанное ранее мнение Слащова «что армия больше, по-моему, не существует», — в январе же 1921 г. Слащов черным по белому провозглашал: «…Армия эта — Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду, — она умереть не может и не должна!» Да и в самом рапорте выражалась уверенность, что «бойцы под командой старшего из бойцов, генерала Кутепова, хотя бы на новом фронте, исполнят свой долг».

Заподозрить Слащова в двоемыслии довольно трудно, и не только из-за отзывов, подобных сделанному одним из ближайших его соратников: «Лично он был чрезвычайно добродушный и милый человек, почему все его близко знавшие горячо любили эту широкую чисто русскую душу», — и даже: «Якова Александровича не трудно было обмануть, т. к. он был очень доверчив», — что как будто плохо увязывается со способностями к двуличию. Важнее другое: смысл рапорта, поданного Врангелю, сводится к необходимости позаботиться о голодающих офицерах и солдатах во имя сохранения Армии, а при действительном разочаровании это было бы слишком уж большим, ничем не оправданным и никак не мотивированным цинизмом.

Обратим внимание еще на одну деталь: рапорт был написан Слащовым на борту вспомогательного крейсера «Алмаз», а именно там к этому моменту (19 ноября) располагался штаб Кутепова. Похоже, что документ, упрекавший Врангеля в невыполнении обязательств перед вверенной ему Армией, родился сразу же по результатам если и не «заговора», то «сговора» между двумя генералами. Показательно, однако, отсутствие прямого требования уйти с поста

Главнокомандующего, хотя оно и читается между строк, а сам рапорт написан в весьма вызывающем тоне. Очевидно, вплотную подойдя к «тому, что принято называть coup d'etat», Яков Александрович все-таки не смог и преодолеть привычку к субординации.

В принципе, часть общественного мнения была уже подготовлена к смене Врангеля, причем не только Кутеповым, но и самим Слащовым. Современник зафиксировал разговоры в толпе, собравшейся перед русским посольством в Константинополе при получении известий о крымской катастрофе: «Слышали? Слащов — вместо ген[ерала] Врангеля». — «Ерунда, ген[ерал] Врангель сам назначил Слащова». Но в действительности смена Главнокомандующего так и не состоялась.

«Что произошло на "Корнилове" (крейсер, где находился штаб Главнокомандующего. —А.К.), куда Кутепов возил мой рапорт, я не знаю, ибо ответа никакого я на него не получил», — пишет Слащов. Не имея на этот счет никакой конкретной информации, нетрудно, однако, догадаться, что произошел новый «сговор» — Врангель расколол складывающуюся генеральскую оппозицию, прежде чем она успела по-настоящему оформиться. Последовательность событий сама по себе достаточно красноречива: рапорт Слащова, в котором он «выставил преемником власти главкома генерала Кутепова», датирован 19 ноября, 20 ноября Генерал-лейтенант Кутепов был произведен Врангелем в генералы-от-инфантерии, а 21-го «назначен командиром 1-го армейского корпуса, в состав которого сведены все части Русской армии, кроме казаков».

Следует признать, что сложившееся «распределение ролей» в иерархии русских войск, сохранивших свое военное лицо и на чужбине, в первую очередь в лагере близ города Галлиполи, было достаточно целесообразным. Врангель, все-таки несший печать только что проигранной войны, остался в Константинополе, при помощи назначенного им «Русского Совета при Главнокомандующем» стремясь защищать интересы и целостность Армии, в то время как Кутепов находился с войсками, крепко взяв их в руки и восстановив высокий моральный дух. Посетивший Галлиполи писатель И. С. Лукаш так рассказывал об этом:

«О Врангеле в армии говорят мало. Врангель вне армии, выше ее. О Врангеле не говорят как о командующем. Для Галлиполи он выше командующего. За синей линией моря, где идут рядами, томительно шумя, белые дорожки пены, там перед всем миром Врангель один стоит за Россию и ее армию. […]

Армия любит Врангеля. Армия знает, что Врангель — ее одинокая стена перед всем миром.

А широкоплечий и крутой Кутеп-паша — в самой армии. Это ее нарезной винт, ее крутой и крепкий цемент».

При таком распределении ролей генералу Слащову места уже не оставалось…

Открытый конфликт

Жизнь как будто специально подталкивала Якова Александровича к новым и новым действиям, все дальше и дальше по пути, который он сам, быть может, в другое время счел бы предосудительным. После неудачи «дворцового переворота» генерал сделал первую попытку вынести сор из избы, обратившись к председателю «собрания Русских Общественных Деятелей» П.П. Юреневу с письмом, в котором повторял свои упреки в адрес Врангеля («несоответствие некоторых окружающих его лиц», ошибочная стратегия, повлекшая оставление Крыма, неспособность или нежелание обеспечить бедствующих чинов Армии и беженцев, в целом — несостоятельность как Главнокомандующего и Правителя) и оспаривал призыв «собрания» во имя продолжения борьбы сохранить «преемственность власти ген[ерала] Врангеля, действующего в полном единении с широкими общественными кругами». «Общественные организации теперь выступают на поддержку виновников потери нашей Земли», — возмущался Слащов, однако получил довольно сухой ответ: «…Бюро Политического Объединения считает долгом с особой настойчивостью настаивать (так в документе. — А.К.) на мысли о необходимости в переживаемый момент общественного и индивидуального единения», причем центром, вокруг которого следовало объединяться, по-прежнему предполагался Врангель. Одновременно письмо Слащова было передано… тому же Врангелю, образовавшему «суд чести старших офицеров», который по рассмотрении письма признал «поступок генерала Слащова-Крымского в переживаемое нами тяжелое время недостойным русского человека и тем более генерала». Следствием стало увольнение «виновника» от службы «без права ношения мундира».

Слащов был, разумеется, возмущен и ответил письмом на имя Врангеля, справедливо указав на многочисленные юридические несоответствия в судебной процедуре и с не меньшим жаром подчеркивая: «…Пребывание Вас и сдавших [Крым?] некоторых высших начальников [на своих постах] для дела вреднее моих разоблачений»; «начальники, поставившие своих подчиненных в столь тяжелое положение, как наше, потеряли свой авторитет и никогда не смогут возродить дело». Впрочем, похоже, он изначально не очень надеялся не только на какой-либо эффект от этого письма, но и на убедительность (эффективность?) своего обращения к Юреневу, поскольку в течение декабря 1920 г. уже

должен был предпринимать шаги по систематизации материалов и подготовке к печати книги, увидевшей свет 14 января 1921-го.

Громкое и, быть может, даже крикливое название — «Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма): Мемуары и документы» — привлекало к книге внимание не меньше, чем громкое имя автора (книга вышла с его фотопортретом периода крымских боев весны 1920 г. и факсимильным автографом). Издатель или книгопродавцы не поскупились даже на дополнительную рекламу в виде «сандвичей» (людей с плакатами на груди и на спине), а вскоре к этой рекламе присоединился и привкус запретного плода: книгу не разрешено было продавать в киоске во дворе русского посольства, а одиночных продавцов («голодных офицеров, продававших книжку из-под полы») разгоняли. Тем не менее, книга расходилась, и вскоре потребовалось второе издание, практически стереотипное. Проникала «константинопольская брошюра» (как называл ее впоследствии сам Слащов) и в «кутеповский» галлиполийский лагерь, где ее передавали из рук в руки, взимая за прочтение по полдрахмы (плату умеренную — менее 10 % продажной стоимости книги, — но для голодных галлиполийцев ощутимую, равную стоимости 300–400 грамм хлеба или риса). Не останавливало ни это, ни дисциплинарная ответственность, которая грозила за знакомство с произведением Слащова.

Однако была ли достигнута цель, которую ставил перед собою Яков Александрович, выпуская свою «константинопольскую брошюру»? Для ответа на этот вопрос следует задуматься, какой же могла быть эта цель. Разложения армии, которая, оказавшись за границей, якобы становилась исключительно орудием в руках иностранцев и «врагом России» (официальная слащовская версия после его переезда в РСФСР), по совести, трудно было достигнуть, восклицая: «…Русская Армия […] умереть не может и не должна!» Не стоит видеть в книге и свидетельство «смены вех», перехода на новые идейные позиции, тем более что и «сменовеховский» лагерь не признавал генерала «своим» (за двадцать номеров журнал «Смена Вех» лишь однажды, и то уже в феврале 1922 г., упомянул Слащова в более или менее положительном контексте, а его выступления января 1921-т попросту игнорировались): ведь Яков Александрович не выражал ни тени сомнения в необходимости борьбы против большевизма в ее целом или частностях, не предлагал менять курс, не противопоставлял идеи патриотизма — идее сохранения армии на чужбине (что прозвучит позже в его «московских» мемуарах). «Константинопольская брошюра» написана с прежних «белогвардейских» позиций и даже, если угодно, позиций еще более непримиримых, чем врангелевская (по

Слащову, в ноябре 1920 г. следовало продолжать войну, а не эвакуироваться). Именно с такой точки зрения генерал считал Врангеля несостоятельным Главнокомандующим и призывал «общество» отказать ему в доверии на будущее. Удивительно ли, что призыв этот оказался обращенным в пустоту?

«“Последним Новостям” нужны были обличения Слащова, а правда им была не нужна», — писали в 1923 г. авторы «врангелевского» лагеря, однако в действительности парижской газете избравшего «новый курс» П.Н. Милюкова не нужен был ни разоблачительный пафос Якова Александровича, ни сущность упреков, высказанных им в адрес Главного Командования. Те общественные круги, которые не считали целесообразным поддержать Врангеля, в самом лучшем случае вздыхали: «И все эти жалобы, и интриги, и суды чести, — до чего это все эмигрантское, беспочвенное и безнадежное!» («Последние Новости»), а то и откровенно злорадствовали по поводу «ссоры двух “генералов” выпуска гражданской войны» (эсеровская «Воля России»). Позиция Слащова — за продолжение активной борьбы, но против признания ее вождем генерала Врангеля, — могла бы в будущем встретить поддержку радикально-монархических кругов, но в январе — феврале 1921 г. время для этого еще не наступило, и декабрьский номер берлинского «Двуглавого Орла» в редакционной статье, прославляя подвиг «горсточки храбрецов под водительством монархиста генерала Слащова» во время крымских боев, еще не противопоставлял ему «честного полководца генерала Врангеля», а называл эти имена в общем ряду. Способными понять и не осудить Якова Александровича, похоже, оказывались… только его недавние соратники и подчиненные, не под- дсрживавшие, впрочем, вызывающих действий опального генерала.

«Я не суд и не общество — я только бывший рядовой офицер Русской армии, но хочу сказать и Слащову, и обществу то, что я думаю о его книге, о той правде, которая в ней, и о том моменте, когда она была выпущена», — начинал брошюру «Ответ генералу Слащову-Крымскому» не раскрывший своего имени «поручик П. В-ов», подчеркивая далее, что книга, «ударяя по личности Врангеля, […] бьет по самой идее вооруженной борьбы с большевизмом, дискредитируя генеральство вообще», — и восклицая в надежде, что «снова раздастся трубный призыв»:

«За кем идти?

Ведь кроме Врангеля и Слащова, Армия никого не знает (явное преувеличение — как мы помним, не меньшей популярностью пользовался Кутепов. — А.К.).

Других имен, могущих объединить и спаять изверившихся во

всех и всем солдат, — нет.

А ведь может настать час, когда Родина снова призовет своих измученных, но верных ей сынов к новой жертве, к новому бою за Веру и Отечество. […]

Надо протянуть друг другу руки, и тогда Армии, страдающей на чужбине, хотя [бы] морально станет легче нести тяжелую страду изгнания».

Незамеченные события

Традиционные изложения конфликта Слащова с Врангелем и последующего отъезда Якова Александровича в РСФСР не замечают или игнорируют и процитированный выше призыв, и отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки эмигрантской общественностью обличений Слащова. А между тем, трудно представить, чтобы все это не оказывало влияния на впечатлительного генерала; и если считать правдоподобным предположение, что безответные апелляции к ссуду общества» должны были его разочаровать, — появляются и основания не отвергать (как совсем недостоверные) сведения о новых шагах Слащова, направленных… к примирению с Главнокомандующим.

Газеты тех дней, уделявшие генеральскому конфликту немалое внимание, то и дело публиковали и явные сутки» в диапазоне от ареста Слащова до его отъезда из Константинополя в Сербию; поэтому отношение к газетной информации изначально не может не быть критическим. Однако нельзя и полностью отбросить заметку о «повинной генерала Слащова» (опубликована 6 марта), в которой утверждалось, что Яков Александрович обратился к Врангелю с «прошением о разрешении ему вернуться в ряды армии»: «…Ген[ерал] Слащов заявляет о полном раскаянии в своих поступках и выпадах против ген[ерала] Врангеля, объясняя это “раздражением голодного человека”». Менее чем через три недели появилось и сообщение о формировании им с отряда партизан своего имени», в другом печатном органе снабженное комментарием: По слухам, состоялось его примирение с ген[ералом] Врангелем». Некоторым основанием для доверия к этой информации могут служить два мемуарных свидетельства, которые, как представляется, следует считать независимыми.

Трудно предположить, чтобы генерал Н.В. Шинкаренко сорок с лишним лет спустя в Испании вспомнил крохотные заметки, промелькнувшие в парижской или берлинской газете в 1921 г., когда писал о Слащове: В Константинополе повел себялюбивую кампанию против Врангеля. Брошюры за своей собственной подписью. Потом устыдился, что ли, и выразил раскаяние». И еще меньше оснований не доверять однополчанину Якова Александровича еще по Мировой войне, полковнику Б.В. Сергееву, близко общавшемуся со Слащовым в Константинополе и позже, на страницах малотиражного полкового журнала, рассказавшему: «…Он считал, что нельзя складывать оружия, а нужно бороться и бороться. Он не хотел считаться с общей

усталостью. Проект с высадкой (десантом на территорию Советской Республики. — А.К.), с началом партизанщины, — вот чем он был занят».

Последним свидетельством конкретизируется беглое упоминание об «отряде партизан», по времени совпавшее с появлением весной 1921 г. известий о массовых восстаниях против большевиков в районе Одессы — местности, где Слащов успешно воевал в 1919-м и которую считал предпочтительной для развития боевых операций в 1920-м. История донесла до нас реакцию члена Русского Совета В.В. Шульгина на это известие: Шульгин просил у Врангеля «генерала с именем», чтобы «составить в Одессе правительство», — а на вопрос Главнокомандующего «кого вы имеете в виду?» — с жаром отвечал: «Генерала Слащова. Я знаю все ваши возражения. Но у него — имя!»

Из «проектов с высадкой», однако, ничего не вышло, и приходилось как-то существовать дальше. Будучи исключенным со службы в декабре, Яков Александрович действительно остался, как он писал, «по типичному беженскому выражению, “без пиастров”», не имея надежды ни на какое, сколь угодно мизерное, жалованье. Полковник Сергеев вспоминал, что генерал был вынужден даже продать золотой эфес наградного оружия (как характерно, что не клинок!). Однако к лету 1921 г. Слащов добился субсидии константинопольского представительства Всероссийского Земского Союза (называли сумму в 2000 турецких лир); интересно, что возглавлявший Земский Союз А.С. Хрипунов в конце июля призывал армию к «распылению, организованному по общему плану»… вместе с П. Юреневым, чья «проврангелевская» позиция в декабре так дорого обошлась Слащову. Тогда же генерал переезжает из Константинополя («квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди») «на “угол” Босфора и Черного моря […] в имение Мемет-паши», где организует «сельскохозяйственную колонию».

«Позируя, подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. […) И вдруг генералу Слащову-Крымскому пришлось разводить индюшек в Константинополе на ссуду Земского союза!» — иронически писал человек, несколько раз в жизни разговаривавший со Слащовым. Однако на самом деле Яков Александрович любил птиц, держал их у себя дома, заботился о заболевших или увечных, так что подчиненный, хорошо знавший его, даже назвал эту любовь «юродивой». Сохранилась и фотография эмигрантского периода, на которой Слащов кормит индюшат и все дышит покоем и умиротворенностью. После шести лет непрерывной войны месяцы

в «имении Мемет-паши» могли бы показаться идиллическим отдыхом, если бы они не были наполнены тайною работой, о смысле и содержании которой мы и сейчас можем только догадываться.

Прежде всего, как уже было сказано, с февраля генерал Слащов вел тайные переговоры с большевистским агентом «Ельским» (псевдоним представляется переводом фамилии: «Tannenbaum» — по-немецки «ель»). Сразу следует заметить, что работа красной разведки выглядит довольно плохо скоординированной, а Яков Александрович, похоже, не доверял ни одному из своих собеседников, приехавших из Советской Республики. Так, о его «желании вернуться на родину, чтобы отдать себя в руки советского правительства» в ВЧК узнали вовсе не от константинопольского «конфидента» генерала, а из перехваченного частного письма, а Разведывательное управление штаба войск Украины и Крыма к октябрю установило контакт со Слащовым независимо от ВЧК и тогда же сообщило об аналогичных намерениях Якова Александровича; значит, генерал независимо вел переговоры с каждым из агентов, не ставя их в известность, что они дублируют работу друг друга? И сомнительным выглядит отправное положение всей «разработки» Слащова большевиками: из массы слухов и разговоров, попадавших, как мы видели, и на печатные страницы, они выделили лишь генеральскую ссору и жалобу Слащова на то, что с ним поступили несправедливо и выбросили из армии «без пиастров».

Непонятно даже, насколько серьезно рассматривался вопрос, почему, собственно, для «обиженного» Слащова Советская власть должна была оказаться ближе (или по крайней мере более приемлемой), чем другие политические силы или личности, с которыми Яков Александрович поддерживал в это время контакты: чем константинопольские или берлинские монархические круги; чем украинские федералисты «непетлюровского» толка (Украинский Национальный Комитет С.К. Маркотуна) или «монархической» (гетманской) ориентации (полковник И.В. Полтавец-Остряница, с меньшей вероятностью — сам бывший Гетман Украинской Державы генерал П. Скоропадский); чем Великий Князь Димитрий Павлович, «состоящим в распоряжении» которого признавал себя сам Слащов применительно к тому же 1921 г.; чем те эмигранты, которые строили на его счет самые причудливые планы (сохранились воспоминания, как при обсуждении кандидатов на престол в кулуарах Церковного Собора 1921 г. в ряду других упоминалась и кандидатура Слащова «якобы как незаконного

сына Александра III»)… Наконец, почему большевиков, против которых Слащов так упорно сражался, он должен был предпочесть… тому же генералу Врангелю, несмотря на все прошлые обиды и несогласия?

Последний вопрос не является праздным, несмотря даже на то, что, независимо от предположительного «раскаяния» Слащова в марте, личная неприязнь между генералами отнюдь не была изжита. Поэтому не стоит подвергать сомнению искренность критических замечаний в адрес Врангеля, содержащихся в слащовских мемуарах (замечаний не всегда справедливых), или едких зарисовок в мемуарах врангелевских, изображающих Якова Александровича человеком с «туманом в голове». Тем знаменательнее, на наш взгляд, что Главнокомандующий, не питая к нему расположения и в целом на страницах своих «Записок» не отличающийся справедливостью и беспристрастием, ни разу не позволяет себе попрекнуть опального военачальника «изменой» или «переходом к большевикам» (а ведь «Записки» создавались по горячим следам, в 1921–1923 гг.!). Но это, разумеется, не может само по себе считаться доводом, поэтому обратимся к показаниям Слащова, данным им в Москве.

Оказавшись в Москве, Яков Александрович, естественно, подвергся допросу в ВЧК, где у него стремились получить сведения о составе Русской Армии, ее военачальниках, эмигрантских организациях и проектах и проч. В документе, датированном 10 ноября 1921 г., содержится, в частности, весьма невразумительный рассказ, как сербский посланник, пригласив генерала в гости, положительно отзывался при нем о Врангеле; Слащов якобы ответил: «Не будем говорить о этом подлеце», — но… «несмотря на это, через несколько дней Врангель приехал по делу сербосланника (так в публикации документа. — Л.К.), но мы не разговаривали. Потом Врангель приехал вторично, но мы не разговаривали. Все это я могу объяснить только желанием французов использовать Добровольческую] А[рмию] для нужных им целей в Украине (так в публикации документа.—А.К.). Нужно было поддержать Врангеля, которого они признали как верховного правителя, и зачем-то нужно было мирить меня с ним».

Показания Слащова вообще содержат немало недостоверных, неправдоподобных или просто ложных утверждений: в частности, французское командование было озабочено изоляцией Врангеля, а не консолидацией вокруг него эмигрантов, и распылением Русской Армии, а не подготовкой ее к десанту. Кроме того, непонятен и стилистически не очень оправдан повтор в отношении «приездов» Врангеля. К сожалению, неясен характер

документа, опубликованного в наши дни по заверенной копии, — и не исключено, что он представлял собою не собственноручные показания, а более или менее точную запись (протокол), или, в случае, если исходный документ был все-таки написан Яковом Александровичем, — что он отражал не только пронумерованные вопросы опросного листа, но и уточняющие вопросы, задававшиеся в ходе каких-то бесед, о которых мы, скорее всего, никогда уже не узнаем. Если это предположение верно, и непонятный повтор «приехал… не разговаривали» — «приехал… не разговаривали» стал следствием назойливых вопросов, то недалеко уже до картины, где Слащова уличают в чем-то. И это как будто подтверждается пометками на документе: «не разговаривали», — утверждает генерал, — «разговаривали», подчеркивает неизвестный читатель, минуя «не»; «не разговаривали», — повторяет Яков Александрович, — «разговаривали», вновь подчеркивает чекист.

Пройдет несколько лет, и Слащов расскажет в печати ту же историю с дополнениями, которые сделают ее еще более подозрительной: «За ужином [у посланника] я застал офицеров лейб-гвардии Атаманского полка из штаба Врангеля, и разговор вертелся на том, что в тяжелый для родины момент нельзя ссориться, а надо действовать всем заодно, во имя отечества». Разумеется, и тут он отвергает подозрения в сговоре: «Должен сознаться, что я был несколько груб и неосторожен (своими словами я мог сорвать весь план моего отъезда), но я прекратил этот разговор очень резко», — однако с довольно загадочным продолжением: «Ужин оказался впустую, — я ушел к себе, — но виновник торжества, генерал Врангель, предупрежден вовремя о неудаче не был и разлетелся в имение Энвер-паши (где происходила беседа; самого Энвера, как известно, в Турции уже давно не было.—А.К.)». Вряд ли можно сомневаться в установлении за Слащовым слежки со стороны советской агентуры в Константинополе, и приведенные туманные цитаты, производящие впечатление какой-то недосказанности, сильно походят (особенно вторая) на попытки довольно неуклюжей «легализации» генералом обстановки, дававшей ему летом 1921 г. возможность для переговоров с Главнокомандующим, — переговоров, которые оба, очевидно, больше всего хотели бы сохранить в тайне.

Темнил и путал следы не один Слащов. Полковник князь Д.Д. Тундутов, в 1918 г. бывший «временным Атаманом Астраханского Казачьего Войска», в ноябре 1922-го репатриировался в РСФСР, в апреле 1923-го был арестован и в июне в камере Бутырской тюрьмы написал многостраничное повествование о событиях

Мировой и Гражданской войн, а также своем пребывании в эмиграции. По рассказу Тундутова, осенью 1921 г. в Константинополе оп получил приглашение от Слащова встретиться и познакомиться, однако сама встреча описывается крайне невнятно: «Мы сели за стол. Разговор вначале, как всегда бывает между малознакомыми людьми, шел довольно вяло… […] После кофе, когда было уже довольно выпито, ген[ерал] Слащов обратился ко мне: “Я собираюсь ехать в Россию, жизнь здесь мне опротивела и не имеет никакого смысла”. “А Вы не боитесь?”, спросил я его. “Судьба”, пожал он плечами. “Положение русских эмигрантов за границей невыносимо, если Советская власть простит нас, то надо возвращаться домой”, добавил он. “Вы популярны, в армии Врангеля у Вас много сторонников, если Вы по приезду (так в публикации документа. — АЖ.) в Россию получите прощение для них и напишете им, я думаю, многие последуют за Вами”, отвечал я. Затем разговор прекратился, вмешался генерал Дубяго (бывший начальник штаба у Слащова в 1919–1920 гг. — А.К.), и разговор принял самый посторонний характер. Через несколько времени, поблагодарив Слащова и Дубяго за хлеб-соль, мы с Чоновым (сотрудник Тундутова в описываемый период. — АЖ.) покинули кабинет».

Рассказ князя очевидно неправдоподобен. Специально знакомиться с кем-то совершенно неизвестным ранее, чтобы вместе выпить и неожиданно признаться в предстоящем отъезде, который совершался конспиративно, — было бы слишком даже для такого импульсивного и неуравновешенного человека, каким изображали Слащова недоброжелатели. А если предположить (и предположение это кажется нам не лишенным основания), что единомышленники Якова Александровича, которые у него безусловно были, предварительно наводили справки о Тундутове, — то версия последнего об их знакомстве начинает выглядеть и вовсе невозможной, ибо князь был связан с «калмыками, которые были на английской службе в Константинополе», то есть имел подходящее «прикрытие» для возможных контактов с англичанами. Слащов же, как утверждал впоследствии в СССР (и вряд ли мог утверждать иначе), подвергался слежке со стороны иностранцев: «…Я хотел вернуться в свое отечество. Франция и Англия сделали все, чтобы это не состоялось». В такой ситуации сомнительное знакомство и совершенно немотивированная откровенность были бы решительно недопустимы и даже попросту преступны.

На допросе в ноябре 1921 г., вероятно, еще не зная, что через год Тундутов тоже пожелает «репатриироваться», Яков Александрович упомянул его как эмиссара Великого Князя

Димитрия Павловича. Однако в действительности этим не ограничивался весьма широкий круг знакомств и возможных единомышленников бывшего атамана, среди которых наибольшее внимание должна была бы привлечь фигура генерала П.Н. Краснова (в 1918 г. он покровительствовал попыткам Тундутова сформировать «Астраханскую Армию»). В частности, уже находясь в советской тюрьме, князь признавал, что весной 1922 г., вступив в переговоры с большевиками о репатриации (то есть при обстоятельствах не менее подозрительных, чем во время его знакомства со Слащовым), он встречался в Германии с Красновым, — причем дал описание этой встречи, также не выглядящее правдоподобным. Слащов никогда не служил вместе с Красновым и, скорее всего, они не были лично знакомы. Однако на тех же допросах в 1921 г. Яков Александрович совместно с капитаном Б.Н. Войнаховским неожиданно упомянул бывшего Донского атамана, причем в контексте, вызывающем сегодня изумление: среди лиц, якобы разделявших «возвращенческие» настроения (а на самом деле отличавшихся упорной непримиримостью)…

Последнее слово Слащова-Крымского

Еще раз подчеркнем: все эти наблюдения и сопоставления не столько дают ответы на вопросы, сколько побуждают задавать новые, — как и последнее заявление генерала Слащова, преданное гласности уже после его отъезда из Константинополя: «Все предположения, что я еду устраивать заговоры или организовывать тайком всех повстанцев — бессмысленны. Внутри России революция окончена. Единственный способ бороться за наши идеи — это эволюционный путь. На этом нуги стоят и большевики.

Если меня спросят, как я, защитник Крыма от красных, перешел теперь к ним, я отвечу: я защищал не Крым, а честь России. Ныне меня зовут защищать честь России, и я еду выполнять мой долг, считая, что все русские[,] военные — в особенности, должны быть в настоящий момент в России».

Письмо это является поистине пограничным в биографии генерала: каковы бы ни были условия его жизни в эмиграции, сколько бы лишений и несправедливости ни испытывал он там, смелое и честное слово Якова Александровича было свободно. Теперь же все высказанное приходилось тщательно взвешивать, и оттого открытые заявления Слащова-Крымского в этот последний период его биографии то и дело оставляют мучительное ощущение недосказанности.

Что же касается заключительной фразы из процитированного заявления, — нельзя не упомянуть, насколько созвучна она словам И.А. Ильина из письма Врангелю — в сущности, меморандума о ситуации в России и борьбе против большевизма, где мельком упомянут и Слащов: «Центром контрреволюции должна быть Москва. Кто действительно хочет работать — должен работать там (всюду в цитате — курсив И.А. Ильина. — А.К.). И притом в красной армии и особенно в войсках особого назначения […]. Это очень трудно и очень опасно, но единственно реально*. К сожалению, скорее всего мы никогда с достоверностью не узнаем, случайно ли это совпадение, или генерал и философ действительно мыслили одинаково…

А.С. Кручинин

ПРИЧИНЫ РАЗЛОЖЕНИЯ СТАРОЙ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВРЕМЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

На наших глазах разложилась, проиграла войну и прекратила свое существование одна из величайших армий мира. Созданная Петром Великим в тяжелую годину Северной войны, войны за существование России, эта армия вписала много подвигов и побед в свою историю и вдруг так бесславно погибла при испытании значительно менее серьезном, чем то, которое было ей предъявлено при ее зарождении.

Нам приходилось слышать, да и теперь часто это передается из уст в уста, что фронт разложили большевики, и не будь их — мы бы не дошли до позорного Брестского мира. Я отнюдь не стану говорить, что партия большевиков не стремилась ликвидировать старую армию… но эта гибель была предрешена уже только потому, что старая армия сама умирала. А умирала она вот почему.

Если мы возьмем военную историю, то увидим, что после первого расцвета, после первых ста лет своего существования обособленная от народа армия быстро стала увядать. Сначала еще действовала хорошая подготовка начальников, близкая связь офицера и солдата и долгий срок службы последнего, а с общей воинской повинностью и кратким сроком службы дело пошло из рук вон плохо и старая армия быстро стала клониться к упадку, проигрывая или бесславно кончая одну войну за другой.

Армия… является олицетворением государственного строя — а война является экзаменом государственного строя и армии. Если эти оба фактора не соответствуют настроению и нуждам народных масс, то они на экзамене провалятся.

Безответственное правительство выдвигало на главнейшие посты военного ведомства лиц не по способностям, не тех или иных убеждений, а лиц ему удобных и угодных, в большинстве случаев совершенно без всяких убеждений и заботящихся только о том, чтобы им было хорошо. Можно спорить или соглашаться со взглядами или убеждениями отдельного лица или отдельной правящей партии, можно ее критиковать или одобрять, но о лицах безличных и заботящихся только о своем благе спорить не приходится, и остается сказать, что они в лучшем случае бесполезны, а почти всегда вредны. Такое положение в русской армии тянулось десятки лет. Маленькая встряска и улучшение

были во времена Милютина, но в последующие годы отношение к подготовке армии резко ухудшилось.

К Японской войне дремавшая и работавшая по старой привычке армия оказалась совершенно неподготовленной ни в низах, ни в высшем комсоставе. До Японской войны мне служить не пришлось, но, происходя из военной семьи, я наблюдал, как спустя рукава велись занятия и как все сводилось к отбыванию номера. Высший командный состав в особенности оказался не на высоте своего призвания, и войска, превосходившие японцев числом, терпели от них поражение за поражением.

Японская война и произошедшая после нее революция немного встряхнули армию. Поражение вызвало в армии усиленную работу, но главным образом в низах. Требовали с низов, а верхи бездействовали. Во всяком случае лучшее отношение низшего комсостава к занятиям, большее приближение офицеров к солдатам сильно подняли боеспособность армии.

В это время я был только что произведенным офицером, и пришлось констатировать полное несоответствие большинства высшего комсостава занимаемым должностям. Работы было видно мало, и то только отдельных лиц, большинство же старших начальников часто вместо доверия и уважения у подчиненных возбуждали улыбку, и их действия служили темой для анекдотов, непоучительных рассказов. Стоявшие у кормила правления лица, заботясь только о себе, совершенно не умели поставить правильную подготовку и выбор высшего комсостава. Безответственные и удобные люди выбирали себе таких же безответственных и удобных подчиненных. А о том, что когда-нибудь может настать экзамен государству и армии — никто из них не задумывался. Даже система аттестации была поставлена фактически на несоответственных началах, и разврат в этом вопросе доходил до таких размеров, что начальник давал отличную аттестацию заведомо никуда не годному подчиненному, только чтобы он скорее от него ушел, получив другое назначение, часто с повышением. Для лиц, особенно приятных верхам по своему ли «удобству» или по родству, устраивали сокращенные и фиктивные командования, если это командование обязательно требовалось для выдвижения существовавшим цензом. Спрашивается, могли ли таким образом выплывшие наверх начальники заслужить уважение своих подчиненных и тем создать необходимую в войсках спайку, которой уделял столько внимания Петр? Конечно, нет.

Младшее, особенно пехотное, офицерство было обеспечено нищенским жалованьем почти без просвета впереди в виде мало-

мальской пенсии. Такое положение создало страшный отлив из армии молодых, лучших сил. Правительство боролось не с причинами этого отлива, а чисто механически, а именно: были установлены сроки обязательной службы за полученное образование, программы корпусов были урезаны так, чтобы сделать кадету невозможным поступление в высшие гражданские заведения без специальной, уже их личной, отдельной подготовки. Воспитатели корпусов, из отделений которых много кадетов уходило на сторону, получали за это выговор. Все сводилось к тому, чтобы закабалить молодые силы. Спрашивается, не носила ли в себе такая армия все данные для смерти при малейшем серьезном испытании?

Но все же эта армия была еще сильна. Ее низший комсостав, будучи аполитичен, происходил из народа и близко стоял к солдату. Несмотря на удручающе тяжелую жизнь большинства этого состава, эти сыны народа в золотых погонах ревностно относились к делу и их стараниями армия все же была обучена. Внутри частей была сплоченность и жили традиции. Тут произошло характерное явление: и на маневрах, и в Японскую войну, и в последнюю Европейскую роты и батальоны и иногда полки действовали великолепно. Действие же полков уже начинало иногда прихрамывать. А чем выше было войсковое соединение, тем дело шло хуже и хуже. Высший комсостав в большинстве своем не умел управлять своими частями и для занимаемых должностей не годился. Результатом этого явления были Сальдау, Восточная Пруссия, Варшава (1914 г.), Лодзь, когда наши силы превосходили силы врага иногда почти вдвое. В результате этих поражений мы проиграли кампанию. С германским комсоставом наш комсостав бороться не мог — тогда как роты и батальоны боролись с успехом. Исключение в этой картине поражений составляла борьба с австрийской армией, состоявшей из самых разнородных и враждебных друг другу элементов и, как показывает военная история, наспециализировавшейся на поражениях.

Дело снабжения армии шло еще хуже, чем подготовка. Безответственная дворцовая правящая группа выдвинула такого военного министра, как Сухомлинов, громкую историю которого невозможно было замять даже тогда. Армия держалась только на кадровом рядовом офицерстве и на воспитанных им кадрах солдат.

Первые же шаги на войне повлекли поражение на Восточно-Прусском и Варшавском фронтах и победы с такою большой кровью на Австрийском фронте, что кадровый состав на 3/4 выбыл из строя. Прибывало комплектование из забывших уже

свою службу людей, совершенно несколоченных, и из ратников ополчения, совершенно необученных. Ведь в мирное время через войска проходило только 48 % ежегодного призыва, остальные зачислялись в ратники ополчения и не получали фактически никакого обучения. Армия превратилась в армию нового состава, комплектованную народом, с которым она связи не имела и интересы которого не представляла.

Говорится: «Имейте хорошую голову, а хвосты всегда можно будет приделать», но эти-то головы, т. е. кадры, были уничтожены неумело веденными боями начала войны. На сцене появилась масса резервных частей, наскоро сформированных с объявлением мобилизации, командирами полков которых благодаря указанной выше системе аттестаций часто оказывались лица, совершенно непригодные к этой должности (были и такие, которые с трудом читали карты).

Еще хуже обстояло дело в запасных частях, которые должны были подготовить бойцов для фронта. Каждый батальон распух до 8000 человек. Мест не хватало, спали вповалку, заниматься было негде, и занятия велись спустя рукава, к тому же не хватало вооружения. Офицеров в запасных частях не было: на 100 солдат едва приходился один действительно несущий службу и не лечившийся после ранения кадровый офицер. Вся работа лежала на вновь произведенных прапорщиках, прошедших 4-месячный курс обучения, которые сами ничего не знали и часто даже не умели командовать, так что вместо уважения вызывали у солдат презрительную улыбку. Спрашивается: что вы можете ожидать от армии без хорошего комсостава, без духа и необученной? Не умирала ли она? По-моему, безусловно.

Ряд поражений создал полную деморализацию русских войск перед германцами к 1915 году. Сначала не хватало амуниции — в войсках прямо говорили, что все разворовано Сухомлиновым. Из-за этого и из-за поражений всякое уважение и доверие к высшему комсоставу, в большинстве не баловавшему войска своими посещениями, особенно в бою, было утеряно. Кадровых офицеров было мало, и то худшего качества, в большинстве из тех, кто в начале войны засиделся в тылу — все места заполнили прапорщики. Кто же руководил этими войсками, превращавшимися в толпу? Люди неумелые, люди, не внушавшие по своим знаниям и опыту доверия массам. Армия умирала, т. е. разлагалась.

В начале 1915 года я командовал ротой лейб-гвардейского Финляндского полка, т. е. ротой, на которую обращается в полку наибольшее внимание. Вернувшись после ранения, я застал в ней 171 ратника, 7 кадровых солдат и 1 прапорщика, т. е. даже

комсостав роты пришлось назначать из совершенно необученных ратников. Во всем полку оставалось 7 кадровых офицеров, и это было не исключение, а скорее правило в начале 1915 года, т. е. до летнего германского наступления, когда русская армия фактически перестала существовать и превратилась в совершенно новое ополчение со старыми названиями.

Итак, в 1915 году старая армия окончательно превратилась в ополчение без опытного комсостава, без способных вождей и без духа. Ничто не воодушевляло эту массу людей, и только привычка повиноваться заставляла ее кое-как нести боевую службу. С боевым довольствием было плохо, потому что союзники, несмотря на обещания, почти ничего не доставляли. Наше безответственное правительство ничего не умело сделать, и те, и другие смотрели на армию, как на пушечное мясо, которое авось как-нибудь своим количеством раздавит противника. Попытка наступления 1916 года, несмотря на огромный перевес сил, решительного успеха не дала, и первоначальный успех Брусилова был быстро остановлен немцами благодаря неумению остальных верхов нашей армии использовать его.

В конце лета 1916 года Финляндский полк получал 30-ю тысячу комплектования — сколько же раз менялся состав трудовых бойцов! — а комсостав все дополнялся и дополнялся не обученными лицами, не бывшими в состоянии обучить и руководить в бою своими подчиненными.

Настала Февральская революция. Запасные части восстали против существовавшего строя и свергли его — фронт присоединился. Выдвинулось Временное правительство, провозгласившее себя борцом за народные интересы. Желая привлечь на свою сторону народные массы, призванные в армию, оно опубликовало знаменитый приказ № 1. Увидав картину развала, вызванного этим приказом, оно спохватилось, но было уже поздно.

Временное правительство мобилизовало все силы социал-революционеров, чтобы привлечь на свою сторону армию и убедить ее в необходимости продолжать войну совместно с союзниками. И действительно, первые месяцы после революции настроение главной массы армии теоретически склонялось к необходимости продолжать войну. Но все это было чисто теоретически. На войсковых митингах выносились красивые резолюции, но когда дело доходило до проведения их в жизнь, не имевшая ни духа, ни веры в своих начальников, ни самой элементарной дисциплины армия бороться была не в силах. Временное правительство — надо отдать ему полную справедливость — напрягло все силы для доставки военного

снаряжения, и войска были перегружены орудиями и снарядами. Но что могли сделать поздние дары союзников, что могла сделать техника без духа? Русская армия представляла собой мертвое, разлагающееся тело, которое почему-то только еще не распалось. Этого ждать пришлось недолго. Особенно тяжело в это время было положение офицерства, которое, исполняя приказ Временного правительства, подготовляло солдат к бою и «уговаривало» идти в необходимую для Временного правительства атаку. И вот, после неудачного наступления Керенского, в глазах масс виновниками оказались не стоящие далеко и недоступные для них члены Временного правительства, а стоящие тут же офицеры. Рознь усилилась. Армия оказалась даже без младшего комсостава, потому что нельзя же считать комсоставом лиц, не пользующихся никакой властью и никаким влиянием на своих подчиненных. Армии не существовало, а была толпа. То, что было дальше, когда она сдавала Двину, когда она валила большими и малыми группами с фронта, — это был лишь фактический распад, смерть же наступила уже летом 1917 года.

КРЫМ В 1920 ГОДУ

Введение

В настоящее время в печати появляется много мемуаров, исследований и статей о событиях 1918–1920 гг., когда русский народ переживал великую драму гражданской войны. Многие из авторов облекают себя в беспристрастную тогу историка, претендуя на абсолютную верность своих взглядов и суждений. Лично я на это не претендую. Человек, переживший бурный период, беспристрастно его описывать не может. На все его изложение ляжет отпечаток его личных воззрений и впечатлений. Поэтому я, приступая к своим запискам, заранее предупреждаю читателей, что все изложенное будет пропитано моими настроениями и моей идеологией, потерпевшей страшный излом за это бурное время.

В изложении фактов, конечно, я буду придерживаться полной правдивости, но освещение их будет носить следы моей прежней идеологии, изжить которую мне удалось лишь в самое последнее время, когда у меня открылись глаза и я понял многое, чего не понимал во время переживания излагаемых событий.

Прежде чем приступить к фактам, изложению которых посвящена эта книга, я считаю нужным сказать несколько слов о Добровольческой армии и ее идеологии до Крыма и бросить взгляд на то, как возникло на юге России движение против Советской власти, приведшее к столь печальным последствиям.

После быховского сидения группа лиц с Корниловым и Алексеевым во главе обосновалась в Новочеркасске на Дону, куда Советская власть еще не проникла. Их цель была — собрать новую армию взамен разложившейся на фронте и продолжать борьбу с германским нашествием, причем большевики рассматривались как ставленники немцев. Короче говоря, идеей, руководившей этими людьми, была борьба за «отечество», которое одно уцелело от триединого лозунга, под которым военные элементы России воспитывались в течение 200 лет. Действительно, если идея «царя» была дискредитирована, то идея «отечества» держалась крепко; она была впитала, так сказать, с молоком матери и поддерживала дух армии за все время Германской войны. И вот теперь она опять должна была выдвинуть массы на борьбу с иноземным нашествием, и прежде всего против Советской власти, которая тоже рассматривалась руководителями Добровольческой армии как иноземный элемент.

Но пошли ли массы на эту новую борьбу? Нет. В Новочеркасске собралась только группа «интеллигенции» в 2000 человек, а народные массы остались глухи к их призыву. Власть

трудящихся, провозгласившая вполне понятный массам лозунг борьбы против эксплуататоров, торжествующе двигалась на Дон. 5 января 1918 г. я прибыл в Новочеркасск, где было всего около 2000 добровольцев — юнкеров и офицеров, которые частью шли «идейно», а частью потому, что некуда было деваться. Во всяком случае, все они были против Советской власти совершенно сознательно.

Эту группу лиц не надо смешивать с позже попавшими в Добровольческую армию лицами из интеллигенции, очутившимися в ее рядах только потому, что жили в районе, захваченном ею. С тем же успехом они служили бы и у красных. Надо сказать, что интеллигенция в массе совершенно растерялась, не отдавала себе отчета в происходящем и принадлежала к партии «И. И> (испуганный интеллигент).

Алексеев деятельно занялся рассылкой эмиссаров на места, чтобы там поднять восстание. Участь этих эмиссаров была не лучше участи самой Добровольческой армии. Массы за ними не шли. Казачество было довольно Советской властью, отнявшей землю у помещиков, и совершенно не желало выступать и часто выдавало агитировавших за «отечество» лиц. Одним из названных эмиссаров, почти единственным, вернувшимся потом в Добровольческую армию со сравнительно крупным отрядом, был я.

Меня отправили в Минераловодский район. Но сколько я ни скитался по горам — ничего не удавалось; организуемые восстания срывались. Приходилось скрываться и не входить ни в один дом.

Средств у Добровольческой армии не было никаких. У отправленных на места — тем паче. События большинству были неясны, настроение было ужасно; идея, руководившая действиями, — идея «отечества» — гибла. Скоро в Баталпашинске стало известно, что 13 апреля 1918 г. под Екатеринодаром убит Корнилов. Добровольческая армия превратилась в банду, бродившую с места на место, спасавшую свою жизнь, выгоняемую в калмыцкие степи.

Но вот Терек и Кубань стали наводняться бросившей Кавказский фронт армией. Частью она шла целыми частями, а частью — отдельными толпами и одиночными людьми, и к середине апреля Северный Кавказ оказался насыщенным оседавшими по станицам солдатами распавшейся царской армии. Тогда и иногородние, работавшие у казаков или нанимавшие у них землю, подняли голову и начали передел земли. Советская власть закрыла базары и стала отбирать излишки продуктов, и свершилось «чудо». Идея «отечества», не находившая до сих пор

отклика в массах, вдруг стала понятна зажиточному казачеству настолько, что для организации отрядов не приходилось уже агитировать, а станицы сами присылали за офицерами и выступали «конно, людно и оружно». В течение июня месяца в Баталпашинском отделе организовался отряд до 5000 человек, начальствование штабом которого я принял на себя, а во главе отряда стал офицер из коренных казаков — Шкура[2]. В июле Добровольческая армия, поддерживаемая казаками, заняла Тихорецкую, и совершилось соединение мое с нею при занятии 21 июля Ставрополя отрядом Шкуры. Уже тут стали сказываться его грабительские инстинкты, и он был отстранен от командования отрядом, превращенным во 2-ю Кубанскую [казачью] дивизию Улагая (Шкура вновь выплыл при движении на север).

Зажиточное казачество, местные торговцы, кулаки и интеллигенция встречали Добровольческую армию с восторгом, и создавалось впечатление движения за родину, способное обмануть даже более опытного политика, чем был я и мне подобные.

27 ноября 1918 г. в Новороссийск прибыли суда Антанты. В Добровольческой армии появились деньги, оружие, патроны. До этого все это было в плачевном состоянии: кое-что перепадало от Краснова, кое-что захватывали от красных, много давало население (казаки) в виде довольствия, одежды, лошадей и зарытого оружия и снаряжения. Время шло, район Добровольческой армии расширялся: она захватила Крым, юг Украины и Донецкий бассейн, Кавказ был в ее руках. Союзники давали деньги, рассчитывая возместить свои расходы со временем русскими углем и нефтью.

Началась разбойничья политика крупного капитала. Появились старые помещики, потянувшие за собой старых губернаторов. Интересы мелкой русской буржуазии, создавшей Добровольческую армию, стали как бы попираться интересами крупного международного капитала.

Борьба из внутренней постепенно и совершенно незаметно стала превращаться в борьбу интернационального капитала с пролетариатом. Даже мелкобуржуазные массы почувствовали гнет и частью отхлынули от белых. Пролетариат поднял голову, начались восстания. Создавались внутренние фронты. Я, конечно, не говорю про анархическое движение Махно, боровшегося со всякой властью.

Появился ряд грабителей, ставших во главе белых войск: они были удобны крупному чужеземному капиталу, так как без зазрения совести готовы были на все сделки.

Кажется теперь странным, что все это не было понято тогда,

но когда вспомнишь про полную политическую безграмотность участников Добровольческой армии, то перестаешь удивляться.

Как бы то ни было, но в Добровольческой армии начался развал: пролетариат и беднейшее крестьянство ясно были против нее, мелкая буржуазия сильно разочаровалась и стала отходить в сторону. В войсках началось дезертирство. Усилились грабежи, участниками которых были лица даже высшего командного состава. Движение потеряло всякую идейность, и все совершалось во имя личного благополучия или тщеславия. Армия дошла до Орла, откуда безудержно покатилась к югу.

ГЛАВА I
Отход в Крым

1. Политическая обстановка

Начавшийся в октябре разгром Добровольческой армии под Орлом быстро разрастался. Если, как мы видели во введении, широкие народные массы охладели к Добровольческой армии и к ее целям, то при ее неудачах это охлаждение сказывалось еще больше и быстро переходило в открытую враждебность. Элементы, не сочувствовавшие Добровольческой армии, подняли голову. Нелады Деникина с Кубанской радой разложили кубанскую армию. Донская армия вовсе не стремилась на Москву, а ее молодые элементы не питали вражды к Советской власти и совершенно не хотели драться. Оставалась Добровольческая армия Май-Маевского и войска главноначальствующих: Киева — Драгомирова и Одессы — Шиллинга.

Относительно идеологии этих частей можно сказать мало определенного. Чувствовалась полная неустойчивость. Солдатская масса была индифферентна, низшее офицерство было развращено во время Гражданской войны своими на- пальниками и, не имея точного определенного лозунга, за которым шли бы массы, колебалось; удерживал это офицерство в Добровольческой армии лишь страх перед репрессиями красных. Недоверие к высшему командному составу росло — грабежи и кутежи лиц этого состава с бросанием огромных сумм были у всех на виду, и младший командный состав пошел по стопам старшего и тоже стал собирать дары от — «благодарного населения», внося еще большую разруху и еще больше озлобляя население. Богатое казачество, пострадавшее материально в 1918 г., пожелало пополнить свои убытки и отправляло вагонами награбленное имущество в свои станицы и туда же гнало лошадей табунами. Дело дошло до того, что казачьей части нельзя было спешиться для боя, потому что ни один казак не хотел оставить сзади свою лошадь с седлом, к которому были приторочены его сумы, где, очевидно, лежало достаточное количество ценностей.

Как видно из изложенного, лозунг «отечество», который, как мы видели во введении, не был в состоянии поднять народные массы, не оказался в состоянии и двигать их на Москву. Экономические причины, благоприятные для Добровольческой армии летом 1918 г., обернулись против нее к концу 1919 г.

Декларация Деникина о будущих реформах никого не

соблазнила; фактически власть была в руках крупной буржуазии, интересы которой проводились в жизнь, а мелкая буржуазия страдала и, естественно, разочаровавшись в Добровольческой армии, выдвинула единый фронт с пролетариатом и беднейшим крестьянством против последней. Идея «отечества» вдохновляла только единичных идеалистов, политически безграмотных и потому упорно стоящих на своем во вред своему народу и самим себе.

Это слепое увлечение отдельных лиц указанной идеей продлило существование Добровольческой армии.

Дать точную характеристику политических убеждений участников Добровольческой армии я не берусь. Абсолютно все группировались по своим имущественным интересам. Получилась мешанина кадетствующих и октябриствующих верхов и меньшевистско-эсерствующих низов. Кадровое офицерство было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, в ней ничего не смыслило и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий. «Боже, царя храни» все же провозглашали только отдельные тупицы, а масса Добровольческой армии надеялась на «учредилку», избранную по «четыреххвостке», так что, по-видимому, эсеровский элемент преобладал. Я, конечно, говорю не про настоящую партийность, а про приблизительную общность политических взглядов. Вообще же должен сознаться, что эта характеристика мною произведена только теперь, по воспоминаниям о прошлом, тогда же я в эти вопросы не вдумывался. Как бы то ни было, политическая обстановка в декабре 1919 г. сложилась крайне неблагоприятно для вооруженных сил на юге России. Народное недовольство белой властью выявилось в ряде восстаний повсеместно. Это не могло не отразиться на войсках, во-первых, отозванием крупных частей с фронта, во-вторых, разложением самих войск и дезертирством. Всюду царствовали недоверие и преследование личных интересов. Части таяли. Разгром разрастался.

2. Стратегическая обстановка

Белые в декабре [1919 г.] отступали по всему фронту. На главном направлении красных (Орел — Ростов) стояла Добровольческая армия Май-Маевского, правее — донцы и кубанцы, левее — Шиллинг и Драгомиров; у Екатеринослава действовал против Махно под моей командой 3-й армейский корпус, к которому были присоединены Донская [конная] бригада Морозова, Терская — Склярова, Чеченский сводный полк и 1-й стрелковый Кавказский и Славянский полки.

В декабре же Май-Маевский был отрешен от должности и заменен Врангелем. Дело не улучшалось, и армия катилась на Кавказ. Врангель был тоже отрешен и заменен Кутеповым. Обстановка складывалась тревожная. У 3-го корпуса был полный успех против Махно, но все же, учитывая обстановку, я 19 декабря объявил по городу Екатеринославу, что ввиду приближения красных за город не ручаюсь и предлагаю желающим выехать из города, для чего назначаются поезда ежедневно в 15 часов с 20 декабря. Между тем красные приближались.

26 декабря я получил приказ Деникина отправить в распоряжение Шиллинга бригаду Склярова, а с остальными частями отходить в Крым и принять на себя оборону Северной Таврии и Крыма.

Таким образом, армия Деникина отходила двумя крупными группами: 1) во главе со Ставкой, в составе Добровольческой армии, донцов, кубанцев и терцев — на Кавказ и 2) войска Шиллинга и Драгомирова — в Новороссию, прикрыв Николаев — Одессу и базируясь на последнюю.

В промежуток между ними 3-й армейский корпус под моей командой получил приказ отходить с задачей удерживать Крым. Командование, видимо, смотрело на Крым как на приговоренную к сдаче территорию, рассчитывая задерживать натиск красных на Дону или где-нибудь в его районе и около Буга с тем, чтобы оттуда вновь перейти в наступление, действуя по внешним операционным линиям и одним своим движением заставляя красных бросить осаду Крыма или очистить его, если они его займут.

Руководствуясь, очевидно, этим, Деникин и назначил на Крым столь ничтожные силы, потому что даже назначенный сперва туда же 2-й [армейский] корпус Промтова получил приказ отходить на Одессу. Между тем если бы отводить главные силы Новороссии не на Одессу, а на Крым, то, опираясь на него, эти более крупные силы могли бы действовать активно против армии красных, шедших на Кавказ.

Численность обеих армий (красных и белых) была почти равна — около 50 000 каждая. Но у белых были сильное разложение и дезертирство.

3. Организация отхода в Крым

Таким образом, при наличии описанной обстановки на меня возлагалась защита Северной Таврии и Крыма, куда надлежало еще пробиться через Махно, но это ввиду полной деморализации его банд особого затруднения не представляло. Большее

затруднение заключалось в непролазной грязи и почти полной непроходимости проселочных дорог для обозов.

Для выполнения задачи в моем распоряжении находились: 13-я пехотная дивизия — около 800 штыков, 34-я пехотная дивизия — около 1200 штыков, 1-й Кавказский стрелковый полк — около 100 штыков, Славянский полк — около 100 штыков, чеченцы — около 200 шашек, Донская конная бригада полковника Морозова — около 1000 шашек и конвой Штакора-3[3] — около 100 шашек. Артиллерия имела всего на одну дивизию 24 легких и 8 конных орудий; итого около 2200 штыков, 1200 шашек и 32 орудия. С первого же взгляда было ясно, что этих сил было совершенно недостаточно для обороны Северной Таврии от победоносного наступления красных.

Фронт Северной Таврии тянулся полукругом около 400 верст, причем прорыв моего расположения в одном месте мог привести красных к перешейкам раньше остальных моих частей, которые, следовательно, вынуждены были бы в этом случае бежать назад вперегонки с красными и подвергнуться неминуемому поражению.

Поэтому я решил Северной Таврии не оборонять и до Крыма в бой с красными не вступать, а немедленно отбросить Махно от Кичкасского моста и отправить пехоту в Крым, прикрывая ее отход от красных конной завесой. Бригаду 34-й [пехотной] дивизии с обозами из Екатеринослава отправить по железной дороге на Николаев, где погрузить на суда и перевезти в Севастополь. Самому немедленно после переправы у Кичкасс ехать в Николаев — Севастополь и осмотреть оборонительное положение Крыма до подхода туда моих войск. План обороны Крыма в моей голове уже был намечен в общих чертах, так как Крым я знал по боям 1919 г., но окончательное решение я хотел принять на месте.

27 декабря Махно потерял Кичкасский мост и 5 орудий. Крымский [3-й армейский] корпус двинулся в Крым, а бригада 34-й дивизии с обозами по железной дороге на Николаев. Я выехал туда же. Екатеринослав был белыми очищен без боя.

Пока все шло гладко: мне удалось сохранить свои части для главной операции. Однако Ставка настаивала на защите Северной Таврии. На телеграммы об этом я отвечал категорическим отказом, что с наличными силами никто Северной Таврии удержать не может; на оборону же Крыма я буду смотреть не только как на вопрос долга, но и чести. Наконец, Ставка согласилась.

5 января 1920 г. я был в Севастополе, мои части в это время были севернее Мелитополя. Соприкосновение с красными

держала только конница, медленно отходившая назад почти без выстрела. Над Крымом нависла гроза в лице 13-й армии красных.

ГЛАВА II
Крым к январю 1920 г

Само собою понятно, что все то, что я говорил об общем состоянии «Юга России», относилось полностью и к Крыму, но этого мало: тут имели место и специальные обстоятельства.

Дело в том, что, несмотря на то что на Крым шла всего одна железная дорога, несмотря на то что в Крым было указано отходить только 3-му армейскому корпусу, а почти все силы группировались на фланги: Добровольческая армия, донцы, кубанцы — на Кавказ и главноначальствующих Киева и Одессы — на Одессу, масса отдельных людей и отдельных частей в составе отдельных людей, в особенности хозяйственных частей, потекла в Крым. Единственным важным для меня приобретением среди беглецов были восемь, хотя и испорченных, бронепоездов и 6 танков (3 тяжелых и 3 легких).

Вся ватага беглецов буквально запрудила Крым, рассеялась по деревням, грабя их. В этом отношении приходилось поражаться, что делалось в частях Добровольческой армии. Части по 3–5 месяцев не получали содержания, между тем как из Ставки оно выдавалось, потому что мой корпус, а перед тем дивизия его получали вовремя, а она вовсе не была в фаворе.

Из-за этого произошел любопытный случай. Рядом с бегущими вдоль полотна частями по полотну в поездах бежали казначейства. Узнав, что беглецы не только не получали за 3–5 месяцев жалованья, но не имеют и авансов для довольствия, я приказал задержать казначейства, сдать деньги в джанкойское казначейство, а последнему удовлетворить беженцев. Чтобы сократить процедуру операций, я приказал выдать именно авансы, а ведомости и оправдательные документы требовать потом. Казначеи долго не соглашались на такое беззаконие: как можно перенести из одной графы в другую цифры и удовлетворить части авансами без формальной требовательности ведомости, а только по ассигновке части?! А толкать людей на грабеж или голодную смерть можно. За такое распоряжение я получил выговор от Деникина.

Так или иначе Крым был наводнен шайками голодных людей, которые жили на средства населения и грабили его. Учета не было никакого, паника была полная. Каждый мечтал только о том, чтобы побольше награбить и сесть на судно или раствориться среди незнакомого населения.

Во главе гарнизона стояли лица старого режима. Все

сводилось к тому, чтобы отписаться: не им было справиться с наступившей разрухой. Во главе обороны Крыма стоял инженерный генерал Субботин, человек очень хороший, но не военный.

На мое донесение в Ставку о положении дел я получил любезную телеграмму начальника штаба главнокомандующего Романовского о том, что все военное дело находится в моих руках, точно так же как и воинские части в тылу и — «возбуждаемые ими дела»; телеграмма, между прочим, гласила: «Главком надеется, что вы, по всегдашней вашей энергии, выполните возложенную на вас задачу».

Несмотря на эту телеграмму, мер никаких не принималось. На Крым, по примеру прошлых лет, смотрели как на что-то обреченное. Было ясно — главная масса войск отходит на Кавказ и на Одессу и только 3500 человек на центр — Крым. Будущая операция должна была сложиться маневром флангов, хотя бы центр и погиб.

Я считал, что центр должен удержаться.

ГЛАВА III
План защиты Крыма

К рассвету 5 января 1920 г. я прибыл в Севастополь и немедленно послал к начальнику штаба крепости просьбу собрать начальствующих лиц у комкрепа; там я познакомился с генералом Субботиным и вице-адмиралом Ненюковым.

Я попросил поставить меня в известность относительно плана обороны Крыма и имеющихся фортификационных сооружений. Оказалось, что план обороны был шаблонный. После отхода из Северной Таврии занять Перекопский вал и Сальковский перешеек, где поставлена проволока. Кроме того, было построено несколько окопов с проволокой — и это все. На мой вопрос, где будут жить на перешейке войска (ведь время зимнее), получил ответ: «Придется в окопах». «Ну, далеко вы на своих укреплениях уедете, — вероятно, дальше Черного моря», — оставалось мне только сказать.

Я обратил внимание совета на то, что северный берег Таврии охватывает Сальковский и Перекопский перешейки, то же самое делает крымский берег, позволяя артиллерии стрелять продольным огнем; жить на Чонгаре и на Перекопе частям больше 300 человек негде; не лучше ли предоставить эту пустыню противнику. Пусть он померзнет, а мы посидим в тепле. Потом я совершенно не признаю сиденья в окопах — на это способны только очень хорошо выученные войска, мы не выучены, мы слабы и потому можем действовать только наступлением, а для этого надо создать благоприятную обстановку. А она может быть создана отводом всех сил назад на территорию Крыма, в деревни.

Впереди, на Сальково и Перекопском валу, нужно оставить только ничтожное охранение, по бегству которого мы узнаем, что красные идут. Красным по перешейкам идти целый день, ночью ночевать негде, они перемерзнут и будут дебушировать в Крым в скверном расположении духа — вот тут мы их атакуем. Ненюков присоединился, Субботин возражал, указывая, что около вала стоят 4 крепостных орудия — как быть с ними: для них нет лошадей. Я советовал отдать их противнику, так как при их наличии он скорее попадается на удочку и заплатит за них своими новыми современными орудиями.

Нужно было обдумать и меры довольствия войск, сосредоточенных в районе Юшуня — Богемки. Подвод было мало, и их постоянный сбор озлоблял население. Предстоящая весенняя распутица грозила совершенно приостановить довольствие

Перекопской группы, а туда предназначалось более 1000 человек конницы, не считая артиллерийских и обозных лошадей.

Железная дорога была нужна во что бы то ни стало, а ее не было. До войны еще производились изыскания по прокладке ветки от Джанкоя на Богемку — Воинку — Юшунь— Перекоп. Этим я решил воспользоваться и проложить эту дорогу. Собранное у меня совещание инженеров отнеслось к этому проекту отрицательно. Тогда пришлось отрешить от должности начальника дорог инженера Соловьева и заменить его инженером Измайловским. Мое заявление, что нужды фронта требуют немедленной постройки железной дороги, а тот, кто не понимает нужд фронта, возьмет винтовку и пойдет изучать их в окопах рядовым, подействовало.

Инженер Измайловский оказался очень энергичным и знающим путейцем. Работа закипела. Я приказал снимать запасные пути, если потребуется, на Акманайской и Евпаторийской ветках. Класть шпалы прямо, подсыпая балласт постепенно; пусть поезд идет пять верст в час, но чтобы вагоны можно было подкатывать к войскам, не прибегая к подводам местного населения. Все это оказалось возможным: к февралю дорога уже функционировала до Богемки, и работа пошла дальше тем же быстрым темпом. Поезда делали 12 верст в час. Вопрос боевого и фуражного довольствия был решен.

Точно так же надо было оценить и подготовить на всякий случай другой путь питания, чтобы дать Перекопской группе и резерву у Юшуня — Воинки свободу маневра. При одной базе на Джанкой защитники Крыма могли быть поставлены в тяжелое положение маневром красных на этот Джанкой, следовательно, надо было устроить на этот случай вторую базу: Юшунь — Симферополь, т. е. подготовить там этапы и учет возможных подвод. Таким образом, база получалась двойная: 1) Юшунь — Джанкой— Феодосия — Севастополь и 2) Юшунь — Сарабуз — Севастополь; этим обеспечивалась свобода маневра и неуязвимость флангов и тыла войск.

Оставалось еще разрешить вопрос защиты Крымского фронта в тылу. Картину общей разрухи я уже описал — точно так же, как картину особой разрухи крымского тыла, предоставленного самому себе. Тут была двойная опасность. С одной стороны, шайки грабительских частей, наводнивших Крым и населявших почти каждую деревню, — эти банды дезертиров, появляющихся в каждой разбитой армии, а с другой — необыкновенная деятельность и упругость в работе большевиков.

Прошу стать читателя сейчас на точку зрения, на которой я был тогда. Я боролся с большевиками — с Советской властью — и

знал, что она не только пользовалась для своих целей каждым промахом врага, но и опиралась часто на враждебные ей элементы, поддерживая их, лишь бы разить непосредственного противника: это была сила, и сила нешуточная. Колебаний быть не могло. Решение одно: обеспечить фронт с тыла во что бы то ни стало, не останавливаясь ни перед чем, т. е.: расчистить тыл от банд и прежде всего от негодных начальников гарнизонов, в особенности от них, потому что «рыба с головы воняет»; 2) удовлетворить насущные нужды рабочих и крестьян; 3) раздавить в зародыше выступления против защиты Крыма. Средства для этого — удаление (от увольнения до смертной казни — полковник Протопопов) негодных начальников гарнизонов, наряд отрядов для ловли дезертиров, уменьшение, а то и уничтожение повинности, особенно подводной, и реквизиций у крестьян, паек для рабочих и защита их интересов и непрерывная борьба с выступлением в тылу против защитников Крыма.

Мне кажется, что в вопросе о борьбе двух мнений быть не может. Если кто-нибудь за что-либо борется, то он должен либо бороться полностью, либо бросить борьбу: мягкотелость, соглашательство, ни рыба — ни мясо, ни белый — ни красный — это все продукты слабоволия, личных интересов и общественной слякоти.

Тем не менее с моим взглядом на совещании 5 января согласился один Ненюков, комфлота, подчиненный только Деникину, который мне заявил: «Все, что вы мне прикажете, исполню»; остальные угрюмо молчали (Субботин, начальник штаба Севастополя, и начальник гарнизона Симферополя генерал Лебедевич-Драевский, начфлота капитан 1-го ранга Бубнов). Возражения с военной точки зрения были следующие: если проводить этот план, то противник, войдя в Крым, оттуда уже не выйдет и сбросит нас в море. Кроме того, недоверие к старшему комсоставу страшное, и почти никто не верит в возможность удержания Крыма. Поэтому надо выиграть время, чтобы дать возможность сесть на суда.

Мне оставалось только дать свое заключительное слово: на эвакуации настаиваю, но она настолько не подготовлена, что затянется надолго. Проведение же плана защиты Крыма принимаю на себя[4].

Результатом моего решения была рассылка начальникам боевых участков (начдивам-13 и 34) плана обороны.

План обороны Крыма[5]

1) Войска расстроены и, сидя на месте, не способны выдержать зрелища наступающего на них противника — следовательно, надо наступать.

2) Противник во много раз превосходит нас; следовательно, надо атаковать его тогда, когда он не может развернуть все силы.

3) Всякая пассивная оборона измотает войска и рано или поздно приведет к поражению — следовательно, требуется активность, т. е. атака.

4) Военная история показывает, что все защищающие Крым боролись за Чонгарский полуостров и за Перекоп и терпели неудачи, — следовательно, требуется маневр, т. е. атака (резервы).

5) Местность показывает, что: а) Чонгарский полуостров охватывается Северной Таврией и Сальковская позиция подвержена перекрестному огню; б) жить на Чонгарском полуострове негде (дело зимой); в) крымский берег охватывает Чонгар и тоже берет его под перекрестный обстрел и отделяется от него по бродам Сиваша и моря и берется в перекрестный обстрел с берегов Северной Таврии; г) втянувшись в Перекопский перешеек, противник не сможет развернуть своих превосходных сил против Юшуня; д) в районе Армянск — Юшунь наши суда могут (по глубине моря) обстреливать побережье; е) проход в обход Юшуня севернее Армянска между озерами (трактир) (карта 10 верст — 1 дюйм) легко оборонять до самой Магозы; ж) Сиваши зимой и весной непроходимы; з) укреплений и связи почти нет, т. е. надо задержать врага до его устройства.

6) В тылу полная дезорганизация, недоверие к командованию и угроза восстания в пользу большевиков.

7) Из всего сказанного видно, что обстановка требует: а) задержать короткими ударами подход врага к Сивашам; б) вести маневренную войну, имея крупный резерв, и обороняться только атаками; в) бросить Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек и заморозить врага в этих местностях (отсутствие жилищ), бить его по частям, когда он оттуда дебуширует, г) фланги охранять флотом; д) тыл усмирить.

8) Поэтому я решил: а) наносить короткие удары в Северной Таврии; б) Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек занимать только сторожевым охранением; в) главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня еще фланговую позицию фронтом на запад (главный резерв — район Богемка — Воинка — Джанкой); г) иметь большую часть в резерве; д) никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника и по возможности во

фланг; е) между Сивашами наблюдения; ж) построить жел. дорогу на Юшунь от Джанкоя и провести телеграфную связь вдоль Сиваша; з) бороться с беспорядками в тылу самыми крутыми мерами, не останавливаться ни перед чем и успокоить население.

9) Для свободы маневров устроить двойную базу на Джанкой и на Симферополь.

ГЛАВА IV
Подход красных и начало осады Крыма

1. Мелитополь

Осмотр средств и состояния войск, обдумывание и решение вопроса потребовали от меня затраты двух суток, и только 7 января я попал в Мелитополь, промчавшись туда за ночь без остановки с недопустимой по железнодорожным правилам скоростью. Я уже получил сведения, что 4 января без боя был занят Мариуполь и красные двинулись на Бердянск. Хорош бы я был, если бы взял на себя, согласно приказу Деникина, оборону Северной Таврии. Мои войска были еще севернее Мелитополя, и только 7 января в этот город прибыл штаб замещавшего меня генерала Андгуладзе (начдив-13). Даже пехота, отходившая без всякого боя и не видевшая противника, была севернее, не говоря уже про конницу полковника Морозова. Хорошую скорость развила находящаяся правее меня армия Врангеля[6]. Вся обстановка показывала, что скоро надо ждать грозы.

Поэтому я приказал в Мелитополе не останавливаться, а погрузиться в имевшиеся пустые составы, забрав все паровозы; пехоте ехать в Крым и выгрузиться в Таганаше и Джанкое. Тут же мною был отдан приказ о расположении войск для обороны. Он, к сожалению, у меня не сохранился и со многими другими документами находится в руках французской контрразведки в Константинополе.

Этим приказом Крымский фронт делился на три участка: 1) Арабатская стрелка — полковник Беглюк (потом его заменил полковник Гравицкий) — 1-й Кавказский стрелковый полк, 100 штыков; 2) Крым от Сиваша до Мурза-Каяш исключительно — генерал Андгуладзе — бригада 13-й дивизии; 3) Крым от хут. Мурза-Каяш включительно до Черного моря — генерал Васильченко — бригада 34-й дивизии (расположение д. Юшунь). Все остальные части, как имевшиеся, так и вновь сформированные, — в районе Джанкой — Богемка — Воинка. При нем же был выдан план обороны как основная идея кампании.

Было подтверждено и подчеркнуто, чтобы на Чонгарском полуострове и Перекопском перешейке войск не держать, а поставить там только охранение (на Чонгар около 50 человек, на Перекопе около 100 человек). Все остальное держать в домах около своей позиции, на которой должны были быть только часовые и пулеметы; части же выводить только для контратаки.

Такое расположение с охранением на 20 верст впереди было, конечно, несколько экстравагантно.

8 января Мелитополь был уже очищен, и часть пехоты уже прибыла на назначенные ей места. К 12 января пришла запоздавшая телеграмма от бригады 34-й дивизии, которая должна была с обозом грузиться в Николаеве. В телеграмме сообщалось, что транспортов не оказалось, и бригада походным порядком идет от Николаева на Херсон — Перекоп.

Переправа паромом у Херсона задерживается льдом. Красные заняли уже Ново-Алексеевку, и их колонна двигалась от Мелитополя к Перекопу.

Положение создавалось трагическое: неизвестно было, кто поспеет раньше, а точная численность красных войск не была известна; известно было только, что в районе против Северной Таврии находятся 3-я, 9-я, 46-я и Эстонская стрелковые дивизии, 8-я и 11-я кавалерийские дивизии и, возможно, 13-я кавалерийская. Все эти части хотя и растянулись, оторвались от обозов, но численностью были много больше добровольческих: в пехоте вместо 4–9 полков в дивизии — было от чего прийти в уныние.

2. Бой под Ново-Алексеевкой 13 января 1920 г

Этими обстоятельствами был вызван бой под Ново-Алексеевкой, которую занимали красные. Желая задержать их движение, я двинул отряд в составе только что прибывшего в Крым Пинско-Волынского батальона (120 штыков), Сводно-чеченского полка (200 шашек), конвоя штакора-3 (100 шашек), всех исправных танков (3 средних) и всех исправных бронепоездов 3 (один с морскими орудиями) под командой начальника конвоя капитана Мезерницкого и сам выехал туда же.

Отряду было приказано от Салькова атаковать Ново-Алексеевку. Движение началось около 9 часов утра и вызвало волнение у красных. К 12 часам станция Ново-Алексеевка была взята. Произведено было все это очень шумно: наступали танки и бронепоезда, скакала лава. К 13 часам обозначилось наступление красных, занимавших фронт Геническ — селение Ново-Алекееевка — Левашово. Со стороны Рождественского и Ново-Михайловки тоже показались цепи. Все шло, как требовала обстановка. Красные обеспокоились и подтягивали силы. От Перекопа полковнику Морозову было приказано выдвинуться навстречу красным в направлении Аскания-Нова и задерживать их. Около 15 часов было получено донесение, что бригада 34-й дивизии подходит к Преображенке; от сердца отлегло. Ее

форсированный марш удался, и она оказалась даже ближе, чем я предполагал.

Сальковскому отряду было приказано грузить танки и начать отход под прикрытием бронепоездов, что удалось без труда. Морозов прикрывал движение обозов и бригады до ее прихода на Перекоп — Юшунь.

Красные двигались медленно, и только к 21 января закончилось обложение ими перешейков. Назревал первый бой, который должен был иметь колоссальное моральное значение для белых в случае их победы, и окончательное занятие Крыма в случае победы красных.

ГЛАВА V
Первый бой на Перекопском перешейке 23–24 января 1920 г.

Как я уже указывал, красные медленно приближались к Крыму. Я ожидал их атаки с 18 января, но они медлили. Разведка всех видов дала сведения, что подошли только 46-я стрелковая и 8-я кавалерийская дивизия; стало легче, хотя и эти силы (около 8000) представляли серьезную опасность, так как к этому времени против них можно было подтянуть только около 3200 штыков и сабель, а состояние тыла требовало посылки отрядов для сбора разбежавшихся для грабежей частей врангелевской армии, иначе возможно было ожидать общего восстания.

Настроение войск сильно понизилось. Насколько я раньше мог ручаться за своих людей и все время чувствовать биение пульса командуемых мною войск, настолько сейчас я этого сказать не мог. В настроении их произошла перемена. Не терпя ни одного поражения за время нашей совместной службы, эти войска раньше шли куда угодно, сейчас же под влиянием общего развала и беглецов соседней армии генерала Врангеля они усомнились в успехе и в возможности удержаться в Крыму. Постоянные рассказы о предательстве старших начальников, бросавших свои части в трудную минуту на произвол судьбы, создавали орловщину в Крыму.

Правда, опубликованное в газетах мое заявление о том, что лично я останусь в Крыму, дало немного опоры падавшему настроению, но все же я не чувствовал спайки со своими войсками, которые, по-видимому, боялись, что их бросят на милость победителя. Приказ, изданный тогда мною, между прочим, гласил: «Вступил в командование войсками, защищающими Крым. Объявляю всем, что пока я командую войсками — из Крыма не уйду и ставлю защиту Крыма вопросом не только долга, но и чести».

И я жаждал боя возможно скорее: его удачный исход мог спасти положение и дать мне возможность бороться как с разложенным тылом, так и с назревавшей там орловщиной, против которой до боя я был бессилен.

Поэтому бой должен был быть разыгран с полным напряжением, в особенности с моей стороны, — надо было эффектом победы произвести давление на общественную психологию всего военного и гражданского Крыма.

Я знал, что с лета 1919 г. Красная армия сделала большие

успехи в смысле военной подготовки и организованности, и я знал также, что она в данное время победоносно шла вперед, не встречая сопротивления со стороны белых. Такое положение всегда создает среди наступающей армии некоторую беспечность. Эту беспечность я и решил использовать.

По полученным сведениям стало известно, что по направлению к Перекопу сосредоточились три полка пехоты красных и два полка конницы, которые вели разведку явно боевого характера, т. е. с явным намерением атаковать, а остальные бригады 46-й дивизии стали одна против Чонгара, а другая уступом за правым флангом в сторону Херсона. Я же сосредоточил к Юшушо 34-ю пехотную дивизию, к перешейку с трактиром — полк (самый крупный) 13-й дивизии в 250 штыков и [Донскую конную] бригаду Морозова в 1000 шашек.

На рассвете 23 января красные повели наступление на Перекоп. Стоявшие у вала 4 старых крепостных орудия стреляли, бывший в охранении Славянский полк (100 штыков) бежал. Все происходило, как я ожидал и как обыкновенно бывает при обороне во время гражданской войны. Уже к 12 часам снялись и артиллеристы, забрав замки от орудий. Красные заняли вал и втянулись в перешеек. Их попытка ворваться в перешеек с трактиром была отражена контратакой Виленского полка, который, опираясь на пулеметы, занимавшие групповые окопы с прерывчатой проволокой, свободно произвел этот удар, но дальше не пошел. Тогда красные, оставив против этого перешейка заслон, двинулись за Славянским полком на юг, заняли Армянск и направились к Юшуню. Это уже уверило меня в победе. В таком положении бой замер в темноте. Красным пришлось ночевать на морозе в 16° в открытом поле.

Вечером я получил телеграмму от Деникина, который, сильно обеспокоенный, уже предъявлял мне вексель, выданный мною заявлением, что защиту Крыма ставлю вопросом чести. Телеграмма гласила: «По сведениям от англичан, Перекоп взят красными, что вы думаете делать дальше в связи с поставленной вам задачей». В мой план, очевидно, никто не верил.

На это я ответил: «Взят не только Перекоп, но и Армянск. Завтра противник будет наказан». В тылу была полная паника. Все складывали вещи, в портовых городах шла усиленная посадка. О занятии Перекопа и Армянска было сообщено в газеты[7], губернатор Татищев непрестанно телеграфировал в штаб, запрашивая о состоянии дел.

На рассвете 24 января красные стали выходить с Перекопского перешейка и попали под фланговый огонь с Юшуньской позиции. Начался бой. 34-я дивизия перешла в

контратаку. В то же время на 15 верст севернее Виленский полк атаковал заслон красных против трактира и ввиду его малочисленности быстро отбросил его. Ночевавшая у Мурза-Каяша конница Морозова следовала за ним. 1000 шашек разлилось по перешейку, двигаясь к югу, в то время как Виленский полк образовал заслон к северу.

В 13 часов я уже продиктовал донесение Деникину, что наступление красных ликвидировано, отход противника превратился в беспорядочное бегство, захваченные орудия поступили на вооружение артиллерии корпуса.

Пространство до Чаплинки было свободно — конница красных и бригада резерва в бою участия не принимали. Охранение белых заняло прежнее положение: все части пошли по квартирам. Всякое наступление вперед было запрещено Ставкой.

Эту главу я закончу комическим инцидентом. Часов в 22—23-я уже в салон-вагоне диктую приказ о демонстрации на Чонгаре; тут же переговариваюсь с Перекопом о мелочах расположения, указываю летчикам задачи на завтрашний день, а о тыле забыл (вот что значит только военный, не знающий политики). А губернатор-то звонил через каждые 5 минут. Конечно, Штакор [-3] губернатору сообщил о фронте, но он, видимо, желал получить известия лично от меня. И вот в самый разгар диктовки, перебивая мою мысль, является адъютант, сотник Фрост, человек очень исполнительный, но мало думающий, и докладывает, что губернатор Татищев настоятельно просит сообщить о положении на фронте. Сознаюсь, я извелся — тут дело, а там продолжается паника — и резко отвечаю: «Что же, ты сам сказать ему не мог? Так передай, что вся тыловая сволочь может слезать с чемоданов». А Фрост, по всегдашней своей исполнительности, так и передал. Что было!.. Паника улеглась, но на меня посыпались жалобы и выговоры, тем более что лента передачи досталась репортерам. Даже Деникин прислал мне выговор, но это выражение стало ходячим по Крыму.

Этот бой послужил основой удержания Крыма мною и затянул Гражданскую войну на целый год. Каюсь, но это так.

ГЛАВА VI
Положение после первого боя на Перекопе

Естественно, после 24-го числа красные придвинулись к перешейку, но это не была атака (28 января). Несмотря на это, генерал Васильченко вопреки плану защиты Крыма держал все силы на Перекопе и вызывал все время туда и конницу Морозова. Поднялось сильное заболевание от простуды.

Начальником участка Мурза-Каяш — Перекопский перешеек включительно я назначил генерала Стокасимова — Васильченко заболел.

Красные за февраль серьезных попыток овладеть Крымом не делали. Правда, они вытеснили охранение с Чонгарского полуострова и морозили там свои части. Правда, 6–7 февраля была атака на Перекоп и его занятие, но все это было не серьезно и ликвидировалось легко. В феврале же красные сделали два налета с Чонгарского полуострова — один на Тюп-Джанкой, другой — прямо вдоль железнодорожною полотна, достигший станции Таганаш.

В конце января и в начале февраля наступили 20-градусные морозы, и Сиваш вопреки уверениям статистиков сделал то, чего ему, как крайне соленому озеру, по штату не полагалось, — он замерз. Этот вопрос меня сильно беспокоил. Каждую ночь я приказывал провозить на лед Сиваша две подводы, связанные вместе, общим весом в 45 пудов, и они стали проезжать по льду, как по сухому месту. Это мое действие было моими «друзьями» всех степеней освещено так: «После случайной победы Слащов допивается в своем штабе до того, что заставляет катать себя ночью по Сивашу в телегах, не давая спать солдатам». Когда это распространяли сторонники большевиков, я это понимал — они-то отлично знали, зачем я это делаю, — мы тогда были врагами. Но когда это говорили наши «беспросветные» (у генералов нет просвета на погонах), не понимая, что большая разница: вторгнутся ли красные в Крым через лед сразу с артиллерией или без нее, — это уже было признаком либо слишком большой злобы, либо глупости.

Но как бы то ни было, блажил ли пьяный Слащов, или просто был предусмотрителен командующий защитой Крыма, но в феврале мне стало ясно, что лед против Тюп-Джанкоя и западнее на две версты от железнодорожного моста способен пропустить артиллерию и на эти два пункта надо обратить внимание.

Тюп-Джанкой, как голый полуостров, выдвинутый вперед,

обходимый по льду с Арабатской стрелки и не дававший в морозы возможности жить крупным частям, как моим, так и противника, меня мало беспокоил. Поэтому там стояли 4 крепостных орудия старого образца с пороховыми снарядами, стрелявшими на три версты (то же, что и на Перекопе).

Из войсковых частей я туда направил чеченцев, потому что, стоя, как конница, в тылу, они так грабили, что не было никакого сладу. Я их и законопатил на Тюп-Джанкой. Там жило только несколько татар, тоже мусульман и страшно бедных, так что некого было грабить. Для успокоения нервов генерала Ревишина, командовавшего горцами, я придал туда, правда, скрепя сердце, потому что артиллерии было мало, еще 2 легких орудия.

Великолепные грабители в тылу[8], эти горцы налет красных в начале февраля на Тюп-Джанкой великолепно проспали, а потом столь же великолепно разбежались, бросив все шесть орудий. Красных было так мало, что двинутая мною контратака их даже не застала, а нашла только провалившиеся во льду орудия. Мне особенно было жалко двух легких: замки и панорамы были унесены красными и остались трупы орудий.

После этого и предыдущих грабежей мы с Ревишиным стали врагами. До боя он на все мои заявления о грабежах возражал, что грабежи не доказаны и что в бою горцы спасут все, причем ссылался на авторитеты, до Лермонтова включительно. Я же сам был на Кавказе и знаю, что они способны лихо грабить, а чуть что — бежать. Не имея никакой веры в горцев, я при своем приезде в Крым приказал их расформировать и отправить на Кавказ на пополнение своих частей, за что мне был нагоняй от Деникина (видно, по протекции Ревишина) с приказом держать их отдельной частью.

Вообще период защиты Крыма был для меня крайне неудачным с точки зрения службы. Никогда в жизни я не получал столько выговоров — тут мне выговор и за тыл (передача Фроста), и за горцев, и за частную жизнь (возил подводы по Сивашу), и, наконец, за вмешательство не в свои дела, сказавшееся в желании ревизовать и контролировать мне не подчиненную крымскую контрразведку, в которой творилось много странного, за постановку задач флоту (личное желание командующего флотом Ненюкова) и, наконец, за то, что я одел всех людей своего корпуса и присоединившихся к нему частей, естественно исчерпав для этого содержимое складов. Выговор Деникина показал, что принципом Добровольческой армии было держать склады для оправдания наличия большого числа интендантов, а люди пускай мерзнут. Система эта привела к сдаче красным огромных складов Деникина. Я привожу все это

как характеристику умиравшей армии, командование которой не обращало внимания на вопиющие грабежи Май-Маевского, Покровского, Шкуры, Мамонтова и прочих. Не помогая в военных операциях, оно находило возможность вмешиваться в личные вопросы не принимавших участия в грабежах начальников и держать при них никем не контролируемую контрразведку, творившую явные беззакония, грабежи, убийства и растрату денег и прикрывавшую все это «разведывательной» тайной, а в сущности набивавшую свои карманы.

ГЛАВА VII
Орловщина, ее причины и борьба с ней

Если кто видит в орловщине что-то вроде пролетарского движения или вообще сочувствия Советской власти, то я его сильно разочарую. Это было движение партии «И. И.» («испуганный интеллигент»). Доказательство этого читатель увидит на протяжении моего рассказа о ее зарождении и бесславной гибели.

Орловщина зародилась не в Крыму — там она, благодаря Орлову, получила только свое название. Орловщина была результатом поведения старшего командного состава белых и появилась в Крыму после бегства от Орла и с предыдущими эвакуациями весною 1919 г. из Одессы и из Севастополя; она питалась ожиданием таковых в будущем при поражении, подтверждением чего было поведение командующего войсками в Одессе в 1920 г.

Здесь надо учитывать то обстоятельство, что высший комсостав в массе был не слишком крупного капитала; он разошелся с общим движением и, как полагается, в серьезную минуту спасал себя, предавая своих подчинённых. У орловцев не было особой платформы, они просто заявляли: «Генералы нас предают красным, они неспособны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведем борьбу».

Я уже говорил о состоянии тыла белых и о той боязни красных, которая существовала. И вот капитан Орлов в Крыму возглавил группу, провозглашавшую борьбу с высшим комсоставом.

Капитан Орлов — кадровый офицер, неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением. В тылу Добровольческой армии развилась мания формирования частей. Старый крымчанин Орлов взялся за это. В момент моего прибытия в Крым он уже имел «мандат» на формирование части.

Читателю уже известно то недоверие, которое питало мелкое офицерство к высшему командному составу, и, можно сказать, вполне основательно. Это офицерство встречало поддержку со стороны мелкобуржуазного элемента, естественно обеспокоенного переменой политики верхов Добровольческой армии в сторону крупного капитала. Это — основа движения; в дальнейшем же имело большое значение желание честолюбивого Орлова играть роль и взять власть в свои руки.

Орловщина была серьезным движением, с которым пришлось очень и очень считаться. Одесская эвакуация Шиллинга дала ей твердую почву. К новороссийской эвакуации Деникина я ее по долгу службы ликвидировал.

До боя 23–24 января я разговаривать не смел и не мог, после него и ряда неудачных набегов красных я потребовал формирования Орлова на фронт.

Вот тут и вышел скандал, которым воспользовались большевики. В день атаки красных на Тюп-Джанкой Орлов совместно с князем Романовским, герцогом Лейхтенбергским, захватил Симферополь.

Не смея выступать против меня, капитан Орлов арестовал в Симферополе коменданта, губернатора и вообще лиц, о которых я писал Деникину, что они не соответствуют своей должности, потом же он прихватил случайно ехавшего от меня коменданта Севастопольской крепости и приехавших от Шиллинга ко мне начальника штаба войск Новороссии Чернавина и начальника гражданской части при Шиллинге Брянского.

Всем этим лицам было объявлено: «Вы арестованы по приказанию генерала Слащова». На это генерал Чернавин возразил: «Я сейчас еду от генерала Слащова и не допускаю с его стороны предательства; если бы было нужно, он бы сам меня арестовал». Чернавин был прав, тем не менее, все были арестованы. Ко мне в «революционном» поезде приехал князь Романовский, член царствовавшего в России дома, и много говорил, но ничего не объяснил: понять его было совершенно невозможно. На рассвете телеграмма от Орлова: «Вы задерживаете князя, это нечестно — он переговорщик». Я ответил: «Задерживать не собирался. Его высочество едет. Я еду в Симферополь». Кроме того, мною была передана телеграмма: «Если не освободите арестованных, то взыщу я» — следом телеграмма: «Бывшему отряду Орлова построиться на площади у вокзала для моего осмотра». Я приехал в Симферополь.

Орлов перед моим приездом вышел из Симферополя. С ним ушло около 150 человек. 400 человек построились на площади у симферопольского вокзала. Все арестованные были освобождены Орловым по предыдущей телеграмме, и генерал Чернавин встретил меня на вокзале.

Я не стану здесь повторять мою газетную переписку с Орловым[9], укажу только цель моих действий. Орловщина была движением младшего офицерства как результат недоверия к высшему командованию; случайно его возглавил Орлов, обуреваемый честолюбивыми мечтами стать командующим в Крыму. Столь же случайно представителем высшего

командования в Крыму оказался я. Если бы я повел борьбу с орловщиной резко, посылая против нее воинские части, в особенности до 23–24 января, неизвестно, чем бы дело кончилось. Заняли ли бы Крым красные, овладел ли бы им Орлов, остался ли бы я, во всяком случае, даже при моей победе в открытом бою орловщина не была бы изжита. Тут надо было фактами доказать идущим за Орловым массам, что я соответствую своей должности, а Орлов крадет деньги и его поведение на руку осаждающим Крым. Поэтому я выступил против Орлова только после победы на фронте и потом держался крайне сдержанно, даже помиловал его с условием отправки со всем отрядом на фронт. Проводя ряд амнистий и настаивая только на отправлении формирований Орлова на фронт, а потом и на денежной отчетности, я совершенно дискредитировал Орлова в глазах шедших за ним и уничтожил орловщину 12 марта без потерь для своих частей, с переходом его отряда на мою сторону. (Но это было позже, а пока надо было спасать положение.)

До 12 марта я держался крайне осторожно. Сам Орлов чувствовал непрочность своей позиции; этим и объясняется то, что прямо против меня он выступать долго не решался, а производил аресты моим именем, все время ссылаясь на то, что и «Слащов так думает»; поэтому после амнистии ему пришлось с отрядом выступить на фронт и стать в Воинке — тыл был мною спасен, но фронту грозила опасность. Надо было еще раз иметь «шумную» победу и раздавить Орлова; это произошло 8—12 марта под Юшунью. Пока же я выжидал. В то же время за помощь Орлову я отрешил от должности ялтинского начальника гарнизона генерала Зуева и вызвал к себе из Алушты полковника Протопопова. Это был старый офицер, убежденный монархист, имевший большие связи как с крымской крупной буржуазией, так и со Ставкой через казачество (сам казак). В момент орловщины он оказался на стороне Орлова (конечно, тайно снабжал его и посылал ему формирования). Мой вызов заставил его открыть карты, открыто не исполнить моего приказа и выехать к Орлову, но его же подчиненные по моему приказу его арестовали и привезли в Джанкой. Военно-полевой суд приговорил его к смертной казни.

Не донося Деникину, я утвердил приговор[10] и приказал привести его в исполнение и только потом донес о совершившемся факте. Буча поднялась страшная, но колеблющиеся элементы больше не колебались.

Резкость моих действий привела к безусловному выполнению моих приказов, что имело и вредные последствия. Этот вред заключался в следующем: после того как все убедились в

необходимости исполнения моего приказа на примере Протопопова, понесшего жестокую кару за ослушание, население решило, что если Слащов так взыскивает с верхов, то что же он сделает с — «простыми смертными», совершенно не учитывая того, что карал я именно верхи. И вот после этого нашлись авантюристы, особенно из контрразведчиков, которые отдавали приказы моим именем, и все им подчинялись. Дело дошло до того, что мне пришлось объявить в газетах[11], что по закону от моего имени может отдавать приказ только мой начальник штаба; если же приезжает другое лицо, то оно должно иметь соответствующие письменные, за моею подписью и печатью, полномочия, но и то при малейшем подозрении прошу в любое время дня и ночи звонить в Джанкой, вызывая лично меня к аппарату. Этим объявлением хотя немного удалось обуздать авантюристов.

ГЛАВА VIII
Подготовка к Юшуньскому бою

Чувствую, что читатели, в особенности товарищи коммунисты, уже спрашивают меня: «За что же вы боролись, проявив такую энергию против Красной армии, какова была ваша идеология, которая подбадривала вас в это тяжелое время?» На это я отвечу, что я тогда ни о чем не думал, я спасал жизнь, конечно, не свою — я достаточно смотрел смерти в глаза (7 раз ранен), — а тех, кто мне доверился. Я честью своей поручился за удержание Крыма, т. е. приговорил сам себя к смертной казни на случай неудачи. Это я сделал для спасения доверившихся мне людей (я говорю о моих подчиненных).

Своему слову я не изменил — под этим углом зрения и прошу рассматривать события.

Одним словом, некогда было думать: как, что и почему. Надо было выполнять взятые на себя обязательства.

Эвакуацию благодаря поддержке командующего флотом адмирала Ненюкова я вел полным ходом и все время предлагал уезжать. После январского боя в опасность легкомысленное мещанство не верило, а вера в прочность фронта была вызвана, видимо, тем, что я в оперативных сводках объявлял о частных неудачах, до потери орудий включительно, и это создало впечатление у толпы, что на фронте так прочно, что даже не скрывают мелких неудач.

Потери на фронте действительно были ничтожны; отсутствие живой силы в окопах во время атаки красных и массировка сил во время контратаки деморализующе действовали на противника, приводя к беспорядочной и безрезультатной стрельбе во время контратак белых. Благодаря тому что части все время сидели в тепле по деревням, заболеваемость сильно понизилась.

Все же надо было подумать о пополнении войск.

От Деникина я не получил ни одного человека комплектования, призвать из местного населения было почти некого — все было призвано раньше, а между тем оставить войска в первоначальной численности 3500 человек было невозможно, ведь надо было учесть и сыпной тиф, который первое время косил каждого пятого человека. Оставалось использовать дезертиров, осевших после разгрома армии Врангеля, и пленных красных, пользуясь тем, что 46-я [стрелковая] красная дивизия политически была не обработана.

Благодаря всему этому, несмотря на сыпной тиф, я смог к

Юшуньскому бою довести численность фронта до 5500 штыков и сабель. Подчинившийся мне Орлов с отрядом в 500 штыков был тоже послан на фронт и поставлен в Воинке — люди его были мною обмундированы и удовлетворены денежным довольствием. Как я обещал, никаких репрессий относительно орловцев предпринято не было, и основная масса орловцев стала сочувствовать мне. С этим, конечно, не могли помириться Орлов, его правая рука поручик Дубинин, князь Бебутов и ближайшие офицеры — их честолюбивые мечты рушились, тем более что предстояло дать отчет в 10 миллионах рублей, захваченных в Симферополе, и 5 миллионах в Ялте; людям же отряда содержания выдано не было (они его получили от меня).

В отряде Орлова получилось раздвоение: общая масса мне симпатизировала, верхи с Орловым во главе были по отношению ко мне враждебны, но не смели этого высказать; атмосфера сгущалась — нарыв надо было вскрыть, и я ждал только удобного случая, которым должна была явиться денежная отчетность отряда. Орлов затягивал это дело.

На фронте тучи тоже сгущались: к Крыму подвозилась Эстонская [стрелковая] дивизия и товарищ Геккер (командарм-13) деятельно готовился к наступлению.

Меня занимал вопрос — разгадало ли красное командование мой план обороны или нет и какие операционные линии оно изберет при вторжении в Крым?

Во главе Перекопской группы стоял товарищ Саблин, который, по моим сведениям, хворал, и его замещал товарищ Павлов, герой орловского прорыва, бывший офицер лейб- гвардии Волынского полка. О нем у меня были сведения от капитана Мезерницкого (начальника моего конвоя), младшего товарища по полку Павлова. Сведения эти говорили мало хорошего для меня. «Павлов талантлив, очень энергичен, умеет действовать на массы и лично храбр — всегда впереди». Если к этому прибавить прежние победы Павлова, то становилось ясно, что предстоит тяжелая борьба.

Пока что я занялся разворачиванием и пополнением частей.

Из осевших в тылу чинов был сформирован сводный полк 9-й кав. дивизии в 400 шашек, сводно-гвардейский отряд в 150 штыков и шашек, конвой Штакора-3 был пополнен до 350 шашек и развернут в кав. полк, сформирован батальон немцев-колонистов, конно-артиллерийский дивизион и гаубичный дивизион из случайно попавших в тыл Крыма орудий Добровольческой армии. Но конница страдала отсутствием седел, были лошади, были люди, даже были ленчики, но не было сработанных седел, и конвой не мог вступить в бой. С большим

трудом, но все же удалось разрешить этот вопрос: конвой сел на лошадей и к моменту февральского прорыва красных на Таганаш он уже действовал совместно с Виленским полком, о котором я уже говорил выше.

Все же Крыму грозила опасность. Концентрация красных войск не была тайной для подпольных организаций. Поражение Деникина на Кавказе и Шиллинга у Одессы окрыляло все антибелые элементы. Предстоящий бой рассматривался как конец защиты Крыма. Приближалось 27 февраля старого стиля с празднованием низвержения самодержавия, демонстрациями, шествиями, которые можно было использовать для выступления против меня. Готовилось новое наступление обиженного Орлова. Одним словом, вверенные мне части должны были быть атакованы со всех сторон.

Особой популярностью у севастопольских рабочих пользовался Пивоваров (эсер), он же проявил особенную деятельность против защиты Крыма. Я срочно приехал в Севастополь, захватил арестованного Пивоварова и увез в Джанкой. Сейчас же ко мне приехали делегации от рабочих комитетов с просьбой освободить Пивоварова. Мой ответ: «Пивоваров виновен в организации выступления против существующего строя; ясно, что существующая власть приговорит его к смертной казни. Но если рабочие комитеты обещают мне, что до 1 марта (старого стиля) не будет ни одного выступления, ни одной стачки, то я Пивоварова освобожу за свой страх и ответственность от всякого преследования; об этом поручительстве рабочих должно быть объявлено в газетах. Я даю честное слово о прощении всего Пивоварову, но и мне должно быть дано честное слово рабочих». Я указал 1 марта старого стиля потому, что за это время, по моим расчетам, должно было разразиться все: и бои на фронте, и выступления Орлова, и, наконец, демонстрации. В длительные же соглашения я никогда не верил и не верю. Соглашение состоялось с опубликованием в газетах — обе стороны честно выполнили принятые на себя обязательства — с этой стороны я Юшуньскую операцию обеспечил.

Относительно партии большевиков в Крыму в этот момент я могу сказать очень мало — она, видимо, не имела достаточных средств, потому что ограничилась одними прокламациями и не смогла объединить рабочих для выступления в помощь фронтовым атакам.

ГЛАВА IX
Юшунь 8—12 марта

1. Ход операции

8 марта долгожданный бой начался — это, так сказать, было второе генеральное сражение Крымской кампании. Наступление вел товарищ Павлов 46-й и Эстонской [стрелковыми] дивизиями и 8-й кав. дивизией. Наступление на Перекопе сопровождалось демонстрацией с Чонгарского полуострова и на броде против Мурза-Каяш.

Бой начался по всему фронту сразу. Чувствовалось умелое руководство — красные дрались, как регулярная армия.

За 8 марта я даже не мог составить себе отчета, где наносится главный удар. Всюду шли только передовыми частями; для меня было неясно, где резервы. К вечеру 8 марта красные втянулись в перешеек. Грязь была страшная, лед для провоза орудий стал непригоден.

Утром 9 марта был опрокинут мой заслон на перешейке с трактиром, и крупная колонна красных втянулась в него; остальное двинулось по перешейку на юг. Таким образом, Юшуньская позиция с места была поставлена под угрозу обхода по Мурза-Каяшским перешейкам.

Я стал сосредоточивать свои резервы у Воинки, решив, что главный удар наносится через Перекоп, а на Чонгаре и озерном пространстве — демонстрация. Погода была туманная, и летчики ничего донести не могли, видимость (воздушная), и то при рискованном снижении, начала появляться лишь с 10 марта.

Одновременно я получил от Орлова телеграмму с вызывающе резким требованием прекратить всякое расследование по поводу истраченных им сумм и о подчинении ему войск, сосредоточиваемых вместе с ним в Воинке. Я его понял — вторая перчатка была брошена; не поднять перчатки красных, а теперь и Орлова, я не мог: я их поднял.

10-го утром красные достигли Юшуня и атаковали влезшую целиком в окопы (вопреки плану) бригаду 34-й дивизии, которая в полном беспорядке бежала на Воинку. Мурза-Каяш был тоже занят красными. Железнодорожный мост несколько раз был атакован с Чонгара.

В ответ на дерзкую телеграмму Орлова я приказал ему сдать отряд и явиться ко мне.

Всего к утру 11 марта через Перекопский перешеек в Крым

дебушировало около 6000 красных, которые от Юшуня двинулись главной массой на Симферополь, достигнув реки Чатарлы, а около 2000 штыков двинулось вдоль строившейся железной дороги на Воинку — Джанкой. Три полка 46-й дивизии упорно шумели на Чонгаре. Мурза-Каяш был занят небольшим отрядом, около 500 человек красных, главным образом конных.

Мои силы располагались: на Арабатской стрелке — 1-й Кавказский стрелковый полк, около 100 штыков; от Тюп-Джанкоя до района Мурза-Каяш — 2 полка 13-й пехотной дивизии общей численностью около 400 штыков; на Симферопольском направлении — 5 казачьих разъездов по 5–7 человек, южнее реки Чатарлы, против Мурза-Каяша — чеченцы, 150 шашек, и часть конвоя.

В Воинке: бригады 13-й и 34-й пехотных дивизий, батальон юнкеров, Пинско-Волынский батальон, батальон немцев-колонистов, отряд Орлова, Донская бригада полковника Морозова, сводный гвардейский отряд, сводный полк 9-й кав. дивизии, часть конвойного полка — итого около 5000 штыков и шашек, при них 6 танков.

Тыл был совершенно оголен от войск.

Утром 11-го Орлов со своим отрядом двинулся на Симферополь, выйдя из состава сосредоточенной группы.

Измена его не нарушила моего плана. У меня все же оставался кулак почти в 4500 штыков и сабель, и я спокойно мог послать Выграну (начальнику этого резерва) приказ: «Юшунь взять и об исполнении донести».

К 12 часам красные уже отходили: их южной группе, не имевшей против себя противника, но зато обойденной во фланг и тыл, пришлось отходить в большом беспорядке с потерей большого числа пленных.

В 13 часов мною уже был отдан приказ: «Разбитый у Юшуня противник отходит в беспорядке к Перекопу. Орлов изменил и двинулся на Симферополь. Полковнику Морозову с Донской кав. бригадой, арт. дивизионом преследовать красных до района Чаплинки, полковнику Выграну со сводным полком 9-й кав. дивизии и 9-м арт. дивизионом преследовать Орлова на Симферополь. Капитану Мезерницкому с конвоем погрузиться в Богемке и следовать по железной дороге через Джанкой на Сарабуз с задачей перехватить отряд Орлова. Остальным частям расположиться по квартирам в районе Богемка — Воинка — Юшунь по указанию генерала Стокасимова. Я еду с конвоем».

12 марта конница Морозова заняла Чаплинку.

Из приказа видно, что все преследование базировалось на коннице и артиллерии. Какой из указанных родов войск играл в

преследовании главную роль — трудно сказать. Я смотрю так, что преследовать противника может и должна конница, но она не может вести упорного боя, и, следовательно, противник может ее задержать, а то и вовсе не пустить дальше энергичным арьергардом, и вот задача артиллерии, свободно поспевающей за конной колонной, — сметать все и расчищать последней дорогу — это всегда давало мне хорошие результаты. В данном же случае преследование было ослаблено необходимостью ликвидировать Орлова. Я так подробно останавливаюсь на тактических вопросах потому, что считаю, что для военных это будет и интересно, и полезно. То, что я защитой Крыма принес вред, — это уже факт совершившийся, так надо теперь использовать этот факт с возможно большей пользой.

2. Управление в Юшуньском бою

Вопрос управления войсками в Юшуньском бою стоял очень остро. Дело в том, что как раз к Юшуньскому бою железная дорога, подходившая уже к Воинке, невероятной слякотью была попорчена у Богемки и требовала нескольких дней для исправления. На подвозе это отразилось мало, потому что перед тем благодаря той же железной дороге в районе Воинка — Богемка были устроены склады, которые можно было свободно тратить до конца, зная, что через 4–5 дней подвоз будет восстановлен. Но вот с моим проездом было хуже.

По железной дороге нельзя, на автомобиле тем паче. Мое присутствие требовалось и в Воинке, и на Чонгаре, может быть, и в промежутке между ними, и в тылу на случай выступления Орлова Когда положение поколеблено, особенно требуется личный пример и постоянное руководство, так как могут пасть духом и начальники.

Одного телеграфа было мало, надо было видеть бой и распоряжаться так, чтобы все чувствовали, что они на виду и не брошены. Джанкоя покинуть тоже было нельзя, потому что каждый запрос с фронта, оставшийся без ответа, мог возбудить слухи, что штаб уже снялся под влиянием неудачи на другом участке. Таким образом, сознавая необходимость личного примера, я за весь бой не покинул Джанкоя.

В помощь мне явились летчики: у меня было 6 летательных аппаратов. Но вылететь на них, чтобы опуститься в Воинке, тоже было невозможно, потому что спуск на размягченную почву должен был кончиться неудачей. Летчики летали непрестанно, донося мне о положении своих и неприятельских войск; соответственно этому я отдавал распоряжения, которые с

аэроплана сбрасывались боевым участкам.

У войск создалось впечатление, что я сам нахожусь на одном из аппаратов. Благодаря летчикам картина боя и группировка красных стали мне ясны. Орлов был под непрестанным наблюдением. Летчики заменяли телеграф и телефон, всегда отставaвший от войск, и все войска обороны Крыма были использованы в бою, конечно, за исключением танков, которые могли кружиться только около своей базы — грязь мешала их движению — и потому были использованы как форты у Воинки и держались между Орловым и остальными силами на случай, если тот ударит на них.

ГЛАВА X
Тыл во время Юшуньского боя и ликвидация отряда Орлова

К Юшуньскому бою уже были сменены неподходящие начальники до начальника гарнизона Симферополя и коменданта Севастопольской крепости включительно. Вылавливание банд было организовано, и они ликвидированы. Санитарная часть благодаря назначенному мною доктору Лукашевичу, человеку очень знающему и энергичному, стала на должную высоту. Пришлось прибегать к таким мерам, как реквизиция кроватей и ванн у населения для больных.

Обстановка на других фронтах складывалась безнадежной: на Кавказе бежали, Одесса эвакуировалась в кошмарной обстановке распада, доверие к старому командному составу терялось окончательно.

Готовясь к Юшуньскому бою, я уже мог принять все меры к эвакуации, суда для которой были наготове[12]. Ставка каждую минуту ждала падения Крыма.

На всякий случай я приказал начальнику гарнизона Симферополя полковнику Гильбиху заготовить припасы, главным образом боевые, чтобы иметь возможность перебросить их в район Карасу-Базара. При неудачном бое я предполагал отходить на Керчь и отправить только несколько поездов на Севастополь. Эвакуировавшиеся войска должны были занять Акманайскую позицию, которую я оборонял, приняв в апреле 1919 г. 5-ю [пехотную] дивизию, и после двух боев (27–30 апреля) спокойно удержал до июньского наступления. Сам же я с назначенными для того мною людьми (около 700 человек) хотел засесть в горах Карасу-Базара с тем, чтобы висеть на флангах и тыле обоих направлений (Керчи и Севастополя) и тем дать возможность спокойно произвести эвакуацию, после чего броситься на Перекоп и появиться на Украине, откуда люди отряда смогут спастись. Сам же я, конечно, должен был бы ликвидировать себя, согласно данному слову, что я из Крыма, пока командую, не уйду. Но для этого отряду нужен был запас боевых припасов и легко перевозимых консервов — позаботиться об этом и было поручено Гильбиху.

Заготовка шла быстро. Орлов, узнав о собранных для неизвестной цели в Симферополе припасах, получив мой приказ сдать отряд, двинулся на Симферополь.

Прямо объявить о своих намерениях он не решился. Людям

своим он заявил, что генерал Слащов приказал двигаться на Симферополь, где начались беспорядки. Он был настолько военно безграмотен, что такой же приказ дал стоявшим около него танкам, но там сейчас же усомнились в том, чтобы я мог дать приказ танкам идти походным порядком на Симферополь, и донесли мне.

За Орловым была организована погоня сводным полком 9-й кав. дивизии (400 шашек) с 8 конными орудиями и 100 шашками конвоя, с моим поездом и 2 бронепоездами, взятыми из Таганаша. Летчики следили за движением Орлова. На фронте уже была победа.

12 марта Чаплинка уже была занята разъездами Морозова. В тылу об этом знали. Орлов, конечно, со своим отрядом в 500 штыков не мог рассчитывать на успех, тем более что своих же людей он должен был обманывать заявлениями, что делает все по моему приказу.

В районе Сарабуза отряд Орлова был настигнут 9-м конным полком, а от Сарабуза подошел конвой. Людям Орлова стал ясен обман. Сомнений не могло быть: с одной стороны, за ними гонятся с фронта, с другой — они не могли не узнать моего георгиевского флага. Орловцы не стали стрелять. Тогда офицеры Орлова застрелили 8 человек и бросились сами к пулеметам, но были схвачены своими же людьми. Орлов, находившийся сзади вместе с Дубининым, вскочил на лошадь и скрылся в сумерках. Орловские офицеры во главе с князем Бебутовым в числе 16 человек были приведены ко мне. Военно-полевой суд приговорил их к смертной казни, приговор был той же ночью мною утвержден. Ни в конвое, ни в 9-м полку потерь не было. Солдаты отряда Орлова поступили на пополнение фронтовых частей. Орлов еще пробовал выпускать прокламации в горах, но ему больше не верили. Он политически умер. Вскоре был казнен и Дубинин — орловщина была уничтожена, но расцветала врангелевщина.

ГЛАВА XI
Роль флота и Арабатского отряда полковника Гравицкого в защите Крыма

При описании происшедших боев я совершенно не касался роли флота и полковника Гравицкого на Арабатской стрелке и чувствую, что читатель уже спрашивает меня, какую роль играли они в описываемых мною военных событиях.

Их роль была очень незаметная, очень невыгодная, о них почти не говорили; и действительно, в боевых действиях они почти не принимали участия. И все же их незаметная служба была крайне тяжелой, и если бы их не было, то и без того безвыходное положение крымских защитников сделалось бы окончательно отчаянным. Можно сказать определенно, что красные не нападали на Крым с моря и Арабатской стрелки потому, что там был крымский флот и отряд полковника Гравицкого.

Помочь в крымских боях флот ничем не мог. Глубина моря у берегов не позволяла ему подойти к Перекопскому перешейку. Если бы он стал стрелять, то его снаряды достигали бы до берега на пределе, и только у Гсническа вооруженные коммерческие суда и канонерки стрелять могли, но только по Арабатской стрелке, а до крымского берега, конечно, не достигали. Кроме того, началось замерзание морей, и суда окончательно были приговорены к бездействию у берегов. Но их господство на море делало десант красных в Крым с тылу невозможным.

Командующий морским отрядом капитан 1-го ранга Машуков пошел даже на то (по личной инициативе), что заморозил во льду канонерскую лодку «Терец», сделав из нес неподвижный форт на фланге Арабатского отряда. Жить этому отряду на Арабатской стрелке было негде, и он страшно страдал от холода, связь была почти исключительно по радио. Итак, флот и Арбатский отряд обеспечивали защитников Крыма от обхода. Флот, кроме того, все время был готов для эвакуирования; правда, он от этой задачи отрывался, но это была вина не его, а обстоятельств. Крым два раза оставался без флота, потому что Машукова приходилось бросать для эвакуации Одессы и Новороссийска.

ГЛАВА XII
Врангелевщина

Главу X я недаром закончил фразой: «Орловщина была ликвидирована, но расцветала врангелевщина*. Действительно, то положение, которое занимал относительно меня Орлов, по отношению к Деникину занимал Врангель. Оба базировались на желании продолжать борьбу с Советской властью для спасения жизни, на недоверии к высшему командованию, вызванном общим поражением, предательством в тяжелую минуту и личным честолюбием.

Вся разница была в том, что Орлов осекся, да еще вдобавок был уличен в воровстве у своих солдат, и отряд Орлова перешел на мою сторону и потому Врангель победил.

Врангель интриговал против Деникина еще тогда, когда Добровольческая армия была в хорошем состоянии. Уже под Царицыном он доказывал, что Деникин никуда не годится, и тогда еще нанятые им люди и газеты рекламировали его на всех перекрестках, выдумывая несуществующие доблести и заставляя толпу невольно этому верить; в этом отношении с ним конкурировал только Шкура, но тот плавал мельче и мечтал только о кубанском атаманстве.

Деникин терпел долго, но после поражений в Донецком бассейне Врангель был устранен от должности. Врангель остался не у дел и ведал подготовкой новороссийской эвакуации, добиваясь назначения командиром кубанской, но эту должность у него перебил Шкура.

Врангель обиделся, сел на пароход «Александр Михайлович» и уехал в Крым. Этот пароход он просто присвоил и продолжал жить на нем. В Крыму он переписывался с Орловым, но Орлов бесславно кончил.

Врангель стал добиваться должности главноначальствующего Новороссии (Одесса, Северная Таврия) и Крыма. В это время произошла одесская эвакуация при самых кошмарных условиях. Все было брошено, масса людей и имущества, кроме имущества командующего войсками и главноначальствующего Новороссии генерала Шиллинга и его присных. Шиллинг, человек очень добрый и слабохарактерный, заслужил общую ненависть, его в буквальном смысле слова видеть не могли, и он приехал в Крым, где тоже числился главноначальствующим.

И вот тут началось для меня трудное время. С Шиллингом было ладить легко — он не вмешивался совершенно в дела

фронта, но его хотел свалить Врангель, чтобы занять его место, и интриговал вовсю. Дело дошло до того, что я каждую минуту ждал приказа от Шиллинга арестовать Врангеля, а от Врангеля — арестовать Шиллинга (войск ни у того, ни у другого не было).

Деникин колебался, не зная, уступить ли Врангелю и отчислить Шиллинга либо открыто объявить Врангеля мятежником. Все это мешало обороне Крыма.

Хотя красные после Юшуньского боя и держались пассивно, но можно было ожидать прибытия их подкреплений, а фронт под влиянием темных слухов о борьбе за власть среди начальства, естественно, начинал волноваться и чувствовать себя неуверенным.

Еще в бытность свою на Кавказе, видя неудачи Добровольческой армии, Врангель заинтересовался Крымом.

По его настоянию и протекции начальника контрразведки Ставки Семинского в Крым был прислан его офицер, полковник Нога, в качестве информатора с инструкцией следить за мною.

Полковник Нога беспрепятственно с моей стороны занялся своим делом, но, к глубокому сожалению Ставки, и в частности Врангеля, не нашел подтверждения распущенным про меня слухам.

Несмотря на свою контрразведывательную деятельность, он оказался честным человеком и послал Семинскому пространное донесение, которое позже случайно попало ко мне в руки. Это донесение № 6 от 12 марта старого стиля полностью опубликовано в константинопольской брошюре моих документов. Нога в своем донесении подчеркивает мою энергию и распорядительность по обороне Крыма и заканчивает свое донесение кратким резюме: «Общий вывод: Слащовым держится фронт и тыл, фронт будет держаться до тех пор, пока он единолично будет стоять во главе войск» и т. д. Это донесение, конечно, не понравилось наверху, слежка за мною была поручена чиновнику Шарову, начальнику корпусной контрразведки, не подчиненной мне. Во время врангелевского командования Нога был исключен со службы.

Ставка металась из стороны в сторону. Деникин вызвал Шиллинга к себе и назначил вместо него генерала Покровского, известного своими грабежами и славившегося как наемный убийца. Крым заволновался. Первый дебют Покровского начался с пьяной оргии с громогласным скандалом.

Я послал Деникину телеграмму, что за оборону Крыма я поручился своею честью и слово свое сдержал, но если главноначальствующим Крыма будет Покровский, защищать Крым не могу и прошу об увольнении меня от должности.

Покровский был отозван, и Шиллинг возвращен. Неопределенная игра Шиллинга и Врангеля при попустительстве Деникина продолжалась. Ко мне стало приезжать духовенство с епископом Вениамином и сенаторы во главе с Глинкой. Общий ход разговора был тот, что Деникин дискредитирован, что он морально разбит и должен уйти, а его место должен занять Врангель. Мой корпус, единственный сохранивший боеспособность, должен поддержать Врангеля, которого желает «народ». Я на это ответил, что не буду мешать назначению Врангеля, но он должен быть назначен Деникиным.

В это время обстановка в тылу сложилась совсем тревожно. Врангель в Севастополе группировал около себя больных и раненых офицеров, агитируя против Шиллинга. По какому-то очередному делу я ночью был в Севастополе у Шиллинга, и в эту же ночь в 3 часа ко мне заехал Врангель.

Разговор шел все на ту же тему, что и с духовенством и сенаторами; я подтвердил свои слова и указал, что Врангель должен быть назначен Деникиным. Наутро я опять был в Джанкое — боевая обстановка не позволяла мне оставаться в тылу.

Но вот я узнал, что Врангель окончательно решил арестовать Шиллинга. Тогда я в предупреждение скандала, в который Деникин никак не мог решиться вмешаться, отправил к Врангелю полковника Петровского с напоминанием, что я — солдат и ничего антидисциплинарного не сделаю, а что если Врангель выступит самовольно, то я поступлю по долгу службы. Врангель, увидев, что его карта бита, сейчас же сыграл назад и заявил Петровскому, что все это клевета и что он ничего подобного делать не собирался и вполне в своих взглядах солидарен со мною; то же было повторено при личном свидании.

Но тыл волновался: имя Шиллинга было неприемлемо для эвакуировавшихся из Одессы — на него, как говорится, вешали собак.

Ко мне в Джанкой приехал помощник Шиллинга по гражданской части Брянский и заявил мне, что Шиллинг не только дискредитирован с военной точки зрения, но и берет взятки, награбил в Одессе и теперь скупает бриллианты, которые прячет у себя в гостиной под паркетом; что у него есть неопровержимые этому доказательства и что я должен пригласить Шиллинга в Джанкой, задержать его там и на дому у него сделать обыск и представить найденные улики. Общество же сильно волнуется оставлением Шиллинга у власти, который хотя в военные дела и не вмешивается и объявил в газетах о поручении мне всей власти на фронте, но все же тыл держит в своих руках. Тогда я спросил Брянского, повторит ли он свои обвинения

Шиллингу в лицо при мне. Он на это мне ответил утвердительно.

Затем я пригласил Шиллинга в Джанкой по важному делу. На перроне встретил его, как полагалось, почетным караулом, а потом, попросив разрешение говорить частным образом, доложил ему, какие на него возводят обвинения, и сказал ему: «Может быть, ты пройдешь со мной в вагон Брянского, чтобы он предъявил тебе их сам?»

Шиллинг был страшно смущен, не менее был смущен и Брянский и отделывался общими фразами. Тогда я предложил им переговорить друг с другом наедине и вышел.

Через несколько времени Шиллинг зашел ко мне проститься. На прощание я его спросил: «Ну, до чего вы договорились? Ведь меня толкали на обыск у тебя, от которого я, конечно, отказался». «Да, да, я приму меры», — был ответ, и Шиллинг, прицепив к своему поезду вагон Брянского уехал.

Прошло три дня. Брянский оставался помощником Шиллинга. Тогда я запросил Шиллинга шифрованной телеграммой, что же он предполагает делать ввиду предъявленного ему Брянским ужасного обвинения. Шиллинг на это ответил, что он сразу не разобрался в важности дела, а после моей телеграммы арестовал Брянского, ввиду болезни последнего домашним арестом, и передал его дело следователю.

Дело тянулось, но при вступлении через две недели Врангеля в командование Брянский был освобожден и отпущен за границу.

Тогда стало ясно, что во всем этом темном деле Врангель принимал активное участие вместе с Брянским, а Шиллинг по своей глупости выполнял пассивную роль игрушки[13].

Перед самой новороссийской эвакуацией Деникин удалил Врангеля со службы и предписал ему покинуть Крым. Врангель медлил, но, не найдя поддержки своим мятежным планам, принужден был подчиниться. На прощание я сказал Врангелю, что не советую ему ехать дальше Константинополя, потому что сведения о Деникине самые плачевные и потому его (Врангеля) назначение ввиду общего настроения верхов должно состояться. Врангель подтвердил сказанные им раньше слова, что если он будет главнокомандующим, то даже в случае неустойки на фронте он обеспечит спасение и устройство в будущем чинов своей армии. Видимо, ему страшно хотелось власти и он мнил себя администратором и гражданским правителем, что очень трудно ожидать от военного, отдавшегося всецело своему делу. Должен сказать откровенно, что тогда я об этом не задумывался и лишь инстинктивно отмежевывался лично от всяких гражданских дел, в которых чувствовал себя нетвердо.

Еще до приказа об исключении Врангеля со службы

последний обратился к Деникину с резким письмом, полным упреков за сделанные ошибки, за личное честолюбие и самомнение, принесшее вред общему делу, и за несправедливое отношение к нему, Врангелю. Это письмо Врангель размножил во множестве экземпляров и распространил в войсках. Конечно, такое антидисциплинарное действие не могло быть терпимо, переполнило чашу терпения и сломило нерешительность Деникина.

Он ответил Врангелю очень кратким письмом с указанием на его личное честолюбие и возмутительные действия и дал приказ об исключении Врангеля со службы.

Время шло. Началась кошмарная новороссийская эвакуация, при которой Деникин бросил свою армию на произвол судьбы и на милость победителя.

Сам он совершенно пал духом и ни к чему не годился; имя его произносилось с проклятиями…

Слои населения, сочувствовавшие Добровольческой армии, открыто говорили, так же как и армия, о необходимости его замены, причем выдвигались два заместителя — Врангель и я. Впутываться во всю эту историю гражданского управления я не считал себя способным. С союзниками я был на ножах. Врангелевщина продолжалась бы, разлагая фронт, и я решительно отверг всякую мысль стать во главе движения, в особенности при моем личном внутреннем расколе и необходимости ладить с союзниками, которые помогать будут не даром.

Подняли вопрос о заключении мира с красными; до этого мира удержать фронт я считал себя способным, но возиться с тылом — нет.

Учитывая все это, я послал Врангелю с графом Тендряковым извещение, что дальше ему ехать нельзя, а что надо быть готовым принять командование.

Лиц, не веривших Врангелю за его предыдущие поражения и интриги, я успокаивал тем, что постараюсь остаться ведать фронтом, предложив Врангелю себя как начальника штаба. Элементы, не верившие Врангелю, успокаивались: я сам, уже колеблющийся, сделал еще раз шаг на поддержку белых и во вред красным — каюсь, но что делать?! Половинчатых решений я никогда не признавал.

ГЛАВА XIII
Конец командования Деникина. Вступление в командование Врангеля

Перед новороссийской эвакуацией ко мне прибыл тесть Деникина, генерал-майор, фамилии его не помню, и стал зондировать почву, может ли Деникин приехать в Крым. Я сразу не понял того, что он опасался моего соперничества. Он начал очень издалека о том, следует ли главкому быть на Кавказе или в Крыму. Я ответил, что, конечно, в Крыму, и обещал доложить главкому план эвакуации армии в Крым. Затем он меня спросил, не угрожает ли что-нибудь главкому в Крыму. На это я ответил, что за шальную пулю террориста я отвечать не могу, потому что сам ее ожидаю и никто от нее не гарантирован, но, во всяком случае, тут спокойнее, чем на Кавказе; за все же остальное я ручаюсь.

Вот краткая суть длинного и путаного разговора с тестем Деникина. С этим он и уехал.

А Добровольческая армия отходила. Видя беспорядочный отход и зная неподготовленность эвакуации, я сейчас же после Юшуньского боя и разговора с тестем Деникина, т. е. около 15 марта, отправил Деникину доклад с предложением отводить главную часть сил, особенно конницу, на Таманский полуостров.

Вместе с тем я обратился с просьбой разрешить мне занять последний по устью Кубани своими войсками.

После юшуньского разгрома я брался удержать Крым, даже выделив часть своих войск на Тамань, куда намеревался послать 1500 человек. В помощь защитникам Тамани, конечно, должны были быть выделены и сохранившие стройность части Добровольческой армии.

Деникин на этот доклад, хотя была расписка в его получении, и на ряд моих повторных запросов даже и не ответил. Что это было? Боязнь меня как возможного узурпатора или что-нибудь другое, не знаю! — но из-за этого погибли тысячи людей. Только в момент новороссийской эвакуации, когда на Тамани не было никого, т. е. через 2 ½ недели, я получил от Романовского телеграмму: «Главком разрешил Таманский полуостров занять, если вы считаете нужным». Я на это мог только ответить: «Думаю, что надобность миновала».

Совершилась новороссийская эвакуация, подробности которой достаточно описаны и о которой я писать не стану. Банды обезумевших и проклинающих Деникина и все

командование белых прибыли в Крым, и в это время в Севастополе, по докладу начальника контрразведки Севастополя и морской, должно было состояться выступление сочувствовавших красным элементов.

Арестовано было 14 «главарей» и им предъявлено обвинение в заговоре против «государственной» власти, улики все были налицо: «главари» захвачены были при помощи провокатора в указанный момент с поличным. После указанного ареста все судьи и лицо, которое должно было утвердить приговор, комендант Севастопольской крепости Генерал-лейтенант Турбин, получили смертный приговор на случай осуждения арестованных. Начальник контрразведки страшно волновался: рушится с освобождением последних не только вся тайная агентура, но и выступление состоится, а на фронте красным подкрепления подвозились; надо было мне либо расписаться в несостоятельности и предать всех своих подчиненных, либо по вызову явиться в Севастополь.

Я прибыл туда[14] и приказал погрузить обвиняемых в мой поезд, чтобы судить на фронте. Контрразведка советовала мне сделать это тайно, но я на это ответил, что мое правило: сведения о смертных приговорах, утвержденных мною, распространять для общего сведения — и что на смертную казнь я смотрю как на устрашение живых, чтобы не мешали работе. Ни одного тайного приговора к смертной казни никогда я своей подписью не утверждал. Так было сделано и в данном случае.

Следует отметить, что ни одна рабочая организация, как это делалось раньше, не обратилась с заступничеством за приговоренных. Единственно кто это сделал, и то после казни, — это Мельников, «премьер-министр» Деникина, разговор с которым мною был опубликован в газетах.

Деникин прибыл в Феодосию около 29 марта. Я ожидал, что он вызовет меня, желая ознакомиться с положением на фронте, но вызова не последовало. А вместо этого я получил телеграмму, в которой объявлялось об уходе Деникина и назначении совещания из представителей от корпусов для выбора нового главнокомандующего. Я ответил на это, что выборное начало в моей голове не укладывается и что заместитель должен быть назначен им самим. Одновременно я просил разрешения приехать к нему в Феодосию. Надо же было мне поговорить с Деникиным раньше, чем решиться вызывать Врангеля (посылка Тендрякова, см. выше).

Деникин ответил мне приказом ехать на совещание. Совещание состоялось 3 апреля, и в это время красные предприняли набег на Перекоп, но, потеряв два орудия, перешли

на Чаплинку.

Поздно вечером 3 апреля я прибыл на совещание и, наотрез отказавшись голосовать, уехал на фронт. Выборы были сорваны. На вопрос Драгомирова, кто же мог бы быть назначен Деникиным, ответил: «Думаю, что Врангель».

5 апреля 1920 г. Врангель вступил в командование Вооруженными силами Юга России. Деникина я так и не видел, и это, пожалуй, к лучшему: я его помню заблуждающимся, но честным и энергичным человеком; видеть же нравственно павшего человека, неспособного признать своих ошибок и предавшего в своем бегстве доверившихся ему людей, не стоило. Так гибла вера и в правильность идеи, за которую боролись, а в данном случае и в руководителя движения, в его честность и энергию. Облик нового руководителя уже выяснился; настроение падало, и углублялась подготовка смены идеалов (сменовеховство).

Состояние войск, прибывших в Крым из Новороссии, было поистине ужасно: это была не армия, а банда. Орудия и обозы были брошены. Ружья и часть пулеметов сохранил еще Добровольческий корпус, в который была сведена Добровольческая армия, под командой Кутепова. Донцы и кубанцы в большинстве и этого не имели.

Боялись сгружаться с парохода, ежеминутно ожидали падения Крыма.

Все беглецы были размещены в тылу, и на Крымский корпус, и в частности на меня, Врангелем была возложена защита Крыма.

Красные перебрасывали свои части с Кавказа на Крымский фронт.

От тыла я на этот раз окончательно освободился. Уже перед тем, с приездом Шиллинга, я от ведения им отошел, но не совсем, потому что Шиллинг, чувствуя себя дискредитированным, присылал мне на подпись более важные свои приказы и мне невольно приходилось вникать в тыловую жизнь. Получалась оригинальная картина, о чем сообщали даже газеты: приказ главнокомандующего, под которым стояла его подпись, скреплялся подписью командира Крымского корпуса (3-й корпус во время защиты Крыма был переименован Деникиным в Крымский).

Тыловой деятельностью у меня не было ни призвания, ни времени заниматься, поэтому и в бытность мою единым представителем военной власти в Крыму она была мною возложена на начальника штаба корпуса полковника Дубяго, который большую часть времени и проводил в Симферополе; я же появлялся в особо важных случаях, как это было с орловщиной и

т. п. Теперь в Крыму оказалось слишком много штабов: что ни город, то штаб, и даже начальники гарнизонов отошли на второй план, подчинившись временным старшим начальникам.

Надо сознаться, что беженцы начали мстить в Крыму левым элементам за свои унижения в Новороссийске. Особое рвение в этом отношении проявлял корпус Кутепова, штаб-квартира которого была в Симферополе. Поставленный мною там начальник гарнизона полковник Гильбих за свою «мягкость» был быстро отчислен, равно как и другие назначенные мною во время орловщины начальники. Я ведал исключительно фронтом с 1 апреля 1920 г.

На мирные переговоры с красными были большие надежды, но исключительно платонические. Дело вперед не подвигалось. Епископ Вениамин собирался организовать крестный ход для движения в расположение красных, но в храбрость этого пастыря плохо верилось. Красные же, как я уже сказал выше, концентрировали войска.

Особенно меня беспокоил Чонгарский полуостров, где красные стояли вплотную к Крыму и теплая погода позволяла им жить на полуострове под открытым небом и спокойно подвозить и сосредоточивать войска.

Относительно идеологии белых в это время приходится сказать мало определенного. В головах как-то все перемешалось, кошмар кавказского и одесского поражений стоял перед глазами и давил настроение. Не верилось в лучшее будущее. Надо было как-нибудь добиться мира, чтобы спасти эту толпу обезумевших людей, тех же, которые слишком дискредитировали себя в глазах красных, куда-нибудь эвакуировать. Следовательно, нужно было обеспечить оборону Крыма и первым долгом занять Чонгарский полуостров, чтобы образовать из него охранительный буфер.

С другой стороны, говорить громко о мире с красными было нельзя. Как только стали говорить о возможности мира после «воцарения» Врангеля, фронт стал разлагаться. Начались частью грабежи, частью даже перебежки к красным (перебежало до 70 человек), и службу стали нести спустя рукава. В связи с усилением красных сил на фронте создавалась определенная угроза их вторжения в Крым благодаря разложению частей. Положение стало настолько серьезным, что мне пришлось обратиться к Врангелю с докладом, что надо вести переговоры тайно, а войскам пока объявить, что борьба продолжается, иначе большевики, узнав о разложении в крымских войсках, ни на какой мир не согласятся, а просто возьмут Крым силой. Мой доклад был принят. Врангель, дав приказ о продолжении борьбы, обещал мне вести переговоры о мире, но тайно.

ГЛАВА XIV
Встречные бои 22 и 29 апреля 1920 г

Как я уже говорил выше, подвоз красными новых частей и наступившая теплая погода, дававшая возможность концентрировать войска на Чонгаре, создавали угрозу Таганашскому и Тюп-Джанкойскому участкам Крыма, что сильно меня беспокоило. Поэтому я решил предупредить красных, атаковать их до их сосредоточения, и занятием Чонгарского полуострова опять создать буфер между Северной Таврией и Крымом. Кроме того, ввиду мирных переговоров я рассчитывал убедить этим красное командование в том, что белые вовсе не слабы и что лучше оставить их в покое.

Что это есть война классовая и что Советская Россия не может согласиться на буржуазный нарост на своем юге, тогда я не понимал, а пример существовавшей в то время меньшевистской Грузии утверждал меня в моих заблуждениях. Главная задача была — добиться спасения и урегулирования вопроса о рядовой толпе белых, бывших в Крыму.

Как бы то ни было, толкаемый своей политической безграмотностью и военными соображениями, я решил атаковать сам.

В ночь на 22 апреля было приступлено к починке железнодорожного моста через Сиваш. Больших сил ввиду беспокойного положения на Перекопе я сосредоточить не мог и ограничился выдвижением на позицию бригады 13-й дивизии (около 500 штыков) и батальона юнкеров (около 120 штыков) с 8-м кав. полком (бывший конвой, около 300 шашек) в резерве. Кроме того, были подтянуты 4 бронепоезда, один из которых имел дальнобойные 8-дюймовые морские орудия.

На берегу Сиваша имелись построенные мною еще зимой небольшие ветки-тупики, чтобы бронепоезда могли маневрировать, а не только стоять друг другу в затылок. Таким образом я обеспечил за собой превосходство в артиллерии. Починка железнодорожного моста, находившегося посредине почти двухверстной гати, за ночь закончена не была. Красные держались активно и со своей стороны делали попытки проникнуть на гать.

Борьба бригады 13-й дивизии с красными закончилась тем, что после обоюдных неудач продвижений гать с железнодорожным мостом осталась нейтральной и цепи борющихся сторон залегли по берегу Сиваша.

Одновременно красные делали попытки проникнуть на Тюп-Джанкойский полуостров, но эти попытки я игнорировал, решив, что если одержу верх вдоль железной дороги, противник сам будет вынужден очистить Тюп-Джанкой.

Таким образом, ряд встречных столкновений на местности, не дававшей возможности развернуться и нажать на чувствительные места противника, не дал успеха ни той, ни другой стороне. Количество сил играло мало роли, потому что их негде было развернуть. Благодаря наличию у белых морских орудий бронепоезда красных держались в отдалении и перевес артиллерии был на стороне белых, но одним этим бой не решался. Время стало клониться к вечеру, когда красные, видимо, получили сильные подкрепления артиллерией, потому что развили сильный и меткий артиллерийский огонь по легким бронепоездам, среди которых стоял и мой поезд: полетели стекла. Не менее сильному обстрелу подверглись и цепи. Приказав бронепоездам сосредоточить огонь по цепи красных, я послал адъютанта, штабс-ротмистра Шебеко и ординарца Нечволодова (свою жену) к цепям передать приказ двинуться на гать. Не прошло и десяти минут, как пришло донесение, что штабс-ротмистр Шебеко убит, а ординарец Нечволодов ранен, цепи 13-й дивизии под сосредоточенным огнем красных подаются назад и очистили местность около гати. Цепи красных спускались к гати.

Получалась угроза самому Крыму; починенный белыми мост должен был достаться в руки красных. Правда, в резерве были юнкера и 8-й кав. полк, на которых только можно было рассчитывать в случае, если красные ворвутся на южный берег Крыма, так как неудача белых должна была деморализовать 13-ю дивизию, получавшую пополнения исключительно из пленных красноармейцев 46-й стрелковой дивизии, бригада которой сейчас форсировала гать. Надо было прибегнуть к последнему средству, всегда выручавшему до сих пор, это средство — личный пример начальника.

Поэтому я отдал приказ юнкерам построиться в колонне по отделениям и двинул ее на гать с мостом. Артиллерия красных стала стрелять беспорядочно: ни один снаряд не падал на гать, многие шрапнели падали на удар, давая камуфлеты[15], — очевидно, орудийная прислуга второпях не устанавливала дистанционных трубок.

Ружейный огонь был не менее беспорядочен; несмотря на почти 2-верстное расстояние, пули летали через головы.

Батальон втянулся на гать; сначала отдельные люди красных, а потом и вся их цепь стала отбегать назад, артиллерия смолкла — видимо, взялась в передки, — сзади неслось «ура» бригады 13-

й дивизии, нестройными толпами сбегавшей на гать, а юнкера шли с музыкой (оркестр).

Я невольно подумал, что достаточно было бы одного пулемета и одного орудия у красных, но в не дрожащих руках, чтобы смести все это, но такова сила нервного шока, который всегда возможен во всяком бою. Ошеломить можно кого угодно.

К сумеркам 22 апреля части бригады 13-й дивизии достигли и закрепились у станции Сиваш. Юнкера за описанную атаку не потеряли ни одного человека. Станция Джумбулук была занята в последующие дни.

В тылу между тем шла интенсивная реорганизация частей, и ввиду концентрации красных сил против Крыма Врангель решил постепенно выдвигать на фронт наиболее боеспособные части 1-го армейского корпуса Кутепова. Приказом его Добровольческий корпус был переименован в 1-й, а Крымский — во 2-й; кроме того, сколачивался еще 3-й корпус, Писарева; конница была сведена в конный корпус Барбовича. Донцы пока составляли один корпус, а кубанцы — одну дивизию, но были без лошадей, кроме Морозова (донцы). При 1-м и 2-м корпусах было по одному кав. полку; в 3-й корпус, Писарева, входила Чеченская дивизия генерала Ревишина.

В первую голову на фронте должны были появиться Алексеевский полк и Дроздовская дивизия генерала Витковского, но выдвижение это было сделано крайне оригинальным способом, а именно десантной операцией Алексеевского полка к деревне Кирилловка, откуда он вышел на железную дорогу. Мой 2-й корпус об этом десанте предупрежден не был и продолжал находиться на Чонгаре. Это привело к почти полному уничтожению высаженного десанта Алексеевского полка. Аналогичная история произошла с десантом Дроздовской дивизии у Хорлы — она принуждена была драться одна с превосходными силами красных, а 2-й корпус находился в полном неведении, что творится к западу и северу от Перекопа.

Дроздовская дивизия, правда, пробилась к Перекопу, но понесла потери около 350 человек и несколько орудий. Я же сам в это время был на Чонгаре, где пришлось подпирать бригаду 13-й дивизии, оставившую под давлением красных занятую перед тем станцию Джумбулук. Положение было восстановлено, но было бы много важнее мне быть на Перекопе и своим наступлением помочь Дроздовской дивизии.

Оказалось, что Врангель через агентурную разведку узнал, что красные предполагают нанести удар на Перекоп 30 апреля, и с целью расстроить их план направил Дроздовскую дивизию в Хорлы, чтобы она вышла во фланг атакующим Перекоп красным.

Мой же корпус по плану обороны Перекопа не удерживал и старался заманить красных под удар из перешейка с трактиром или даже под Юшунь. На этот же раз благодаря десанту у Хорлы красные были отбиты даже перекопским охранением, но для помощи дроздовцам силы на Перекопском перешейке не было, и они должны были пробиваться почти исключительно своими силами.

Была ли это небрежность Ставки, или в этом сказывалось полное неумение Врангеля управлять частями на широком фронте, сказать не берусь, но, судя по последующим боям, вернее последнее предположение.

Во всяком случае, прорыв красных в Крым был отбит, но со значительно большими потерями, чем это было необходимо.

Таким образом, апрельские попытки красных прорваться в Крым успехом не увенчались. 2-й корпус, кроме этого, занял Чонгарский полуостров и выдвинул охранение на Сальковский перешеек.

ГЛАВА XV
Период до наступления Врангеля в Северной Таврии

Наступило затишье; массы надеялись на мир. Врангель усиленно скрывал все перипетии этого вопроса, не отвечая даже на прямо поставленные вопросы. Наконец, стало известно, что англичане с красными не договорились и предлагают Врангелю предпринять самостоятельные шаги. Французы указывали на безнадежность этого предприятия; они дали понять Врангелю, что ему надо сначала показать силу своей армии, и тогда красные пойдут на уступки. В этом духе Врангель и вел пропаганду не только среди солдат, но и среди лиц высшего комсостава, по крайней мере мне, командиру корпуса, ничего большего о закулисной игре известно не было. Выставлялось, что красные сбросят нас в море, а за границей нас никто не примет, если мы не будем бороться; если же мы захватим Северную Таврию, то Украина и Дон готовы восстать, и т. п. Конечно, все уснащалось невероятными рассказами о зверствах большевиков и восстаниях во всех концах России. Создавалась картина, что бороться нужно если не ради идеи, то во имя безвыходного положения, во имя спасения от зверств, ожидавших побежденного.

Тогда я почти ни во что не верил. Если меня спросят, за что я боролся и каково было мое настроение, я чистосердечно отвечу, что не знаю. Это было время, когда я переходил от отчаяния к надеждам, когда неоднократно решал все бросить и уйти, но сейчас же приходили соратники и начинали говорить о малодушии, о том, что нельзя бросать армию в тяжелый момент, что это — предательство своих. Возникал также вопрос, куда же ехать и на что жить за границей, которая, конечно, от беглеца отвернется, а может быть, и вышлет.

Не скрою, что в моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, — ведь невозможно же, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам. Но эти мысли я как-то трусливо сам отгонял от себя и противопоставлял им слухи о восстаниях внутри России и т. п.

Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь.

29 мая я подал в отставку. Врангель взял мой рапорт и прочел мне целую нотацию о том, что уходить с поста теперь

нельзя, что это есть удар в спину армии, что с моим именем в Крыму слишком много связано и мой уход гибельно отразится на настроении; приписка же в рапорте о нежелании командовать и о согласии быть рядовым есть фраза — это не поднимет настроения войск, а, наоборот, подчеркнет, что наверху неладно. Высказав мне эти соображения, Врангель разорвал мой рапорт.

Я принужден был остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказывать своих сомнений и не зная, на чем остановиться. Подчеркиваю: с сущностью борьбы классов я не был знаком и продолжал наивно мечтать о воле и пользе всего внеклассового общества, где ни один класс не эксплуатирует других. Это было не колебание, но политическая безграмотность.

В тылу между тем разыгрывалась история «Донского вестника», в связи с которой были привлечены к ответственности генералы Сидорин и Келчевский по обвинению в разложении донцов эсеровской пропагандой самостийности Дона. Подробностей этого дела, находясь на фронте, я не знал, но для меня было ясно, что в суде идет невероятная подтасовка, и личность Врангеля выявлялась с очень некрасивой стороны.

Закон о земле, разработанный Глинкой, никого, конечно, удовлетворить не мог. Вопрос о церковных землях татар разрешен не был.

Все это вызывало скопление зеленых в горах и их страшный рост — сочувствие населения вызывало их смелость и неуловимость. Прибывшая из Новороссийска армия утратила всякие идеалы и занималась грабежами — жалобы поступали со всех сторон.

Уже позже, в Мелитополе, Врангель собирал по этому поводу командиров корпусов, и, несмотря на всю его нелюбовь и недоверие ко мне, ему пришлось поставить на вид, что на все корпуса, кроме 2-го (Крымского), поступают постоянные жалобы населения за грабежи.

И это верно. С грабежами требовалась суровая борьба и, конечно, пример начальника. А где же ему бороться, если у самого «рыльце в пушку»?

Во время защиты Крыма, еще в начале февраля, произошел грабеж, который по всем данным могли совершить только казаки конвоя Штакора-3, и сам начальник конвоя капитан Мезерницкий указывал, что это казаки и что, пока их не обуздают, он своими мерами бороться не может. Это были все Георгиевские кавалеры, мои старые соратники по Кубани. Виновный не находился, и казаки его не выдавали. Тогда я не остановился перед расформированием всего конвоя и высылкой его из Крыма на Кубань на пополнение кубанских частей. Новый конвой, вскоре

развернутый в 8-й кав. полк, был сформирован из крымчаков. Другие командиры корпусов этого не делали, а бездеятельность старших относительно преступлений поощряет новые.

Отсутствие определенной, ясно выраженной идеи и борьба только за свое существование, естественно, усиливали эти грабежи. Это было только логическое следствие развития основного лозунга борьбы и недоверия к командному составу.

Каждый член новороссийской и одесской армий, раз испытав ужасы эвакуации, хотел обеспечить себя на будущее и надеялся своевременно улизнуть. Высший командный состав показывал ему в этом отношении пример, и хотя главных героев предыдущих грабежей вроде Покровского, Шкуры, Мамонтова и т. п. уже в армии не было (они, кроме умершего Мамонтова, благополучно жили на награбленные деньги за границей), но оставшиеся шли по их стопам и своими действиями показывали пример подчиненным, а об упорной борьбе с грабежами лиц, у которых у самих рыльце было в пушку, конечно, не могло быть и речи.

Таким образом, ВСЮР быстро и определенно перешли на роль наемников иностранного капитала, готовые пойти туда, куда пошлет их хозяин. Если некоторые слепцы вроде меня ясно этого еще не понимали, то это не мешало факту оставаться фактом и событиям идти своим чередом, вовлекая в свой водоворот и этих слепцов, пока они, не желая идти по этому пути, не зная другого, не были самими событиями выброшены за борт несимпатичной им жизни.

Как я уже указал выше, переговоры о мире оставались безрезультатными и на Крым надвигался голод. Был задумал общий переход в наступление в Северную Таврию, так сказать, экскурсия за хлебом. Мною было указано Врангелю, что легче всего этот вопрос дебуширования из Крыма может быть решен десантной операцией целого корпуса с движением на железнодорожную магистраль (рейд) и на базы красных в Мелитополе.

Выполнение этой операции было возложено на меня, причем я поставил условием, чтобы разработка плана велась исключительно мною, а я посвящу в нее только самого Врангеля, потому что лицам его штаба, вследствие болтливости некоторых (Шатилова и Коновалова) и неумения работать, я совершенно не доверяю.

Дальнейшие события показали правоту моей точки зрения: это была единственная операция, место назначения которой осталось тайной для красного командования; десантные же операции на Кубань и Дон стали известны красным задолго до их

начала.

Мой план сводился к прорыву эскадры с десантом корпуса через Керченский пролив и движению ее в Азовское море. Чтобы затушевать место назначения эскадры, пунктом посадки я выбрал Феодосию, откуда десант мог быть высажен и в Новороссийск. Движение через Керченский пролив, где фарватер проходит в 1 ½ верстах от берега красных, эскадры в 32 вымпела считалось делом невозможным, тем более что течение идет из Азовского моря, а идти мимо противника надо с застопоренными машинами, но вычисления показывали, что, взяв разгон, опасное место можно пройти по инерции.

Феодосия выгодна еще тем, что от нее самые тихоходные суда могли к вечеру сосредоточиться у Керченского пролива и взять разгон для его прохода.

В дальнейшем я предполагал высадиться на песчаной косе, что у деревни Кирилловна, и внедрить весь корпус в коридор, образуемый двумя полузаливами и полуозерами, двигаясь в направлении на станцию Акимовка, где прервать питание красных, стоящих против Крыма, и быстро захватить их базу — Мелитополь. Операция делалась очень возможной еще и потому, что красное командование не эшелонировало свои силы в глубину, а держало свои резервы близко к фронту, и мое движение на Акимовку выходило в тыл даже фронтовым резервам.

Мой план был Врангелем утвержден, и 20 мая мой корпус был сменен с позиции и поехал по железной дороге в Феодосию. Такое передвижение войск, конечно, не осталось незамеченным и вызвало разговоры. Я лично в разговорах нарочно сбивал лиц своего штаба о месте десанта, намекая за обедом на разные пункты Кавказского и Одесского побережья. Когда ко мне заходили корреспонденты с расспросами и спрашивали, будет ли десант, я ошеломлял их ответом — да, будет, с указанием района между Батумом и Одессой. Таким образом, все говорили о десанте (да этого и скрыть было нельзя), но никто не знал, где он будет.

5 июня 1920 г. суда снялись из Феодосии и с запечатанными конвертами вышли в открытое море, держа курс на юг. Там были вскрыты пакеты № 1. К ночи эскадра прошла мимо Керчи, где должны были присоединиться к ней боевые суда прикрытия, которые по моему настоянию были выведены в море накануне в обыденное крейсерство по Азовскому морю, что не должно было возбудить ничьего подозрения; остальные боевые суда в других портах готовились к выходу для прикрытия десанта (но для десанта не предназначались, т. е. демонстрировали, сами не зная

того). В Азовском море подлежало вскрыть пакеты № 2.

Перед самым переходом в наступление в Северную Таврию и во время хода этого наступления в тылу произошел инцидент, сам по себе ничтожный, но характерный для Крыма и белой армии, которой сам Врангель показал пример борьбы за власть и ее захват.

Подробности дела мне неизвестны, потому что я слишком далеко стоял от тыла, разрабатывал сложную операцию и уехал для ее производства, но, во всяком случае, суть заключалась в следующем.

Один из далеких отпрысков царствовавшего дома — князь Романовский, герцог Лейхтенбергский, пасынок великого князя Николая Николаевича, уже, как читатель помнит, замешанный раньше в орловской истории, задумал по примеру Врангеля произвести «государственный переворот». Он собрал вокруг себя, как это делал при Шиллинге Врангель, молодых тыловых офицеров из раненых и больных фронтовиков и моряков и, говорят, пользовался сочувствием экипажей целого ряда судов (сам Лейхтенбергский — моряк). Заговорщики хотели арестовать Врангеля, принудить его к «отречению», и князь Романовский должен был быть провозглашен «блюстителем царского престола». Главнокомандующим русской армией по их спискам должен был быть провозглашен я, а Шатилов чуть ли не военным министром. Кроме того, на разные должности были назначены лица совершенно противоположных мнений. Все это, а в особенности включение в список Шатилова, показывало, что они ни с кем не сговорились, а просто назначали по личным симпатиям. Дело кончилось арестом заговорщиков, причем у адъютанта Романовского был найден свитский аксельбант: видимо, он мечтал быть флигель-адъютантом; Романовский был выслан за границу, а остальные — на фронт. Суда Врангелю назначать не хотелось: ведь сам он в подобном же деле был замешан.

В заключение этой главы для большей ясности последующих событий я хочу немного остановиться на кратких характеристиках лиц врангелевского командного состава, игравших более видную роль в армии. Характеристика самого Врангеля, я думаю, будет ясна из самого изложения событий.

Первое время по «воцарении» Врангеля во главе его штаба стоял генерал-квартирмейстер штаба Деникина генерал Махров. Эта личность очень краткосрочно промелькнула на горизонте и оставила по себе лишь след нравственной неопрятности и невероятной, чтобы не сказать — преступной, болтливости; сам он был эсеровского направления, и лица, политически ему

симпатичные, были в курсе оперативных дел штаба. Лично он очень дружил с генерал-квартирмейстером Коноваловым. Еще до перехода в наступление в Северную Таврию он был отчислен от должности.

Его заместителем явился помощник Врангеля генерал Шатилов — это был человек, крайне легкомысленный в военных вопросах, очень беспечный относительно противника, смотревший на войну с точки зрения «шапками закидаем», когда на фронте было хорошо, и впадавший в невероятную панику при малейшей опасности. Вообще же он обращал мало внимания на военное дело, а больше занимался нефтяными бумагами и пополнением своих материальных средств — «благодарностями» лиц, ведших какие-либо денежные дела с Вооруженными силами Юга России. Это делалось вполне открыто и не составляло ни для кого тайны, так что я совершенно спокойно могу об этом писать, не боясь упрека, что я так аттестую «Павлушу», как его называли, за то, что он занял место наштаглава.

Из предыдущих действий Врангеля было вполне ясно, что единственным талантливым при нем человеком был генерал Юзефович (его начальник штаба у Царицына); он заменял Врангеля, когда тот был болен сыпным тифом, и, в сущности, продолжал командовать и потом. Но с ним Врангель разошелся. Мое имя противопоставляли имени Врангеля лица, не любившие его. Врангелю предстояло заняться внутренними делами и переговорами с союзниками и красными о заключении мира. Ясно, что при таких условиях отдать все свое время защите последнего клочка территории, где укрывались белые, он не мог. Поэтому, как читатель помнит, я предложил Врангелю одновременно с вызовом его из Константинополя себя в начальники штаба, именно главным образом под давлением лиц, враждебных Врангелю. Он обошел это молчанием, и я больше об этом не поднимал вопроса; против Шатилова неприязни у меня не было никакой — лично я его даже не знал. Но в дальнейшем выявилось то, что я указал выше.

Генерал-квартирмейстер штаба был Коновалов. Перед тем он служил у Боровского в Крымско-Азовской армии, играл первую скрипку в его штабе, все распоряжения которого приводили к тяжелым переживаниям и к сдаче весною 1919 г. Северной Таврии и Крыма. Как раз я в это время познакомился с ним, так как я прибыл в Крым на должность комбрига-5 и вступил во временное командование этой дивизией на Акманайской позиции (Керченский полуостров), которую Коновалов приговорил к сдаче.

Все же Акмапайская позиция была удержана до перехода в наступление.

Боровского сменил Шиллинг, который перед тем не мог равнодушно говорить о Коновалове; теперь же почему-то они стали друзьями. Коновалов от имени Шиллинга отдавал самые нелепые с военной точки зрения приказания, разводящие войска веером и грозившие полным поражением. Я отказывался их исполнять и вызывал к аппарату лично Шиллинга, после чего инцидент улаживался и мне предоставлялась свобода действий.

По странной случайности все секретные сведения, проходившие через генерал-квартирмейстера, становились известными противнику, так что я во время борьбы с Петлю- рой вынужден был заявить Шиллингу, что прошу ставить мне только задачу, а я ее сам выполню, а если давать указания, то не через Коновалова.

Во взятках и грабежах Коновалова не упрекали, но денег у него всегда было много. Он же являлся участником и главным руководителем безграмотного с военной точки зрения отхода на Одессу Шиллинга в конце 1919 г., преступной одесской эвакуации и интернирования части войска в Польше. То же самое происходило и при Врангеле. И только уже в ноябре месяце часть его переписки была перехвачена мичманом Алексеевым на пароходе «Возрождение», но захват этого парохода красными в Феодосии (момент эвакуации Врангеля) затушевал это дело, Коновалов немедленно уехал из армии и отлично зажил за границей. Сам ни одной строевой частью не командовал.

Во главе 1-го (Добровольческого) корпуса стоял Кутепов, строевой офицер, не бравший с момента производства книги в руки, так что мог недурно командовать ротой, но не больше. Это был типичный представитель «строевого офицера» в скверном смысле этого слова, великолепно замечавший, если где-нибудь не застегнута пуговица или перевернулся ремень, умевший равнять, муштровать часть и производить сомкнутое учение, но совершенно ничего не понимавший в области командования войсками, их стратегического и тактического использования и сохранения войск в бою. Все это дополнялось крайним честолюбием, эгоизмом, бессмысленной жестокостью и способностью к интригам. При уходе Деникина Кутепов мечтал его заместить, но, увидев, что ничьей поддержки не встретит, старался удержать Деникина у власти хотя на время, чтобы забылся новороссийский кошмар, в котором он играл немаловажную роль. Отношения его с донцами были из рук вон плохи, потому что в Новороссийске он вышвырнул донцов с судов и бросил их на произвол судьбы, нагрузив на суда свои обозы. Это подсудное дело осталось без последствий. Естественно, что я, возмущенный им, открыто высказывал это Врангелю; в войсках

его не любили.

Начальником штаба 1-го корпуса был генерал Достовалов — человек недалекий, страшно теряющийся, хвастливый и пронырливый, друг Коновалова; возместить в управлении войсками недостатки комкора он не мог.

Начальник Дроздовской дивизии — генерал Витковский, принявший 2-й корпус после моей отставки в августе месяце, был сколок с Кутепова и так же мало, как и он, смыслил в военном деле; я их обоих называл хорошими фельдфебелями.

Начальник штаба у Витковского, перешедший потом на штаб 2-го корпуса, — полковник Бредов (брат генерала Бредова, отошедшего в Польшу при разгроме одесских войск), мой товарищ по Финляндскому полку, на 3 года старше меня и в полку и по академии, человек очень недалекий, как говорят, «зубрила», строя никогда не знал, войны — тоже, потому что уже в 1915 г. угодил в плен, где и просидел до 1919 г., тоже совершенно не был способен заменить своего начальника.

Командир конного корпуса Барбович — человек очень симпатичный, но мало знающий. Лично храбрый и хорошо бы командовал эскадроном и даже полком, но дальше никуда не годился. К этой характеристике совершенно подходил и командир 3-го корпуса Писарев.

Атаманом Донского войска был Богаевский, очень милый собеседник, хороший кабинетный работник, но без всякого знания строя и без всякой воли. Возмутительный процесс Сидорина не встретил с его стороны отпора только благодаря его слабохарактерности. Вообще «милый человек» и никуда не годный атаман.

Абрамова и Калинина знаю очень мало. Во всяком случае, Абрамов со всеми соглашался, ни с кем не спорил и всегда соглашался с начальством. Калинин и Морозов были очень энергичными офицерами и продуктивными работниками, хотя и с большой хитрецой.

Относительно кубанских атаманов сказать ничего не могу: они сменялись, как перчатки, и играли ничтожную роль. Так же незаметна была роль Терского войска.

Начальником моего штаба после ухода в апреле на бригаду Дубяго был полковник Фролов, человек честный и знающий. Он во время защиты Крыма был преподавателем тактики в Константиновском военном училище и с вызовом училища на фронт предложил свои услуги для работы в штабе, где и ведал оперативным отделением, образовавшимся поневоле, так как хотя корпус не был отдельным, но фактически им стал, и офицеры Генштаба училища заполнили нештатно недостающие должности.

Ввиду постоянных поездок Дубяго в тыл по гражданским делам и его длительного там пребывания он его заменял во все время обороны.

ГЛАВА XVI
Наступление в Северную Таврию

Наступление в Северную Таврию было назначено на 8 июня, т. е. на сутки позже начала моего десанта, так как имелось в виду, что на переброску целого корпуса с тылами, хотя бы и маленького состава, потребуется много времени. Всего должно было быть высажено на берег до 10 тысяч человек (конечно, считая и обозных всех видов). Ведь первое время корпусу надо было рассчитывать только на себя, и только занятие железной дороги, лежавшей в 70 верстах от места десанта, и ее исправление после отхода противника давали возможность получать довольствие из Крыма сухим путем. При слабой технике ВСЮР эта десантная операция с отрезанным у Керченского пролива тылом являлась, конечно, операцией крайне рискованной даже с точки зрения устройства базы, уже не говоря про сторону военную; все рисковало быть сброшенным в море.

Предвидя, что с наступлением придется иметь дело с населением вновь занятых районов, и желая хоть немного уменьшить возможность грабежей, я настоял на введении института начальников гражданских частей при корпусах. Я основывался на том, что, производя незаконные реквизиции у населения, войсковые начальники не давали населению ничего и все недочеты потом, даже в случае их обнаружения, объяснялись боевой обстановкой — невозможностью вести гладко и военные операции, и гражданскую часть. Поэтому я настаивал на учреждении начальников гражданских частей при корпусах с целым штатом агентов, рассылаемых к дивизиям и полкам, на обязанности которых и лежало организовать все гражданское управление до перехода района в ведение правительства. В их функции, конечно, входили и реквизиции всех видов, и их оплата, и узаконение. Таким образом, у военных властей не было отговорки, что они не грабили, а только недосмотрели, делая свое прямое дело. Надо сказать, что этот институт привился только в моем корпусе и начальник гражданской части Михайлов был все время при мне, а его подчиненные — при частях; в других же корпусах начальников гражданских частей держали в тылу и их агентов к частям не пускали. Зато во 2-м (Крымском) корпусе грабежи были как исключение, а в других корпусах — как правило. С моим уходом в августе месяце в отставку этот институт был упразднен.

Как я указал в предыдущей главе, 5 июня суда с десантом

вышли из Феодосии. Движение было очень медленно вследствие плохого состояния котлов и вследствие того, что у каждого транспорта была на буксире баржа. С большим трудом ночью суда с десантом, потушив огни и застопорив машины, проходили против течения в 1 ½ верстах от таманского берега. 6 июня вся эскадра собралась вне видимости берегов в Азовском море, где уже были вскрыты пакеты № 2 и стало известно, что десант будет у Кирилловки, куда и двинулась эскадра.

Шторм затянул высадку до 8 июня, причем артиллерию приходилось вылавливать из воды. Лошадей совершенно укачало, и они едва двигались. В первую голову я высадил конную бригаду генерала Шифнер-Маркевича в составе 8-го кавалерийского полка полковника Мезерницкого и Кубанской бригады с конной батареей, сформированной при 8-м кав. полку. Эти силы, переночевав в Кирилловке, 8-го смогли двинуться в направлении на станцию Акимовка, и вслед за ними можно было послать только одну бригаду пехоты на повозках (около 1500 штыков); больше подвод не было. Артиллерия задержалась с выгрузкой, лошади не шли, а надо было торопиться, потому что в данном случае только неожиданность нападения была хороша. И я бросил высаживающиеся войска и поехал с авангардом.

К вечеру красные задержали конницу у деревни Родионовка, но были сбиты, и на плечах отступавших была занята Родионовка; пленные оказались местных и всяких комендантских команд. Из тыловых учреждений с невероятным трудом и двойной сменой лошадей я тащил с собой только радио.

Части 3-го корпуса Писарева заняли Ново-Алексесвку, а 1-й Кутепова — Чаплинку.

Моя разведка доносила, что противником подвозятся силы на ст. Акимовка и двинута пехота (какая — неизвестно) из Мелитополя вдоль реки Молочной на Родионовку. Я под вечер осмотрел местность у реки Молочной, убедился в ее непригодности для действия крупных сил, оставил на переправах батальон и на рассвете 9-го двинулся на Акимовку. В районе Владимировки цепи красных отбросили конницу Шифнер-Маркевича, его стрелковые эскадроны тоже ничего не могли поделать, посланная мною пехота тоже залегла. К 12 часам мой авангард лежал, уткнувшись носом в землю.

8-й кав. полк я собрал к себе в резерв. За вечер 8-го красные на фронте 1-го и 3-го корпусов были крайне активны. Кутепов еле удержал Чаплинку. У Писарева ночью атакована была Чеченская дивизия и со штабом и самим Ревишиным попала в плен. Ново-Алексеевка была потеряна, успех красных грозил распространиться на 1-й корпус Кутепова.

Я решил произвести новую атаку, не дожидаясь подхода главных сил, и опять обставить ее музыкой и личным присутствием.

К 14 часам красные сдали под атакой 8-го кав. полка деревню Владимировку; бедным трубачам пришлось расположиться между красными и белыми, чтобы иметь возможность играть; потом, конечно, они следовали сзади шагом. Командир 8-го полка полковник Мезерницкий занял окопы; оттуда потянулась колонна пленных, остальные бежали. Пленные были исключительно мелитопольского гарнизона и маршевых пополнений.

Но дальнейшая дорога на Акимовку была преграждена вновь прибывшими частями и, главное, бронепоездами, там же поднималась «колбаса», корректировавшая меткий огонь артиллерии этих поездов. Опять произошла заминка.

Чувствовалось, что у красных крупных сил нет, но сосредоточены бронепоезда, к одному из которых привязан аэростат, и это давало им возможность сильно вредить белым, у которых силы тоже были ничтожны, а артиллерии всего 4 орудия. Эти 4 орудия подверглись особой обработке с красных бронепоездов, которые благодаря своей «колбасе» видели все, сами оставаясь невидимыми для белых. Все это привело к тому, что к 16 часам белые цепи опять лежали, а из 4 орудий было подбито в короткий срок 3. Сняться с места батарея не имела никакой возможности — и замолчала. Пришлось приехать самому на батарею и приказать оставшемуся орудию стрелять прямо и исключительно по «колбасе». Конечно, это была трудная задача, потому что красные бронепоезда двигались и засыпали место расположения артиллерии своими снарядами. Случайно третий же снаряд единственного орудия разорвался прямо в злополучной «колбасе», которая при общем «ура» фронта быстро стала падать; было видно, как из корзины отделились две точки на парашютах. Немедленно начатая атака с охватом северного фланга заставила красных очистить станцию Акимовка.

Моральный успех с падением «колбасы» определенно перешел на сторону моего авангарда, и красные сопротивлялись слабо. Несмотря на сильную перепалку этого дня, потери были ничтожны; так действуют морально разжиженные группы передовых частей и сосредоточенные удары крупных резервов.

С падением Акимовки красные против 3-го корпуса сопротивляться не могли и начали отход в направлении на Каховку. Моими частями было отрезано и захвачено почти в полной исправности 3 бронепоезда.

Предстояло наступление на Мелитополь, но оно не должно было представить больших трудностей, потому что дух левого

(восточного) фланга Красной армии был безусловно подорван и питание нарушено. Сопротивление теперь ими оказывалось 1-му корпусу Кутепова, который, потеряв Чаплинку, занял ее опять, но дальше продвинуться не мог.

10 июня с подходом к Родионовке частей главных сил они были направлены прямо через реку Молочную на Мелитополь: бригада 34-й дивизии и 8-й кав. полк — через Акимовку на Ссрогозы, чтобы заставить красных, расположенных против Кутепова, отойти, а остальная конница, пешие эскадроны 8-го кав. полка и кубанцы Шифнер-Маркевича — вдоль железной дороги на Мелитополь.

У Степановки в это время шли бои маленького моего заслона (около 100 штыков) с силами красных, брошенными от Мелитополя, но эта демонстрация красных была крайне неудачна, потому что эти силы не могли рассчитывать на успех ввиду наличия флота, обстреливавшего Степановку и косу по направлению к Кирилловне фланговым огнем своих орудий. Это давление не могло оказать никакого влияния на мое наступление, тем более что я уже выходил на железную дорогу, и только раздробляло силы красных.

Надо отметить, что за все время десантной операции, до взятия моим корпусом Серогоз и Мелитополя, управления Врангелем не было никакого; все делалось по моему почину, и, несмотря на наличие радио и аэропланов, приказов и содействия от Врангеля не поступало. Прилетевший 9-го в Ефремовку на аэроплане Коновалов передал только те панические сведения о неудачах 1-го и 3-го корпусов, о которых я говорил выше, и — никаких указаний. В этом бою опять сказалось неумение его и его штаба вести операцию на широком фронте.

На Мелитопольском направлении красные не могли оказать серьезного сопротивления — их левый (восточный) фланг пострадал благодаря обходу с тыла и только часть его успела отойти к северу. Главные же массы 13-й Красной Армии отходили на Каховку, потеряв свою мелитопольскую базу. Отряд, двигавшийся на Серогозы, захватывал хозяйственные части стоявших на фронте частей. Под давлением этих событий принуждены были начать отход и красные части, действовавшие на Перекопском направлении, — все потянулись на Каховку.

Главные силы корпуса заняли Мелитополь почти со всеми складами красных, которые те не успели вывезти. Но при занятии Мелитополя был обнаружен подвоз красных сил на станцию Федоровку. Начались упорные бои, причем красные действовали со стороны Ново-Николаевки в направлении на станцию Тащенак, а со стороны Федоровки — на станцию и город Мелитополь.

Фронт корпуса принял подковообразную форму. Несмотря на все мои старания, ряд встречных ударов привел мои части на всех направлениях к оборонительному положению, которое не кончилось катастрофой только благодаря подъему духа войск, вызванному предыдущими крупными успехами и мелкими потерями. Действительно, вся десантная операция вместе с боем под Акимовкой и взятием Мелитополя обошлась корпусу в 40 с небольшим человек убитыми и ранеными. Таким образом поддерживалась вера моих частей и меня в окончательный успех боя.

Пришлось срочно вызвать 8-й кав. полк и бригаду 34-й дивизии из Серогоз, назначив им движение на Ново-Николаевку. Этот маневр не позволил красным занять станцию Тащенак, 3-й корпус действовал крайне медленно и никак не поспевал на помощь. Между тем упорное введение свежих частей красными грозило сломить сопротивление корпуса, который вел оборону Мелитополя уже более 3 дней. Наконец, удалось добиться от Врангеля назначения Дроздовской дивизии, сменившей мои части в Серогозах, для движения из Серогоз на станцию Федоровка. Это движение решило участь боя: красные поспешно стали отходить на Большой Токмак. Участь Северной Таврии была решена.

Части Врангеля расположились следующим образом: на Мариупольском направлении — донцы, на Пологском — 2-й (Крымский) армейский, на направлении Александровском — 3-й армейский, на Каховском и Херсонском — 1-й (Добровольческий) армейский корпуса; Дроздовская дивизия была у станции Федоровки. В районе Серогоз стоял конный корпус Барбовича. Частям приказано было производить мобилизацию населения и тут же ставить мобилизованных в строй — конечно, способ комплектования довольно странный, причем для 2-го корпуса был отведен район исключительно в боевой полосе.

Кроме того, приказано продвигаться в направлении на Пологи. Под давлением моих частей пал Большой Токмак. Тут же произошел довольно оригинальный разговор с Врангелем после его замечания о грабежах, в которых обвиняли все корпуса, кроме 2-го, о чем я говорил выше. Я заговорил с ним о боевых наградах чинов своего корпуса. Этот разговор он прервал словами: «Ну, что говорить о наградах! Ведь у вас потери ничтожны; вот у 1-го и 3-го корпусов большие потери, а о вашем корпусе и говорить не приходится». Мне оставалось только ответить, что свой командный состав за большие потери в частях я караю, а если большие потери являются не случайным, а постоянным явлением, то отчисляю лиц командного состава от должности за неумение водить войска в бой. Победа должна достигаться «малой кровью»,

для этого мы и получаем военное образование.

Этот оригинальный, чтобы не сказать — преступный, взгляд на большие потери частей как на доказательство их доблести глубоко укоренился у нас еще в старой армии. С таким взглядом необходимо бороться, и постоянные (подчеркиваю, что не случайные, которые всегда возможны, в особенности при современной технике) большие потери должны свидетельствовать о неумении начальника водить войска, т. е. о его непригодности к занимаемой должности. Чем выше занимает должность начальник, тем ему, конечно, труднее оберегать свои войска от потерь, но все же в этом направлении он влиять может соответствующей основным принципам военного искусства группировкой своих сил и воспитанием своих подчиненных командиров.

Таким образом, армия Врангеля, не имея достаточно ресурсов для пополнения, веерообразно расходилась по Северной Таврии в убеждении, что потери есть доказательство доблестного и заслуживающего награды боя.

Чего хотел достигнуть Врангель своим веерообразным расположением, какова была основная идея плана его операции, я понять не могу. Расположение войск веером одинаково не годилось ни для наступления, ни для обороны, ни для давления на противника с целью заключения мира.

На правом берегу Днепра происходит восстание кулаков, для подавления которого красным приходилось выделять войска. Восставшие целыми рядами занимали днепровские плавни и просили у Врангеля помощи.

Врангель ее не дал — чем он руководствовался? Остается предположить, что он начал какие-то секретные переговоры с поляками или получил от своих хозяев-французов директиву не вступать в назначенную полякам Украину.

Если я был безграмотен политически, то в некоторых военных знаниях мне отказать было нельзя, и я настойчиво указывал Врангелю, что нам нечего делать в Донецком бассейне, а если мы боремся за идею родины, то должны идти туда, где население недовольно красной властью и поднимает против неё восстание. Но Врангель старался затянуть вопрос, а в это время началась атака Жлобы.

Мой корпус, сильно растаявший от болезней, насчитывал в это время около 4000 штыков и 300 сабель (бригада Шифнера-Маркевича вышла из его состава) и находился на Пологском направлении к востоку от Большого Токмака. Удар Жлобы пришелся южнее моего участка; он быстрым маршем направился на Мелитополь, части донцов его задержать не могли. План,

задуманный красным командованием, мог привести при умелом его выполнении к крушению всего белого фронта, в особенности принимая во внимание растерянность, проявленную Ставкой в этот момент.

Растянутое положение армии Врангеля ставило все его корпуса в тяжелое положение и при желании отойти к перешейкам заставило бы их бежать вперегонки с красными, только те наступали бы, а белые бежали. Произошло бы как раз то, что заставило меня в конце 1919 г. отказаться от защиты Северной Таврии, о чем я писал в 1-й главе.

Определив прорыв красной конницы, нечего было и думать об отступлении, а надо было наличными силами ударить по пехоте красных, чтобы не дать ей возможности развить успех конницы.

Несмотря на ясность этого положения, Ставка послала против Жлобы только 11 аэропланов с целью расстроить и задержать его движение, а мне приказала спешно отходить на Мелитополь. С этим меня вызвал по аппарату генерал-квартирмейстер Ставки Коновалов. Он информировал меня об обстановке и спросил, что я думаю делать. «Ну, что же, — ответил я, — буду продолжать движение на Пологи». — «Но ведь Жлоба займет Мелитополь и отрежет вам тыл». — «Но ведь бежать пехоте наперегонки с конницей нет смысла, лучше не дать поддержать красным конницу своей пехотой. Жлоба — на Мелитополь, а я — на Пологи. Мелитополь нам надо прикрыть частями резерва Кутепова, а за Жлобой послать конницу — в первую голову донцов, которые имеют перед собой незначительные силы противника и находятся ближе всего к Жлобе. Кроме того, я направляю все свои бронепоезда (4) на Токмакский путь и подкреплю их пехотой из 13-й дивизии и таким образом забаррикадирую Жлобу с севера. Токмакская железная дорога проходит по очень высоким насыпям, и коннице там будет действовать трудно». Все же Коновалов настаивал на моем отходе и с этим пошел будить Врангеля (было еще 6 часов утра по переставленным на 2 часа вперед часам).

Единственный раз, кажется, Врангель не послушался Коновалова и согласился со мною, приказав продолжать операцию. Остальное доделал сам Жлоба.

Вместо того чтобы стремительно идти на Мелитополь, где стоял и поезд Врангеля, и там прервать всякую связь между разбросанными частями белых, он остановился (видимо, дал дневку); потом стал двигаться крайне медленно и при первом нажиме со стороны донцов, которые были двинуты под командой генерала Калинина в количестве двух дивизий, повернул к ним.

Охранением он пренебрегал совершенно, что привело к неожиданному для него и белых подходу дивизии Морозова (бывшего в Крыму) ему в тыл (с востока).

От Мелитополя его потеснила Дроздовская дивизия, которая благодаря его медлительности успела прибыть; с юга теснил Калинин, с востока прошел Морозов. Тогда Жлоба бросился к северу и наткнулся на высокие насыпи Токмакской железной дороги с 4 бронепоездами и частями 13-й пехотной дивизии. Только около 1000 сабель со Жлобой вернулось к красным. Донцы получили около 5000 коней с седлами — длинные колонны пленных потянулись на Мелитополь. 34-я дивизия ликвидировала попытки красных помочь своему конному корпусу.

Так закончилась эта блестяще задуманная и плохо выполненная операция красных, которая при успехе и настойчивости могла привести к полному разгрому Врангеля. Во всяком случае, Ставку эта операция напугала до полной растерянности. По примеру прежних боев управления не было никакого: части шли сами по себе, разыскивая Жлобу; неспособность последнего и энергия Калинина и Морозова привели к гибели почти всего корпуса.

Мои трения с Врангелем продолжались, дело дошло до упрека с моей стороны, что, кажется, мы начинаем плясать под дудку французов, а подняли мы восстание против Советской власти как против власти, поставленной немцами. Чем немцы хуже французов? Врангель промолчал и стал уверять, что наше движение на Донецкий бассейн приближает нас к Дону, который к нам присоединится. С тем, что на Дону нет ни оружия, ни людей, способных драться, что часть донцов у нас, а другая выведена красными по мобилизации, он не соглашался. Во всяком случае, мой корпус был снят с этого направления и переброшен на Днепр (от района Никополя до устья Днепра). На Александровско-Пологском фронте стал корпус Кутепова. Мне же была подчинена Горская (Туземная) бригада, стоявшая от Водяное — Знаменка до Лепетихи. Это было 16 июля 1920 г.

ГЛАВА XVII
Первое наступление красных на фронте Каховка — Алешки. 7—15 августа 1920 г

Моему корпусу, расположенному на Днепре, предстояла трудная задача прикрывать Северную Таврию на фронте 200 верст, и если прибавить, что мне же приходилось отвечать и за участок Туземной бригады, то надо прибавить еще 70 верст.

В корпусе в это время, за неполучением ни одного солдата пополнения, было около 3500 штыков, и в 8-м кав. полку — 425 шашек; кроме того, в Туземной бригаде было около 1500 шашек. Участки были разбиты между дивизиями: от Большой Лепетихи до Британы исключительно — бригада 13-й; от Британы включительно до устья — бригада 34-й дивизии; общий резерв: бригада 13-й дивизии — Дмитриевка; бригада 34-й дивизии — Большие Маячки, 8-й кав. полк — Чаплинка, Штакор — Чаплинка (хутор Балтазаровка). Расположение Туземной бригады я не менял, и хотя сил этой бригады и было много для пассивного участка, но их боеспособность требовала такого расположения; кроме того, я не хотел смешивать свои части с этими грабителями[16].

Вначале положение было сравнительно спокойно: на правом берегу Днепра шли восстания, плавни были полны партизанами.

Я стал снабжать их оружием и разработал план перебросить на правый берег Днепра и занять местность между Бугом и Днепром до параллели Вознесенска. Дело в том, что красные спешно подвозили войска, — читатель уже знает, как я скептически относился к обороне Северной Таврии, — между тем, если воспользоваться недовольством хуторян красными, перебросить на правый берег Днепра, вооружить повстанцев и занять линию Николаев — Херсон— Берславль, то силы корпуса утроились бы.

Ландауский район у Вознесенска стал бы бурлить в свою очередь и обеспечил бы корпус от нападения красных. Кроме того, корпус приблизился бы к махновскому району, который непосредственно пришелся бы в тылу 13-й Красной Армии и не дал бы ей возможности наступать. Подкреплений для такой операции мне не требовалось — нужен был только прорыв флота мимо Очакова, который вполне возможен и был проделан уже капитаном 1-го ранга Бубновым в августе 1919 г. Надо было во чтобы то ни стало предупредить сосредоточение красных, иначе всему предприятию грозила возможность крушения. Я указывал

Врангелю, что это поможет мирным переговорам. Врангель мне ответил, что он никаких мирных переговоров не ведет и вести не собирается и что французы, признавшие нас de jure, против этого. Операции же должны развиваться в сторону, прежде определенную, т. е. в сторону Дона и Кубани. Мне же рекомендуется меньше заниматься политикой, а пополнить свой корпус беженцами из Украины и мобилизацией местного населения.

На это я ответил, что повстанцев очень трудно оторвать от их хуторов для борьбы за неизвестные им цели.

Мне самому борьба становится неясной, раз мы предаем сочувствующие нам элементы и идем куда-то по указке французов и все время пляшем под их дудку. Я должен еще раз напомнить о целях нашей борьбы против Советской власти (мой разговор с Врангелем перед сменой с Пологского направления). Пополнить свой корпус мобилизацией местного населения не могу, потому что оно было мобилизовано 1-м корпусом. Поэтому прошу прислать мне комплектования из других районов, потому что у меня всего 3500 штыков, тогда как в 1-м корпусе около 30 000. На это я получил телеграмму за подписью Коновалова, что главком повторяет свою просьбу не вмешиваться в политику и не посылать подобных телеграмм, в особенности в незашифрованном виде. В последнем замечании главком был прав; я, продиктовав телеграмму, не знал, что дежурный адъютант не отнес ее в штаб для зашифровки, а прямо снес на телеграф. Но остальное меня поразило. Правда, раньше чинам армии говорили, что борьба продолжается, приходилось это говорить и мне, но все же переговоры с англичанами были, и Врангель собирался сам вести их с большевиками. Тут же уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. французов, которые теперь вместо немцев желают овладеть «отечеством». Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе.

Был конец июля; я собирался было подать в отставку, но на фронте назревал бой, в результате которого вся белая армия могла быть сброшена в море или отрезана от перешейков. Штаб Деникина понял не сразу, а Врангель теперь никак понять не хотел, что прорыв в Северную Таврию грозит гибелью всей армии. И я решил подать рапорт об отставке после боя, а теперь донес Врангелю, что после окончания назревающего боя прошу разрешения приехать к нему для доклада по очень важному вопросу. Ответа не было, и думать о чем-нибудь другом, кроме фронта, не приходилось.

Против моего участка красные собрали (Красная артиллерия. 1922. № 1) 15-ю стрелковую, Латвийскую, 51-ю и 52-ю стрелковые дивизии. Как известно, тогдашние красные дивизии были девятиполкового состава и, кроме того, имели не менее полка конницы. Слабее всех числом были Латвийская и 52-я дивизия, но и у них полки были 300-штыкового состава, т. е. вроде моих, но зато полков было 18, а с 15-й и 51-й дивизиями — 36, а у меня их было 8. 15-я дивизия была очень крупного состава и насчитывала более 10 000 штыков, но состояла из малообученных людей. 51-я дивизия занимала среднее место между 15-й и 52-й дивизиями. Всего насчитывалось у красных от 20 до 25 тысяч штыков (сведения эти потом подтвердились) с 80—120 орудиями, из которых много, приблизительно 20–30, было тяжелых; были указания на наличие больших бронесил (но потом в бою пришлось видеть только 5 машин), у меня же был всего один пулеметный автоброневик. Как потом подтвердилось, красные действительно сосредоточили Латвийскую, 15-ю, 51-ю, 52-ю дивизии в указанном выше составе при 100 орудиях — из которых ¼ были тяжелые — с 5-м, 15-м, 22-м, 24-м бронеотрядами. Конницы было от 1000 до 2000 шашек.

Всему этому я мог противопоставить 13-ю и 34-ю пехотную дивизии четырехполкового состава, всего около 3500 штыков, 8-й кав. полк с Туземной бригадой — около 2000 шашек при 38 легких, 4 конных и 2 тяжелых орудиях и одном автоброневике. Ясно было, что этими силами на такой местности, как Северная Таврия, справиться с красными было невозможно.

В тыл, в район Перекопа, подвозилось около 3000 человек Бредовского отряда, прибывавшего из Польши, но они, во-первых, еще не прибыли полностью, во-вторых, были совершено деморализованы и могли принять участие только в бегстве — обстановка в действительности не позволила ввести их в бой. С тылу же должны были прибыть комплектования из пленных красных, захваченных в предыдущих боях, всего около 3000, но они еще только выступали и к бою не прибыли. У Серогоз по моей просьбе должен был стоять конный корпус генерала Барбовича, около 6000 шашек и 1000 штыков пеших эскадронов. Это был резерв главкома, и на него я питал надежды.

Местность предстоящего боя была в кратких чертах следующая: район с запада и севера прикрывался Днепром, имеющим много плавней и притоков. Левый берег Днепра ровен, как стол, покрыт отдельными деревнями и хуторами. Участок Каховка — Чалбаса, Большие Маячки — Корсунский Монастырь удобопроходим всюду. Район Казачьи Лагери — Алешки и Голая Пристань — Чалбасы перемешан песками и болотами,

затрудняющими движение крупных масс. Правый, красный берег командует над белым, левым своей высотой, в особенности в районе Каховки, совершенно закрывая то, что делается там, и позволяя наблюдать цепям красных все, что делается у белых даже в глубоких тылах. Таким образом, артиллерия красных будет иметь ряд великолепных позиций и наблюдательных пунктов, белые же — никаких. У Каховки, Корсунского Монастыря, Казачьих Лагерей, Алешек берег красных охватывает полукругом, позволяя развить перекрестный огонь артиллерии и, следовательно, отогнать охраняющие части и произвести переправу. К северу от Каховки местность у Днепра с большими плавнями и массою протоков не сулила успеха переправе крупных сил.

Таким образом, условия местности указывают на более вероятную и успешную переправу красных у Каховки и Британы — Корсунский Монастырь. На остальном участке можно было ожидать главным образом демонстративных переправ.

Кроме того, участок севернее Каховки не выводил быстро в опасные для белых направления, а из района Казачьи Лагери — Алешки движение должно было быть затруднено песками и болотами; конечно, все эти соображения надо было все время корректировать разведкой летчиков о сосредоточении красных сил. Таким образом, я пришел к заключению, что вероятнейшим операционным направлением красных будет из района Каховка — Корсунский Монастырь в направлении на Перекоп с заслоном против Мелитополя или с заслоном против Перекопа на Салькoво. Остальные направления, как я уже сказал, длительны, и если красные изберут их, то я всегда буду иметь время перегруппировать свои силы; пока же стал ждать оттуда только демонстрации, проверяя свои предположения летчиками.

Мною был составлен следующий план защиты днепровского района, представленный Врангелю 21 июля — 3 августа 1920 г., № 732 с.

План защиты днепровского района

1) Противник превосходит в 6–7 раз своей пехотой, вдвое легкой артиллерией, имеет тяжелую и автомашины и равен в коннице.

2) Берег противника выше нашего, и мы стоим на низкой открытой равнине, так что условия местности на его стороне и в смысле расположения, и в смысле наблюдательных пунктов. Места, удобные для переправ: Каховка, Корейский Монастырь,

Казачьи Лагери, Алешки. От первых двух пунктов грунт благоприятствует движению к Сивашам, от двух последних песок и болото делают его длительным. Группировка противника должна проверяться летчиками.

3) Защита нами переправ не сулит никаких успехов, но зато огромные потери, артиллерия наша будет забита и вряд ли даже сможет сняться с позиций. Бороться с артиллерией противника благодаря высоте его берега и отсутствию тяжелой артиллерии у нас мы не можем.

4) Перетаскивание арт и всех технических средств на наш берег для противника затруднительно: отойдя на 10–15 верст от берега к нам, он хотя по местности окажется в равных с нами условиях, но питание его затруднится.

5) Стоять против переправ у нас не хватает сил — мы всюду будем слабы, следовательно, главным силам надо отойти.

6) Одними силами корпуса справиться почти невозможно, и поэтому я прошу у Вашего высокопревосходительства подчинения мне корпуса генерала Барбовича. На случай вашего согласия я решил:

а) Держать на фронте даже не охранение, а отдельные посты наблюдения, посылая все время летчиков для определения сосредоточения сил противника и части удальцов отрядами около 100 штыков под командой лично мне известных офицеров для поимки контрольных пленных.

б) Главные силы под напором противника отводятся на Чаплинку через Черную Долину и Большие Маячки, все время демонстрируя упорное сопротивление, но ближе 1000 шагов не сцепляясь. За всеми остальными направлениями только наблюдать и задерживать там противника мелкими частями.

в) Если противник пойдет в направлении на Сальково, его атакует Барбович от Серогоз, а я от Чаплинки, даже если он поставит заслон (летчики мне донесут о его движении). Если он пойдет на Перекоп, что я считаю менее вероятным, так как думаю, что он погонится за живой силой нашей армии, а Перекоп он всегда успеет занять от Алешек, то его атакует в тыл Барбович от Серогоз, а я с фронта от Чаплинки. На первый случай на Перекопе надо держать находящиеся там части и подвести по желдороге с тылу.

г) Для свободы моего маневра прошу о немедленном возврате мне моей автогрузовой колонны в 24 машины для установления запасной линии питания: Сальково — Громовка-Аскания-Нова — Черная Долина.

Прошу срочного ответа.

Приложение: Описание местности и состава корпуса и

противника.

Для передачи этого плана был снаряжен личный адъютант сотник Карнаков на штабном автомобиле, назначенном в мое личное распоряжение, чтобы не дожидаться поезда в Юшуне.

Он прибыл в Севастополь ночью, пакет «Секретно. В собственные руки главкому» через Генштаба полковника Шкеленко был передан Врангелю. На рассвете 4 августа я получил телеграмму за подписью Шкеленко: «№ 732 с — главком утвердил». Прошло 4-е число, и утром 5-го я получил телеграмму за подписью Карнакова (моего адъютанта): «Автомобиль задержан в Севастополе штабом главкома за непроизводительную трату бензина по переезду из Чаплинки в Севастополь». Я немедленно вызвал к аппарату Шатилова, его не было, подошел Коновалов. Я ему передал телеграмму о задержке автомобиля. Он мне ответил, что это сделано по его распоряжению, потому что тратить бензин, столь дорогой, по таким пустякам не стоит, так как, по его мнению, красные вовсе не собираются наступать на Днепре. Что мне оставалось делать? Я передал следующую телеграмму в собственные руки главкома: «Главкому: автомобиль, отвозивший вам № 732 с, задержан в тылу вашим генквартом. Если я что-нибудь делаю неправильно, то прошу взыскать с меня, а не лишать личным распоряжением вашего штаба чинов моего корпуса необходимейшего средства связи. Слащов». Очень быстро я получил телеграмму от Карнакова, что он выехал. Я рисую всю эту картину с планом обороны Днепра для выяснения всех трений, которые произошли потом. Автомобиль только-только вернулся к началу боев, в начало которых Ставка в лице Коновалова не верила.

План № 732 с после телеграммы Шкеленко о его утверждении также секретно через адъютантов был разослан в дивизии и командиру 8-го кав. полка; в Туземную бригаду он не посылался: во-первых, потому, что ее направления это мало касалось, во-вторых, потому, что на нее мало можно было рассчитывать, в-третьих, потому, что начальника ее штаба я не знал, в-четвертых, потому, что личной инициативы от нее нечего было ожидать, и, в-пятых, ввиду всего сказанного она знанием плана не могла принести пользы его развитию, а небрежным к тайне отношением вред принести могла. Ей было только указано иметь в виду возможность выделения до 4 сотен в резерв в район Дмитриевки. Командиром 8-го полка был полковник Мезерницкий, бывший начальник моего конвоя, работавший со мной еще на Кубани, человек крайне энергичный, лично храбрый и исполнительный; если он взялся за определенную задачу,

можно было быть спокойным, что он ее выполнит в назначенном духе. Он также хорошо работал штабс-капитаном на Кавказе, есаулом (капитаном), начальником конвоя и командиром кав. полка во время Врангеля, хотя волнения и сомнения у него возбуждались те же, что у меня. Мы с ним много говорили и одновременно ушли со службы. Начальником 34-й дивизии был Генерал-лейтенант Теплов, человек пожилой, которого я знал еще с мирного времени. Он был генерал-майором, когда я еще был поручиком, и командовал с 1912 г. Финляндским полком, из которого я ушел в Академию Генштаба. Переубеждать его в чем-нибудь было бы уже поздно, но в его исполнительности моих предначертаний, несмотря на мои 34 года, можно было быть уверенным. Его же лет был генерал Андгуладзе, начальник 13-й дивизии, командовавший дивизией еще в старой армии, человек, не хватавший звезд с неба, но упорный, храбрый и честный, — ни предательства, ни паники, ни интриг от этих людей ожидать в тот момент было нельзя, а исполнительности и веры в благоприятный исход — полностью. Это крайне важно, в особенности в серьезные моменты. В большинстве случаев разбит раньше всего бывает начальник, и дело его — всех сохранить от нравственного поражения.

Теперь я прошу читателя стать на мое место. Ему известно, как покачнулась моя идеология, он знает, как я не верил в лиц, стоявших во главе белых, — судьба послала мне еще испытание. В войсках появилась дизентерия, и я тоже заболел ею. Что могло выручить в этом случае? Только сознание долга не перед идеей, не перед родиной, а перед постом, который занимаешь, и связанной с этим ответственностью за жизни, вверенные в данную минуту. Вот почему я не ушел в данный момент.

Согласно плану операции, на боевых участках сосредоточены бригады 13-й дивизии в Черной Долине, имея на своем участке лишь посты, но с поддержкой отдельных орудий, и 34-й дивизии в Больших Маячках в том же порядке, выбросив в район Алешек 134-й Феодосийский полк численностью около 300 штыков с 4 орудиями, назначенный для демонстрирования на этом направлении; таким образом, почти все боеспособные силы были собраны на участке Черная Долина — Большие Маячки, имея впереди отдельные орудийные взводы и части, отдельный отряд у Алешек, 8-й кав. полк в Чаплинке. Туземной бригаде было приказано передвинуть 3 сотни в Дмитриевку, остальные ее части оставались на назначенном им фронте.

Вопреки мнению Ставки, в ночь с 6 на 7 августа красные одновременно начали переправу у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешек. Задача красным частям была

формулирована приказом по 13-й Красной Армии (узнал уже позже) следующим образом: «Форсирование Днепра, разгром живой силы противника, оказание поддержки левобережной группе, закрытие проходов противнику обратно в Крым».

Воздушной разведкой выяснилось наутро, что наибольшее скопление красных и сосредоточение плавучих средств — у Корсунского Монастыря (15-я стрелковая дивизия). Около 14 часов закончилось исправление моста у Каховки, к 17 часам переправилось до 2000 человек красной пехоты с артиллерией и броневиками и началось наступление на фронте Любимовка — Терны, к 18 часам Терны уже были заняты красными.

Настроение белых было неважно, я сам к тому же еще хворал.

Красные двигались крайне осторожно, видимо, опасаясь западни, подобно бывшим раньше в Крыму, и дали моему корпусу сконцентрироваться в районе Чаплинки, несмотря на то что части и их начальники нервничали и управление несколько раз вырывалось у меня из рук. К 11 августа план наступления красных выяснился во всех подробностях и конница Барбовича должна была произвести свой маневр.

Момент не был полностью использован: благодаря крайней неосмотрительности белых конница Барбовича выступила днем и заблаговременно была обнаружена красными аэропланами. Колонны красных спешно хлынули назад к переправам, а конница Барбовича с разрешения Врангеля еще оставалась на отдыхе 12 часов. Конница Барбовича Врангелем мне подчинена не была, несмотря на утверждение моего плана, и только после ее первых неудачных действий к моменту ее подхода к чаплинской дороге он подчинил мне ее на два дня. Благодаря всему этому ближайшая к коннице Барбовича Каховская группа красных (52-я и Латышская дивизии), кроме одной 1-й Латышской бригады, форсированным маршем успела уйти из-под удара в Каховку, и весь удар белых обрушился на 1-ю Латышскую бригаду и на 15-ю стрелковую дивизию, в особенности на последнюю. Наступательный порыв красных был окончательно сломлен и не воскресал до октября месяца.

За 11–12 августа красные очистили, частью после боя, а частью и без него, всю занятую площадь на левом берегу Днепра, кроме Каховского плацдарма. Попытка 2-го корпуса овладеть этими укреплениями кончилась неудачей, и я категорически отказался от атак по причинам, мною указанным выше (устройство берега и возможность для красных овладеть Каховкой в любой момент). Врангель же вопреки утвержденному им самим плану категорически требовал взятия Каховского плацдарма. Я на это ответил, что посылать своих людей на убой не намерен.

Врангель обратился ко мне с резкой телеграммой, воспользовавшись которой я ответил рапортом об отставке (с 15 августа 1920 г.). Врангель замолчал и не давал ответа. Тогда утром 17 августа я опять обратился к нему по прямому проводу с указанием, что командовать корпусом не останусь. Наконец вечером 17-го, получив разрешение выехать в Севастополь, я немедленно уехал с фронта.

ГЛАВА XVIII
Крымская контрразведка

Чтобы более резко охарактеризовать период умирания белой армии еще при Деникине, а потом при Врангеле, надо сказать несколько слов о контрразведке. Очерк этот будет крайне неполный, потому что доступа во все тайники этого учреждения я не имел и потому могу нарисовать картину только отдельных эпизодов и главным образом деятельности контрразведки, состоявшей при 3-м (потом Крымском и 2-м) корпусе.

С моим прибытием в Крым туда же был прислан полковник Астраханцев, который был главным представителем контрразведки в Крыму; через него ко мне в Джанкой от штаба войск Новороссии (Шиллинга) был прислан чиновник Шаров с целым штатом служащих в качестве контрразведчика при корпусе. Сначала он подчинялся штабу главнокомандующего через полковника Астраханцева, а потом прямо Ставке. Ни начальнику моего штаба, ни даже мне он в подчинение не входил, и мы могли поручать ему только высылку определенных агентов к противнику и получать от него информацию о состоянии тыла. Этим его роль ограничивалась, пока в штабе корпуса находился официальный представитель штаба главнокомандующего полковник Нога. После того как последний послал свое донесение за № 6 от 12/25 марта, о котором я говорил выше, и был от должности отозван, секретная слежка за мной перешла к чиновнику Шарову; конечно, об этом я узнал только потом.

Кроме того, в Крыму была еще морская контрразведка. Кажется, в ней было больше порядка, но так как круг ее деятельности обнимал только приморские города, находившиеся далеко в тылу, то я о ней очень мало знал. Я узнал ее начальника только во время севастопольского «дела 14-ти», о котором говорилось выше. Вся сухопутная организация была в связи и подчинена полковнику Кирпичникову, находившемуся при Шиллинге, и через него начальнику контрразведки Ставки. Полковник Кирпичников, личность крайне темная, так же темно был убит за каким-то темным делом темными личностями из белых же. Полковник Астраханцев, личность тоже достаточно темная, в момент одесской эвакуации уехал из Крыма с казенными деньгами будто бы в Новороссийск с докладом, а на самом деле, скупив валюту, бежал за границу. Из всей милой компании оставался Шаров, который продолжал быть в фаворе и даже получил столь высокие полномочия, как слежка за

начальником обороны Крыма.

Очень скоро про джанкойскую контрразведку пошли слухи о провокациях, вымогательствах, исчезновении людей и просто грабежах. Не зная всей тонкости этого аппарата, я назначил ревизию шаровского учреждения. Но Шаров категорически против этого запротестовал, заявляя, что он корпусу не подчинен, а ревизия выдаст много важных секретов, которые он никому, кроме своего начальства (Ставка), открыть не может. В подтверждение его слов я получил из Ставки телеграмму с указанием не вмешиваться не в свои дела. Видимо, Шаров успел связаться по прямому проводу с кем-либо из ставочной контрразведки и Деникину сунули на подпись телеграмму. Не думаю, чтобы он сделал это сознательно.

В ответ на это я подал рапорт о подчинении Шарова мне; ответа не последовало. На телеграмму же последовал ответ, что содержание корпусных контрразведчиков будет слишком дорого. Выходило так, будто я просил учреждения лишней контрразведки, но суть вопроса заключалась в том, что Ставка считала необходимым содержать при корпусе контрразведку, не подчиненную ему. Кроме того, мне было указано, что если я шаровской контрразведкой недоволен, то должен сообщить его начальству. Я так и поступил. Ответ полковника Астраханцева гласил, что по сделанному им расследованию все слухи о злоупотреблениях оказались ложными и что, видимо, злоумышленники, сочувствующие красным, стараются оклеветать такого энергичного работника, как чиновник Шаров, чтобы отделаться от него.

Так личной ревизии я добиться не мог. Разрешено мне было только проверить суммы, отпускаемые штабом корпуса на посылку агентов в расположение красных. Мой начальник штаба Дубяго произвел по моему приказу эту ревизию, но что тут можно было проверить? По наряду корпуса отправлены №№ такие-то, им выдано столько-то в такой-то валюте, такие-то вернулись и дали в штаб такие-то сведения, а такие-то, «видимо, погибли у красных», а докажите — не подставные ли это лица. Такая ревизия, конечно, никакого результата дать не могла, и Шаров оказался чист.

В политические же дела Шарова ревизия корпуса доступа не имела. Корпус мог поручить ему работу, но что и как делается — составляло тайну чинов контрразведки, и сообщали они только то, что находили нужным.

Уже во время Врангеля Шаров пришел в штаб и предлагал купить у него кольцо — цена была баснословно дешевой, но и на эту сумму денег не нашлось. Тогда Шаров еще сбавил цену — видно было, что он обязательно хочет продать это кольцо. Это

мне показалось крайне подозрительным — точно краденое продает; так я об этом и заявил в штабе. Кольцо никем куплено не было.

Незадолго до десантной операции Шаров, сильно напившись, бродил по станции Джанкой и дебоширил.

Адъютант штаба корпуса капитан Калинин стал его урезонивать и сказал ему, что доложит мне, на это Шаров стал кричать: «Что мне ваш Слащов, я сам назначен за ним следить и сумею его скрутить». За это Калинин так ударил Шарова, что тот полетел под вагон. Случай принял огласку. Я донес об этом в Ставку и просил хоть теперь по этому случаю его убрать. Но Шарову все же удалось уехать в десантную операцию, и только после моего разговора в Мелитополе с Врангелем он был отозван с должности.

Дальнейшие события совершенно отвлекли мое внимание от Шарова. Только уже в Чаплинке я получил от Ставки запрос относительно моего мнения о Шарове. Я ответил, что это личность очень подозрительная и, по моему мнению, «мерзавец». Оказалось, что Шаров был наконец привлечен к ответственности за свои действия в Джанкое; поводом послужило то обстоятельство, что одна родственница Протопопова признала кольцо, бывшее у него, за кольцо казненного полковника Протопопова. Как я потом узнал, это было как раз то кольцо, которое Шаров усиленно навязывал мне или кому-нибудь из моих личных адъютантов.

Какая была бы радость для Врангеля и для всех моих остальных «друзей», если бы это кольцо оказалось у меня или у кого-нибудь из моих приближенных, но этой радости не суждено было осуществиться. Я вернусь к этому делу в следующей главе; тут же только отмечу: хорош был выбор контрразведчиков, из которых один убит по грязному делу своими, другой убегает за границу с казенными деньгами, а третий уличается в присвоении вещей казненного и потом сознается в ряде других преступлений по грабежам, вымогательству и убийству. И это тот, который получил столь важное и секретное поручение, как следить за начальником обороны Крыма! Умирающий строй всегда пользуется такими гадинами. Шарова же хотели использовать еще раз, и поэтому ему было дозволено жить в тюрьме на свой счет и имущество его не было тронуто.

ГЛАВА XIX
Период поражений и картины тыла

Как я указал в главе XVII, я выехал с фронта в Севастополь вечером 17 августа, т. е. только на третий день после своего телеграфного рапорта об отставке. Ехать мне пришлось три дня. В тылу было уже известно о моем уходе, и буржуазные слои населения, связывавшие свою судьбу с судьбой белой армии, заволновались. Волнение их было вызвано, конечно, не расположением ко мне, а страхом перед красными. Я играл роль «мавра», который еще не сделал своего дела, и потому мой уход был преждевременным.

Толпа остается толпой и судит по фактам. Новороссийскую и одесскую эвакуации помнили многие, удержание Крыма помнили все, и, естественно, толпа городского мещанства и примыкавшего к ней более состоятельного купечества и испуганная интеллигенция совершенно не верили в военные способности разбитых красными военачальников. Врангель не внушал им особенного доверия как военачальник, так как принадлежал к новороссийским «пораженцам» и беженцам, и внутреннее его управление никого не удовлетворяло.

К Врангелю посыпались телеграммы и делегации. Ему пришлось уверить всех, что в отставку он меня не отпускает, а что я просто нездоров ввиду страшного переутомления и очень скоро вернусь на фронт. Тут же им был утвержден проект поднесенной мне теми же слоями населения добавочной фамилии — Крымский. Таким образом, мой приезд застал Врангеля уже продумавшим всю обстановку и составившим план действий: «рескрипты» на мое имя уже были готовы и лежали у него на столе. Привожу их тут оба.

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской армией № 3505

г. Севастополь
6/19 авг. 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье

Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины. России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой.

Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведет войска к победе, дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы. Дорогому сердцу русских воинов — генералу Слащову именоваться впредь Слащов-Крымский.

Главнокомандующий генерал Врангель

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской армией № 3506

г. Севастополь

6/19 августа 1920 г.

В изъятие из общих правил зачисляю Генерал-лейтенанта Слащова-Крымского в мое распоряжение с сохранением содержания по должности командира корпуса.

Главнокомандующий генерал Врангель.

С места мне было заявлено, что о моей отставке речи быть не может. Моя резкость в телеграммах ему и некоторая «странность» во взглядах на отношение союзников официально объяснялись только моим переутомлением и расстроенными нервами; я должен лечиться и потом опять приняться за дело. Все мои уверения, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, не приводили ни к чему. Мне даже было предложено ехать за границу лечиться, но я на это ответил, что «правительство при постоянно падающем рубле платить за меня не сможет, и я считаю это для себя неприемлемым, а у меня самого средств на такое лечение нет». Мы расстались враждебно, но с любезной улыбкой со стороны Врангеля.

Я знакомился с тылом, и во мне укрепилось кошмарное состояние внутреннего раздвоения и противоречий, продолжавшееся до самого падения Крыма, способное свести человека с ума. Действительно, если всякие «организации» давили на Врангеля, то они же давили на меня, доказывая неуместность вызванных мною трений, могущих повлечь за собой

развал армии, торжество большевиков, падение Крыма и т. п. Одним словом, я находился в состоянии внутреннего разделения, переходя от отчаяния к надежде. Правда, налицо были французы, наличие которых противоречило идее «отечества», которой я руководствовался. Но все-таки колебания то в ту, то в другую сторону были, и выхода никакого я не видел. Опасность, и жестокая опасность, со стороны красных была несомненная.

Врангель между тем, мило мне улыбаясь и оказывая высшие знаки внимания публично, деятельно занялся вопросом дискредитирования меня в глазах всех как с точки зрения чести, так и с точки зрения военной.

Чтобы дискредитировать меня с точки зрения чести, было выдвинуто дело Шарова, который, как я уже сказал выше, жил в тюрьме очень хорошо и занимался писанием своих «исповедей», в которых искренне во всем сознавался, до убийства и ограбления казненных включительно, но заявлял, что это делал он не только с моего ведома, но и по моему приказанию. Дело приняло настолько серьезный оборот, что я получил записку от следователя по особо важным делам Гиршица о том, что я привлекаюсь в качестве обвиняемого по делу о злоупотреблениях чинов 2-го (бывшего Крымского) армейского корпуса. Официальным поводом к привлечению меня к следствию послужило дело Протопопова, председателем суда над которым был обер-офицер, а должен был быть штаб-офицер, и потому Протопопов считался казненным без суда, но и это не противоречило дисциплинарному уставу, так как открытая измена Протопопова была доказана. Конечно, мне казалось, что раньше, чем привлечь к ответственности, надо было хотя бы допросить, но дело генерала Сидорина минувшей весной показало, что от врангелевских судов можно было ожидать чего угодно. Поэтому я решил быть начеку и действовать строго законно, но решительно. На вызов на допрос к следователю я ответил, что по закону полагается определенных лиц допрашивать на дому, поэтому прошу сообщить мне час, когда он ко мне явится. Это сразу немного озадачило Гиршица и сбило немного спеси. При допросе я спросил, в чем, собственно, меня обвиняют. Оказалось, в превышении власти; кроме того, следователь спросил меня, не имел ли я с Шаровым каких-нибудь денежных дел. В качестве улики выдвигалась «исповедь Шарова», в которой указывалось, что не сам я грабил, а в пьяном виде подписывал бумаги со смертными приговорами. На естественный мой вопрос, где же эти бумаги, мне был дан ответ, что они утеряны.

Дело становилось ясным: обвинить меня в грабежах с

корыстной целью было слишком трудно, так как жил я крайне скромно и никогда не имел денег, хотя раньше обладал средствами, и не в пример прочим белым «знаменитостям» в заграничных банках на мое имя вкладов не было. Следовательно, сознательный грабеж с моей стороны был слишком неправдоподобен, но оставалась надежда забросать меня грязью, как пьяницу и окончательно ненормального человека, а моя ненормальность была Врангелю нужна для объяснения моих «странных взглядов».

На заявление об утере бумаг я заметил, что все смертные приговоры, утвержденные мною, опубликованы в газетах и были в двух экземплярах: один хранился в штабе корпуса со всем делом подсудимого, а второй направлялся в контрразведку, приводившую приговор в исполнение.

Все эти дела тотчас же из штаба корпуса были доставлены в полном порядке. Среди них оказались и дела бывшей 4-й сводной дивизии, которой я перед тем командовал на Украине и из которой был развернут 3-й (Крымский, затем 2-й) армейский корпус. По ним числилось: дело 11-ти в Вознесенске, дело 61-го в Николаеве, дело 1-го (скупщика казенного имущества) в Джанкое, дело полковника Протопопова, дело 16-ти офицеров орловщины, дело 14-ти в Севастополе и дело поручика Дубинина. Все это было налицо, о законности предъявленных обвинений спорить не приходилось, точно так же, как и о моей обязанности, как представителя белых, утвердить эти приговоры. Нашлось также и севастопольское дело Пивоварова (описано в главе о подготовке к Юшуньской операции) с моей резолюцией: «Освободить и дело прекратить под личной моей ответственностью и но честному слову, данному мне рабочими организациями»; это было незаконно, но оправдывалось обстановкой. Явился вопрос: почему у Шарова дела пропали, ведь я у него обыска не делал, где же он мог их потерять? Это оставалось неясным.

После этого я говорил с Врангелем на тему, что включение моего дела в дело Шарова есть натяжка, и незаконная, дело не может называться делом чинов 2-го корпуса, потому что Шаров был чином Ставки и штаба войск Новороссии, т. е. попросту контрразведки при Крымском корпусе. Ввиду того что я не доверяю секретному судопроизводству, я требую вести дело гласно, с опубликованием в газете.

На это Врангель мне заявил, что публикация вредна для меня же и вообще нежелательна, что я напрасно так отзываюсь о судопроизводстве, что оно стоит выше подозрений и что мне нечего бояться секретного его хода. На это я возразил, что слишком хорошо помню дело Сидорина, чтобы доверять

следователю (дело Сидорина вел тот же Гиршиц), и потому при секретном его производстве могу ожидать всего, до подтасовок и подлогов включительно. Поэтому я настаиваю на своем требовании, в противном случае спущу следователя с лестницы, тем более что он позволил себе учреждать за мной тайный надзор, прося моего адъютанта сообщить о моих выездах. Я уже говорил об этом с генералом Трухачевым, который объяснил это недоразумение (Трухачев был дежурный генерал, замещавший начальника штаба главнокомандующего). Тем не менее я предупреждаю, что если в этом деле не будут действовать честно и открыто, то я пойду на какой угодно скандал. Мое условие — гласность.

Вскоре я получил записку от Гиршица, что мое дело выделено из дела Шарова. Через день Гиршиц заходит ко мне и очень скромно говорит, что я обвиняюсь не в превышении, а в бездействии власти, так как я не проверял деятельности Шарова; об основном деле надо мною — незаконном составе суда над Протопоповым — не было ни слова. Я тогда обратил внимание следователя на мои телеграммы о разрешении мне ревизовать Шарова и подчинить его мне и на отказ Ставки, если кто бездействовал, так это главное командование. После этого разговора я Гиршица не видел и о деле не слышал.

События фронта отвлекли теперь мое внимание. Там тоже Врангель хотел меня дискредитировать. Я уже говорил, что отказался брать Каховку, так как видел в этом совершенно безнадежное предприятие. Потерять людей в этом деле нужно было массу, а даже в случае успеха красные в любой момент могут опять занять Каховку, так как артиллерия красных вне досягаемости за Днепром на высоте и охватывает указанный пункт полукругом; как читатель помнит, брать Каховку я предлагал, заняв линию Николаев — Вознесение — Берислявль, т. е. с северного берега Днепра. Это, как известно, было поводом к моей отставке. Теперь Врангелю хотелось доказать всем, что оставление Каховки за красными есть дело моей неспособности и что ее возьмет легко и свободно мой заместитель генерал Витковский со своим начальником штаба полковником Бредовым. Для этого (одновременно с моим уходом) на фронт 2-го корпуса были посланы комплектования, доведшие состав корпуса до 7000 штыков. Эти комплектования были посланы настолько срочно, что я встретил их уже по пути моего проезда в Севастополь. Силы, стоявшие и посылавшиеся на Перекоп, о которых я говорил в главе XVII, так там и оставались и образовали 6-ю и 7-ю [пехотные] дивизии 4-го [армейского] корпуса Скалона, а это были люди, вновь посланные на пополнение корпуса Витковского.

Кроме этого, было прислано 11 аэропланов и 7 танков. Все это сколачивалось и готовилось к атаке. Красные после неудачи первого наступления держались пассивно. И вот на 5 сентября была назначена атака Каховки.

Атака Каховского плацдарма вообще была делом трудным, но при наличии 7 танков и аэропланов Каховку взять было, конечно, возможно; оставался, конечно, открытым вопрос, можно ли было там долго удержаться.

Но в данном случае атака была организована в корне неправильно.

Каховский плацдарм по-прежнему занимала группа Саблина. На рассвете 5 сентября 7 танков белых ворвались в окопы и стали ломать проволоку. Но они были пущены одни. Основное условие, что всякая бронемашина, а в особенности танк, — это есть подвижной форт, могущий действовать только в непосредственной связи с пехотой или конницей, не было соблюдено. Танки вошли в Каховку, а пехота 2-го корпуса лежала далеко сзади. Красные отхлынули и открыли огонь своей артиллерией. Танки стали подбиваться, а попробовавшая продвинуться вперед пехота белых была уже встречена, кроме артиллерии, и пулеметами красных. Потеряв огромное количество людей (около 3000) и 6 танков, корпус Витковского отхлынул назад. Дух был совершенно подорван, вера в командование утрачена; 2/3 командиров полков ушли из армии, а за ними масса строевых офицеров. Даже по заявлению Врангеля корпус Витковского не представлял уже боевой ценности. 8-й кав. полк пришлось расформировать, большинство его офицеров во главе с командиром полка Мезерницким (бывший начальник конвоя) оставили службу так же, как и пехотные, под разными предлогами и «за болезнью» зачислялись в резерв. Так кончилось ничем не оправдываемое, кроме личных счетов, наступление Врангеля на Каховку.

Дело Шарова тоже срывалось; его не только нельзя было раздуть в позорную для меня историю, но 2 сентября состоялось заседание Ялтинской городской думы, протокол которой был прислан в Севастополь Врангелю и мне вскоре после рокового «каховского дня» и «следовательской истории».

Постановление думы было очень пространно и витиевато, описывало и подчеркивало достоинства Врангеля и мои, говорило о лихоимстве и преступлениях высших чинов административного управления, уничтоженного мною, и закапчивалось избранием меня почетным гражданином города Ялта.

Постановление это было составлено в очень дружелюбном тоне по отношению к Врангелю и подчеркивало, что Врангель сам

оценил мои заслуги. Но именно поэтому это был сильный удар для Врангеля: было ясно, что гласный суд немыслим без дискредитирования его самого и мое оправдание за полным отсутствием какого-либо доказанного обвинения несомненно. Тайно же тоже вести дело нельзя без моего гласного ареста, потому что иначе я не подчинюсь тайному судилищу; таким образом, Врангелю пришлось бросить это дело. Шаров перестал сознаваться, но в благодарность за его «службу» его не притесняли и затягивали дело. Только в 1921 г., уже в Константинополе, оно слушалось, и Врангель амнистировал своего верного контрразведчика.

Говорят, неудачи не приходят поодиночке. И тут, в этот период поражений, они сыпались одна за другой.

Параллельно с каховской неудачей потерпела крушение операция кубанская, и опять по вине неорганизованности.

Об этой операции говорили все и знали все заранее, называли пункты высадки. А начштаглав (начальник штаба главнокомандующего) генерал Шатилов занимался продажей нефтяных бумаг, которые благодаря слухам о десанте вздувались в цене.

Одновременно с этим шли нелады Врангеля с кубанским атаманом Иванесом и назначение новых атаманов отделов, которые должны были ехать с десантом. Одновременно оказались налицо неотрешенные старые и вновь назначенные.

Операция была поручена генералу Улагаю, человеку безусловно честному, но без широкого военного образования. Он был избран как популярный кубанский генерал, кажется, единственный из «известностей», не запятнавших себя грабежом. У Врангеля, конечно, были с ним нелады, и поэтому к нему был назначен генерал Драценко начальником штаба с особыми полномочиями, позволявшими ему игнорировать своего начальника, так что от Улагая оставалась только «фирма». Этот Драценко был всем известен как специалист по поражениям. Каждый бой он обставлял крайне научно, много о нем говорил и до, и после дела, но неизменно его проигрывал. Это был типичный представитель врангелевских приближенных. Я тогда очень удивлялся, что такой честный человек, как Улагай, взялся при таких условиях командовать армией. Для того чтобы довершить картину неправильной постановки дела и еще больше связать десант, в Керчь был посажен уже известный нам генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего генерал Коновалов и распоряжался оттуда именем главкома.

Подробностей этой операции я не знаю, потому что Врангелем эта «победа» усиленно замалчивалась. Десант

произошел на Таманском полуострове. Красные совершенно правильно, не давая главного боя у побережья, оттянули десант в глубь Кубани и нажали на фланги и тыл. Все побежало, причем лучшие части, как юнкера, погибали, спасая бегущую толпу. Вместе с десантом бежала и небольшая часть населения, примкнувшая к нему. Вообще, население встретило десант довольно-таки осторожно, в особенности после его первых шагов, когда опять начали отнимать подводы, лошадей и хлеб и взыскивать за службу у красных. Но примкнувший элемент все же был, благодаря чему десант вернулся в увеличенном, несмотря на большие потери, составе. Врангель изображал его, конечно, как набег и победу, но всем было ясно, что это было поражение, и поражение тяжелое, а Врангель сам подробности старательно замалчивал. Донской десант полковника Назарова тоже был неудачен — восставших было слишком мало, и десант не вернулся.

На Украине Врангель не предпринимал ничего, и фронт его армий продолжал оставаться полукругом, заставляя бояться катастрофы. Красные постепенно подавляли восстания.

Доклады по украинскому вопросу и об улучшении быта военнослужащих, составленные по приказу Врангеля, лежали без движения. (Для этой цели при мне состоял Генштаба генерал Киленин, который, в сущности, и ведал этими вопросами.) Получались доклады, параллельные с ведавшим этим делом официально генералом Килениным, т. е. опять отсутствие организации.

В тылу в это время образовался целый фронт зеленых, среди которых, конечно, было много красных. Зеленых насчитывалось до десяти тысяч человек. Они совершали набеги на разные города и благодаря сочувствию населения были неуловимы. Против них из Симферополя действовала целая армия во главе с генералом Носовичем, о его способностях я ничего сказать не могу, они ни в чем не проявились. Сочувствие населения вызывалось недовольством белой властью, которая, ничего не давая населению, требовала от него вечных повинностей. Вопрос о церковных (вакуфных) землях татар разрешен не был, мобилизация ложилась тяжелым бременем на население; дезертиры становились зелеными, население, конечно, их кормило, сообщало все сведения и, если нужно, укрывало, а укрытий в горах района Карасу-Базар — Бахчисарай — Ялтинское побережье было достаточно. Вожаками движения часто являлись красные во главе с Мокроусовым. Зеленые просуществовали вплоть до падения Крыма.

В тылу в это время шла вакханалия наживы должностных лиц

во главе с Кривошеиным. Он открыто брал взятки и занимался поставками на армию (конечно, через подставных лиц).

Я поселился в Ливадии, далеко от всей этой грязи, но и там не мог отделаться от давления заинтересованных групп, старавшихся выдвинуть меня на фронт. Единственным счастливым обстоятельством, не позволявшим мне снова принять участие в этой драме, было наличие французов. Когда все мои доводы разбивались о предъявленные обвинения в индифферентности к святой идее «отечества», я выдвигал свой аргумент — «французы». Меня уверяли, что это ложь, что главнокомандующий вовсе не слушает их; тогда я соглашался переговорить с главнокомандующим. Повторялась сказка про журавля и цаплю; то Врангель обращался ко мне, то я говорил с Врангелем о фронте и моем участии, но каждый раз я затрагивал вопрос о французах. Между тем я продолжал переживать период внутреннего раздвоения, о котором говорил выше, а процесс внутреннего перелома всегда бывает крайне болезненным.

Мне теперь, когда я оглядываюсь назад, кажется очень смешным мое возмущение вмешательством в Гражданскую войну французов: да разве Врангель мог поступить иначе, разве можно было вести эту классовую борьбу без поддержки иностранного капитала? Но тогда, к сожалению, о классовой борьбе я не имел благодаря буржуазным шорам ясного представления.

А Врангель был последователен: «назвался груздем, полезай в кузов», стал наемником — и делай, что хочет твой хозяин, а хозяин был против заключения мира, и Врангель подчинялся французам, а его приближенные наживались и сознательно проводили политику своего класса. Каждый сидел на определенном стуле. Я же, носясь с идеей «отечества» и не понимая сущности происходившей борьбы, уселся сразу между всеми стульями.

В сентябре месяце на Днепровском фронте опять стали собираться тучи. Красные сосредоточивали силы, подвозя комплектования частям и доводя их до штатного состава. В районе Апостолова обучалась и сколачивалась 2-я конная армия. В одной из бесед со мною Врангель (или Шатилов, точно не помню) спросил меня (мое мнение) о Каховском направлении. Я ответил, что красные хотят повторить подобие своей августовской операции через Каховку на Перекоп и Сальково.

Занятием Каховки красные ясно выдали свой план, и можно смело утверждать, что по окончании сосредоточения они поведут решительное наступление, стараясь отрезать Кутепова от перешейков; наличие конницы еще более подтверждало это. «Какие же средства борьбы?» — спросили меня. — «По моему

мнению, их два: первое, которому я не сочувствую, — это переправа на правый берег Днепра у Херсона (с прорывом туда мелких судов флота) и Александровска с тем, чтобы, заняв район Синельниково — Апостолово— Николаев, угрожать Екатеринославу, а Каховскую группу взять в клещи от Александровска и Херсона и передать в наши руки правый берег Днепра, поднимая одновременно восстания. Но я полагаю, что этот план запоздал — времени у вас для его производства не хватит, да 2-й корпус теперь стал настолько небоеспособным, что задачи овладения низовьем Днепра не выполнит, а восстания уже там ликвидированы. Поэтому второй способ, который бы я применил, — это оставить в Северной Таврии только конные группы, всю же массу войск отвести в Крым, расположить по квартирам и начать переговоры, для подкрепления которых высадить часть слишком многочисленных для Крыма войск в Одессе или в устье Буга и устроить там плацдарм. Если это сделать и вести защиту Крыма, как я ее вел в прошлом году, красные в Крым не войдут и сговорятся с нами о нашей будущности». На это мне ответили: «Ну, ваши нервы еще расстроены, вам всюду мерещатся опасности, которых нет». «Дай бог, чтобы было так, — ответил я, — только помните одно: кто обороняет Северную Таврию, не имея очень глубоких крупных резервов для действия по внутренним операционным линиям, всегда будет разбит. Ваши армии стоят растянутыми по фронту в несколько сот верст, и прорыв противника в одном месте приведет его к перешейкам раньше других ваших частей, которые должны будут бежать вперегонки, спасая свою жизнь, это я говорил еще в прошлом году Деникину, а теперь повторяю вам». — «Ну, у вас было мало войск, а у нас их, слава Богу, достаточно». Этим и закончился приведенный характерный разговор.

Врангель старательно распространял слухи о моих расстроенных нервах, и в «обществе» стали упорно говорить о моей ненормальности; почву для этого давало и то, что, как я указал выше, настроение мое было действительно ужасно и я жил затворником, почти нигде не появляясь.

После разговора со мною Врангель предпринял Александровскую операцию.

ГЛАВА XX
Разгром армии Врангеля и конец Белого Крыма

В конце сентября месяца Врангель сосредоточивает почти все силы Кутепова (развернувшего в 1-ю армию 1-й, и армейские корпуса и корпус Барбовича) в направлении Александровска, берет Александровск и затем Синельниково. Создав таким образом зону перед Александровском, переправляется через Днепр южнее Кичкас и предпринимает операцию наподобие той, которую я ему рекомендовал в июле, только без обеспечения со стороны Екатеринослава и без занятия Николаева — Вознесенска и наступления оттуда, т. е. что-то куцее, точно страница, вырванная из книги, и, как все неполное, обреченное на неудачу.

Наступление идет удачно, захватываются пленные, пулеметы, орудия. В районе Балино на Покровское начинается вторая переправа белых в поддержку Александровска. Встретивший меня на улице генерал Артифексов (генерал для поручений при Врангеле) сказал мне: «Ну что же? Вопреки вашим уверениям, как видите, мы побеждаем». Мне пришлось с ним согласиться, но вместе с тем я заметил: «Ведь я в тылу, а вы знаете мое мнение о тыле; очень рад, если я ошибся, но боюсь, что я в данном случае окажусь правым». Артифексов замахал руками и, весело посвистывая, пошел своей дорогой.

Между тем войска Кутепова наступали от Александровска прямо на запад во фланг и тыл Каховской группе. Атакой красной конницы (всего одной бригадой) в первую голову были разбиты белые у Покровского, а потом уже всей 2-й Конной армией в районе Шолохова красная конница прорвала фронт Кутепова, смяла конницу Барбовича и заставила 3-й корпус бежать к переправам, бросая пулеметы и орудия. 14 октября было разгромом войск Кутепова, самых боеспособных в то время частей Врангеля.

Все это, конечно, не было опубликовано в тылу. Я опять был в Ливадии, когда ко мне явились «украинские и татарские организации» с воплями и стенаниями о спасении «родины» и гибели «отечества».

Это время было опять минутой слабости. Меня убедили написать Врангелю письмо с указанием об удручающем впечатлении неудач на фронте. Ожидая неудач от такого командования и такого ведения дел, я все же был поражен. Принужден сознаться в отсутствии определенного мнения у меня

самого в тот момент. Врангель ответил мне очень милым письмом, но с уверением, что на фронте все идет великолепно.

Тыл волновался, обвиняя меня в дезертирстве и в том, что я умышленно пользуюсь «французским вопросом», чтобы не ехать на фронт. Доходило до того, что мне это говорили в лицо (конечно, люди, знавшие меня, в виде дружеского укора).

Красные между тем развивали наступление на Таганрогском направлении: 8000 штыков и 2000 шашек — группа начдива; 9-я стрелковая дивизия — 4000 штыков и 5000 шашек; Никопольская группа — 10 500 штыков и 9500 шашек; Каховская группа — 22 500 штыков и 3000 шашек; тут же была 1-я Конная армия в составе 6–7 тысяч шашек. В районе Александровска — резерв около 6000 штыков и 500 шашек. Итого 51 тысяча штыков и 27 тысяч шашек. Группировка сил явно указывала главный удар в сторону Перекопа. Наличие крупных масс конницы позволяло одновременно делать налет и на тыл Сальковского направления.

Врангель этому противопоставлял около 50 000 штыков и около 25 000 шашек, растянутых по фронту главным образом в северо-восточном и восточном направлениях.

Находясь в положении необходимости вести борьбу по внутренним операционным линиям, он, растянув войска всюду, не оставил себе крупного резерва, а части Кутепова, кроме того, только что были разбиты на правом берегу Днепра. Управление Врангелем было потеряно.

У Каховки был смят растянувшийся по побережью, желая прикрыть все, 2-й корпус Витковского и побежал к Перекопу, где имелся еще 4-й корпус Скалона, составлявший со 2-м корпусом и кубанцами 2-ю армию генерала Драценко (героя кубанского поражения белых).

Красные, преследуя пехотой 2-ю армию, бросили свою конницу от Каховки на Сальково — на тылы 1-й армии Кутепова и Донской армии Абрамова. И их войска должны были бежать вперегонки, пробиваясь к Сальковскому перешейку. Произошло то, о чем я предупреждал.

Подробностей этого бегства я не знаю, потому что в тылу все усиленно скрывалось, так что могу передать только рассказы обозных беженцев и кое-какие отрывочные сведения из Ставки. Суть дела заключалась в том, что академически правильно задуманный красными маневр Врангель позволил провести в жизнь как добросовестный и хорошо выученный обозначенный противник.

Несмотря на то что план красного командования или его возможность были ясны еще в августе месяце благодаря упорному удерживанию и устройству Каховского плацдарма, Врангель,

желавший все прикрыть в Северной Таврии, резерва, как я уже сказал, не оставил. Товарищ Буденный блестяще использовал положение и врубился в обозы белых в районе Ново-Алексеевки. Правда, пробившиеся с севера части донцов и Кутепова проложили себе дорогу назад, но ради этого должны были спешно уйти с фронта, да и конница для длительного удержания чего-нибудь не годится. Одним словом, конная операция красных была блестяща. Но красная пехота и вообще все части, преследовавшие белых, должны были бы поторопиться, тогда не ушел бы никто из армии Северной Таврии. Тут же разгром был главным образом моральный и обозный.

Интересный инцидент произошел при встрече моей с Врангелем, когда я, будучи вызван в Ставку и не застав ее в Севастополе, был отправлен в Джанкой. При моем входе он метался по салону своего вагона. Еле успели поздороваться, он потащил меня к карте, и произошел приблизительно следующий разговор. Врангель: «Вы знаете, Буденный здесь (палец ткнулся в Ново-Алексеевку).

Я. — Сколько?

В. — 6–7 тысяч.

Я. — Откуда он, с неба или Каховки?

В. — Шутки неуместны: конечно, с Каховки.

Я. — Значит, мои расстроенные нервы оказались правы. К сожалению, они расстроились еще больше. Вы хотите знать мнение расстроенных нервов. Если да, они просят изложения обстановки.

В. — Кутепов по радио из Петровского о частях своих не говорит, думаю, при концентрическом отступлении к Салькову сосредоточились. Ново-Алексеевка занята противником неизвестной силы, но конницей. На Кутепова и донцов с севера и востока не наседают. Драценко в Перекопе, его силы собрались к нему, настроение плохое. Красные заняли Чаплинку. Что вы думаете?

Я. — Есть ли у вас кто-нибудь в Салькове?

В. — Там Достовалов (начальник штаба Кутепова). С 2000 штыков Кутепова, и я ему с тыла собрал около 1500 штыков.

Я. — Дайте взвесить… Мои расстроенные нервы говорят мне, что это есть момент необходимости присутствия старшего начальника. Я бы отдал приказ: Достовалову атаковать Ново-Алексеевку, Кутепову об этом радио и атака в направлении Сальково — одновременно.

Буденный принужден будет отойти, ему остается лазейка к северо-востоку, надо ему ее дать, мы слишком слабы, чтобы не толкать его на спасение своих частей, иначе он будет серьезно

драться. Собрать донцов (конных) и Барбовича, и с Кутеповым и вами во главе — на Чаплинку во фланг и тыл Каховской группе красных. Ведь это будет около 20 000 шашек. Вот общий план. Мелочи: надо узнать, куда отойдет Буденный, куда поставит заслон. Но Крым пока что будет спасен, потом можно будет проводить мой план его защиты и замирения с красными.

В. — Да, вы правы, я с вами согласен. Это будет красивая операция. Надо будет приказать собирать все донесения и приказы: важно для истории. Я сейчас переговорю с Павлушей (Шатилов)».

На том мы расстались. Я вернулся в Севастополь и был страшно удивлен, узнав, что главком тоже вернулся туда же. Кутепов пробился назад вместе с Абрамовым. А Врангель предпринять операцию и выехать впереди войск не рискнул. Белые были загнаны за перешейки и расположились в окопах, оплетенных проволокой и расположенных прямолинейно один за другим в расстоянии 1–2 верст без всяких приспособлений для жилья. Морозы наступили до 16 градусов. Была обстановка, подобная началу 1920 г., только войск насчитывалось 60 тысяч человек (строевых частей, приехавших в Константинополь, а сколько еще было брошено в Крыму). Что испытали эти несчастные, загнанные люди, не знавшие, за что они дерутся, трудно описать. Если это испытывали люди, подобные мне, это им поделом: они действовали сознательно и боролись за определенные идеи, но те, эта масса солдат и офицерства, в особенности последняя, которая сама часто была из прежних солдат, т. е. тех же крестьян, они-то при чем? Вот это вопрос, который заставлял меня очертя голову бросаться впереди цепей при первой обороне Крыма и который заставлял меня так долго колебаться уже тогда, когда я ушел после Каховского боя в отставку. Отлично сознаю, какой вред я этим принес, сознаю в особенности теперь, когда деятельно занялся своим политическим образованием, — но как было поступить иначе тогда? Одно скажу: от понятия чести никогда не отступался; то, что обещал, я сделал, и, уже отойдя от дела, я переживал за других ужасы, на которые их обрекли деятели белых, метался от одного решения к другому, то возмущаясь Врангелем и его присными, то готовый с ними помириться, лишь бы избежать катастрофы.

Окончательно растерявшийся Врангель для обороны перешейков решил сделать перегруппировку, т. е. на более доступное Перекопское направление направить более крупную армию Кутепова, а на Чонгарское посадить Драценко; по ходу же отступления Кутепов был на Чонгаре, а Драценко на Перекопе, и

началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Для защиты Крыма Врангель хотел использовать части, оставшиеся в Польше, и хотел туда сплавить меня, но этот его план сам собою отпал благодаря крушению Крыма.

В доказательство своей окончательной растерянности Врангель сам остался в тылу у судов, а Кутепова назначил защищать Крым и производить рокировку войск. Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки. Часть людей в это время сидела в окопах, часть ходила справа налево и слева направо, но под натиском красных все вместе побежали.

Были отдельные случаи упорного сопротивления, были отдельные случаи геройства, но со стороны низов; верхи и в этом участия не принимали, они «примыкали» к судам. Что было делать рядовым защитникам Крыма? Конечно, бежать возможно скорее к судам же, иначе их предадут на расправу победителям. Они были правы. Так они и поступили.

11 ноября я по приказанию Врангеля был на фронте, чтобы посмотреть и донести о его состоянии. Части находились в полном отступлении, т. е., вернее, это были не части, а отдельные небольшие группы; так, например, на Перекопском направлении к Симферополю отходили 228 человек и 28 орудий, остальное уже было около портов.

Красные совершенно не наседали, и отход в этом направлении происходил в условиях мирного времени.

Красная конница вслед за белой шла на Джанкой, откуда немедленно же выехал штаб Кутепова на Сарабуз. В частях же я узнал о приказе Врангеля, гласившем, что союзники белых к себе не принимают, за границей жить будет негде и не на что, поэтому, кто не боится красных, пускай остается. Это было на фронте. В тыл же, в Феодосию и в Ялту, пришла телеграмма за моей подписью, что прорыв красных мною ликвидирован и что я командую обороной Крыма и приказываю всем идти на фронт и сгружаться с судов. Автора телеграммы потом задержали: это оказался какой-то капитан, фамилии которого не помню. Свой поступок он объяснил желанием уменьшить панику и убеждением, что я выехал на фронт действительно для принятия командования. И в Феодосии, и в Ялте этому поверили и, помня первую защиту Крыма, сгрузились с судов: из-за этого произошла сильная путаница и потом многие остались, не успев вторично погрузиться.

Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первый показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу Киста у самой Графской пристани, чтобы

иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом поверки эвакуации. Поверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился.

Когда я 13—14-го ехал обратно, то в тылу всюду были выступления в пользу красных, а мародеры и «люмпен-пролетариат» разносили магазины, желая просто поживиться. Я ехал как частное лицо, и поэтому на мое купе II класса никто не обращал внимания и я мог наблюдать картины бегства и разгул грабежа. В ту же ночь я сел на случайно подошедший ледокол «Илья Муромец», только что возвращенный французским правительством Врангелю и вернувшийся «к шапочному разбору».

Мой доклад по телеграфу Врангелю гласил, что фронта, в сущности, нет, что его телеграмма «спасайся кто может» окончательно разложила его, а если нам уходить некуда, то нужно собрать войска у портов и сделать десант к Хорлам, чтобы прийти в Крым с другой стороны.

Для моей жены, правда, было отведено место на вспомогательном крейсере «Алмаз», который к моему приезду уже вышел в море, а для меня места на судах не оказалось, и я был помещен на «Илью Муромца» по личной инициативе морских офицеров.

Туда же я поместил брошенные остатки лейб-гвардии Финляндского полка с полковым знаменем, под которым служил часть Германской войны, и выехал в Константинополь. Прибыв в Константинополь, я переехал на «Алмаз», туда же скоро приехал и Кутепов. Последний страшно возмущался Врангелем и заявил, что нам нужно как-нибудь на это реагировать. Мне пришлось ему сказать, что одинаково надо возмущаться и им самим, а мой взгляд, что армия больше, по-моему, не существует.

Кутепов возмущался моими словами и все сваливал на Врангеля. Я ему на это ответил: «Конечно, его вина больше, чем твоя, но это мне совершенно безразлично: я все равно ухожу, отпустят меня или нет. Я даже рапорта подавать не буду, чтобы мне опять не делали препон, а только подам заявление, что я из армии выбыл: мои 7 ранений (5 в Германскую и 2 в Гражданскую войну) дают мне на это право, об этом ты передай Врангелю». Тогда Кутепов заявил: «Раз ты совершенно разочаровался, то почему бы тебе не написать Врангелю о том, что ему надо уйти? Нужно только выставить кандидата, хотя бы меня, как старшего из остающихся».

— О, это я могу сделать с удовольствием, — ответил я, — твое имя настолько непопулярно, что еще скорее разложит

армию, — и написал рапорт, который Кутепов сам повез Врангелю.

Я же съехал на берег, чтобы не находиться на «территории» Врангеля, и стал продумывать дальнейшую роль белой армии с точки зрения «отечества»; мои размышления привели меня к заключению, что она может явиться только наймитом иностранцев (конечно, кричать об этом громко было нельзя), и потому я занялся работой на разложение армии. Врангель предал меня суду «чести», который специально для этого учредил, но на этот суд меня не вызвали, так как что же могли инкриминировать частному лицу, желающему говорить правду про армию и ее цели? Суд приговорил меня заочно к исключению со службы, большего он сделать не мог. Это дало мне еще лишний козырь, и я мог выпустить брошюру «Требую суда общества и гласности». Правда, писал ее не я, а генерал Киленин, но в момент набора книги контрразведка так стала запугивать, что Киленин испугался. К тому же французская контрразведка изъяла всю переписку, касавшуюся роли французов в Крымской обороне. Все это привело к тому, что Киленин отказался поставить свое имя на брошюре, которая почти целиком состояла из моих документов. Тог да я, уже связанный получением задатка и неустойкой, должен был срочно поставить на книжке свою фамилию и попросить заменить слова «комкор» и «Слащов» словом «я».

Книжка получилась куцая, малопонятная, без надлежащего освещения и полноты описываемых событий, но все же она своей цели достигла. Ее печатание шло с трениями — выпал шрифт, но все-таки ее напечатали и 14 января 1921 г. она вышла в свет. За нахождение ее у кого-либо в Галлиполи (где была помещена армия Врангеля) жестоко карали, но она там распространялась. Мною руководила не жажда мести, а полное сознание, что эта заграничная армия может быть только врагом России, а я стоял на платформе «отечества» и с этой, а еще не с классовой точки зрения видел в ней врага. Ко мне обращались украинцы (Моркотуновская организация), я и им советовал вызвать от Врангеля украинцев и при помощи их устроил настоящую свару между двумя «правительствами». Идеей защиты вверившихся людей я уже связан не был. Следя дальше за армией и действиями Врангеля и Кутепова в Галлиполи, за переговорами с иностранцами о нападении на РСФСР еще в 1921 г., за посылкой туда людей для поднятия восстаний, я все более и более убеждался в преступности существования этой армии. Мой разговор с заехавшим ко мне из английской контрразведки Генштаба капитаном Уокером по тому же поводу еще больше укрепил мое мнение, и разговор с лицом, приехавшим из Москвы,

нашел во мне глубоко подготовленную почву для гласного разрыва с белыми и переезда в Советскую Россию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, какой можно сделать вывод, бросив взгляд назад на борьбу с белыми на Юге России? Что двинуло первое время массы на борьбу с молодой, еще не окрепшей Советской властью? Питалось ли это движете лозунгом «отечество», сохранился ли этот последний лозунг прежней триединой формулы в сознании масс?

Я уже говорил, что им вдохновлялись только отдельные лица, отдельные беспочвенные идеалисты. Массы зажиточного крестьянства и казачества шли за ним только тогда, когда Советская власть затронула их экономические интересы, будучи вынужденной тяжелыми условиями строительства нового пролетарского государства к реквизиции излишков. И когда эти массы охладели к Добровольческой армии? Тогда, когда Добровольческая армия перестала защищать их интересы, а постепенно становилась защитницей интересов интернационального капитала. Борьба шла классовая, та борьба, которая теперь красной нитью пройдет через все войны.

Был ли Врангель не прав в своей политике танца под дудку французов? Нет, был не прав я в своих обвинениях: я не понимал тогда, что возмутителен был самый факт борьбы, а не то, что Врангель, став наймитом, исполнял то, что ему прикажут. Конечно, если смотреть на Врангеля с точки зрения классовой борьбы и как на представителя интернациональной буржуазии, то он был прав. Массы же он обманывал старым лозунгом «отечества», до которого его хозяевам не было никакого дела, которые проводили свои классовые интересы, наживаясь, а главное, думая еще больше нажиться в России…

Средняя буржуазия, естественно, поддерживала совместно со служивой интеллигенцией Врангеля, боясь за свои имущественные интересы, но их давил иностранный капитал, и они тоже будировали, сдерживаемые только страхом перед красными. К счастью, Врангель сам оказался в военном смысле не талантливым и быстро сдал Крым, который при надлежащей обороне мог бы продержаться еще долго и служить предлогом для интервенции. О самой личности Врангеля — его тщеславии, себялюбии, жажде власти и беспринципности — я распространяться не буду, это, я думаю, достаточно ясно из изложения, да это и не имеет значения: не будь его, был бы другой, но обязательно беспринципный, потому что этого качества требовала служба французам.

Вот каков был Врангель с точки зрения политической. Если

же мы взглянем на него с точки зрения военной, то увидим, что он в роли главкома оставался с понятиями эскадронного командира, не желающего лично вести в бой свои части. Мы видели при кратких описаниях операций, что с управлением войсками на широком фронте он совершенно справиться не мог. То же касается его ближайших сотрудников. Это были командиры рот и эскадронов, способные сколачивать и муштровать войска после новороссийского бегства, способные смотреть за каким-нибудь тренчиком, но совершенно неспособные вести войска в бой в стратегическом масштабе и совершенно не учитывавшие психологии войск. Этим и объясняется столь скоропалительное падение Крыма и изгнание Врангеля, превзошедшие все самые смелые надежды красных: ведь сам товарищ Троцкий при начавшемся наступлении на Крым говорил, что предстоит очень трудная и длительная операция.

Благодаря этому неумению поставить частям задачу и соответствующим образом управлять ими в бою, учесть их психологию и сохранить их боеспособность Крым рухнул под напором Красной Армии с головокружительной быстротой. Политическая обстановка предрешала разложение армии Врангеля и ее конец, а военное управление, к счастью, ускорило этот конец, и произошла таким образом ликвидация этого нарыва и пути к интервенции на Юге России.

Около Врангеля остались бы только люди, способные быть беспринципными, слепыми орудиями, а все остальные ушли бы. Вопрос осложнился бы только в том случае, если во главе белых оказалось лицо с большим военным дарованием: тогда Гражданская война затянулась бы надолго.

Как же смотреть на роль всей нашей эмиграции за границей и на ее старания при помощи иностранцев навязать свою волю первому пролетарскому государству?

Если наши эмигранты открыто станут на классовую точку зрения и прямо заявят: «Мы буржуа и желаем эксплуатировать других, вернуть себе все наши потери и убытки и припеваючи жить на чужой счет», — тогда все ясно, они наши враги. Но пусть же они не опираются на лозунг «за отечество»: в глазах пролетариата, стоящего на классовой точке зрения, они предатели рабочего класса и наемники капитала; в глазах же малосознательных, но честных людей, вдохновляющихся до сих пор отжившим свой век лозунгом «за отечество», они нанятые иностранцами предатели этого Отечества.

Белый Крым, 1920

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Боевой состав 2-го армейского корпуса к 1 августа 1920 г

Наименование частей	Офи-церов	Солдат	Пуле-метов	Нестро-евых	Орудия	Ком-плекто-вания
13-я пехотная дивизия						
49-й Брестский полк	—	54	6	42	—	—
50-й Белостокский полк	—	87	14	77	—	—
51-й Литовский полк	—	67	11	75	—	—
52-й Виленский полк	—	35	4	57	—	—
Всего	—	243	35	251	—	—
34-я пехотная дивизия						
133-й Симферопольский полк	34	213	7	94	—	119/118
134-й Феодосийский полк	50	248	18	163	—	33/187
35-й Керчь-Еникальский полк	46	336	21	252	—	180/259
136-й Таганрогский полк	42	469	36	328	—	360/241
Запасной батальон	12	30	—	13	—	35/32
Всего	173	1296	82	840	—	727/757
34-я артиллерийская бригада	51	629	19	168	165	— /176
Отдельная инженерная рота	10	139	—	21	—	— /54
Всего	41	768	19	180	18	— /230
8-й кавалерийский полк	27	384	16	—	—	—
Свободная кавалерийская бригада						
Штаб бригады	21	118	1	22	—	— /26
1-й Туземный полк	29	832	26	81	—	— /101
2-й Туземный полк	54	778	26	152	—	— /152
Дивизион 13-й артил-лерийской бригады	92	279	4	8	—	— /60
Всего	196	2000	57	263	—	— /338

Примечание. Кроме того, при запасных батальонах состоит свыше 1000 пленных, подлежащих обращению на пополнение дивизии. Подлинный подписал: Начальник штаба 2-го армейского корпуса, Генерального штаба полковник Фролов и за старшего адъютанта поручик Погорельский-Перегуд.

Таблица II

Краткие сведения о группировке и боевом составе частей
Красной Армии в Северной Таврии по данным к 16

октября 1920 г

	штыков	сабель
13-я АРМИЯ		
Группа Таганрогского направления		
Отряд Федотова	1000	850
Морская экспедиционная дивизия	3000	300
2-я Донская стрелковая дивизия	4000	600
Итого	8000	2000
Группа начдива 9-й стрелковой дивизии		
9-я стрелковая дивизия	2000	400
Отряд Махно	1200	800
125-я и 126-я бригады 42-й стрелковой дивизии	500	150
5-я Кубанская кавалерийская дивизия	—	2000
1-я кавалерийская дивизия	—	1500
9-я кавалерийская дивизия	—	800
Итого	4000	5500
Никольская группа		
2-я Конная армия:		
2-я кавалерийская дивизия	—	2500
16-я кавалерийская дивизия	—	2400
21-я кавалерийская дивизия	—	2400
Бригада особого назначения	—	1200
69-я бригада 23-й стрелковой дивизии	400	300
3-я стрелковая дивизия	1200	100
46-я стрелковая дивизия	3000	300
Части 13-й стрелковой дивизии	2000	—
52-я стрелковая дивизия	4000	300
Итого	10500	9500
Каховская группа		
15-я стрелковая дивизия	5000	600
Латышская стрелковая дивизия	4500	400
51-я стрелковая дивизия	6000	200
1-я ударная огневая бригада	3200	400
Дивизия Иоффе	—	1000
1-я стрелковая дивизия	3600	200
2-я отдельная бригада	200	100
Итого	22500	3000
1-я Конная армия:		
4-я кавалерийская дивизия	Боевой состав выяснен, около 6000 сабель	
6-я кавалерийская дивизия		
11-я кавалерийская дивизия		
14-я кавалерийская дивизия		
Резервная группа в районе Павлоград—Александровск		
124-я бригада 42-й стрелковой дивизии	350	—
Бригада курсантов	1000	100
85-я бригада 29-й стрелковой дивизии	1000	—
3-й Интернациональный полк	—	—
Итого	6000	500
Всего	51000	26500

Примечание: В ближайшее время возможно было ожидать новое усиление Южного фронта 6–7 стрелковыми и 2-я кавалерийскими дивизиями.

Боевое расписание сил противника перед армиями

Южного фронта по данным разведывательного отделения по состоянию к 1 октября 1920 г

1 октября 1920 г.
г. Харьков

ЮЖНОРУССКИЙ ФРОНТ

Главком генерал Врангель

Наштаглав генерал Шатилов

Приднепровский район	**Группа генерала Витковского Наштагруппы генерал Фролов**	
На фронте:		
2-й Днепропетровский отряд		**250 шт.**
2-й армейский корпус		
Батальон 135-го пех. полка		**100 шт.**
34-й дивизии		
Виленский кавалерийский дивизион		**150 саб.**
Симферопольский кавалерийский дивизион		**125 саб.**
	13-я пехотная дивизия Начдив генерал Андгуладзе Наштадив полковник Хамин	
49-й Брестский пех. полк	**3 батальона**	**400 шт., 16 пулем.**
50-й Беяостокский пех. полк	**—**	**150 шт., 0 пулем.**
51-й Литовский пех. полк	**3 батальона**	**100 шт., 5 пулем.**
52-й Виленский пех. полк	**4 батальона**	**1000 шт., 0 пулем.**
13-я артиллерийская бригада	**6 батарей**	**23 легких., 2 тяж. орудия**
Отдельный кав. дивизион		**60 саб., 6 пулем.**
Дивизии придан:		
Батальон немцев-колонистов		**400 шт., 60 саб., 7 пулем.**
	13-я пехотная дивизия Начдив генерал Туркул Наштадив полковник Яковлев	
133-й Симферопольский пех. полк	**3 батальона**	**300 шт., 8 пулем.**
134-й Феодосийский пех. полк	**3 батальона**	**250 шт., 12 пулем.**
135-й Керчь-Еникальский пех. полк	**3 батальона**	**150 шт., 17 пулем.**
136-й Таганрогский пех. полк	**3 батальона**	**150 шт., 8 пулем.**
34-я артиллерийская бригада	**6 батарей**	**16 легких, 8 тяж. орудий**
Кавдивизион		**80 саб.**

6-я пехотная дивизия
Начдив генерал Звягин

5-й Смоленский пех. полк	3 батальона	300 шт., 15 пулем.
Самурский пех. батальон	3 батальона	300 шт, 20 пулем.
Кавказский пех. полк	3 батальона	300 шт., 15 пулем
6-я артиллерийская бригада		9 легких, 9 тяж. орудий
Алексеевский офицерский кавалерийский дивизион		200 саб.
3-й конный полк 1-й кав. дивизии		150 саб., 9 пулем.
2-й Туземный кав. полк		600 шт., 500 саб.
Партизанский отряд Володина		300 шт., 50 саб.
В ближайшем тылу:		
Гвардейский сводный полк		600 шт.

1-я кавалерийская бригада
Начдив генерал Наумов
Наштадив полковник Байдак

1-я бригада:		
1-й сводный полк		110 шт., 300 саб., 30 пулем.
5-й сводный конный полк		120 шт., 300 саб., 1 пулем.
1-я бригада:		
7-й сводный конный полк		250 саб., 1 пулем.
1-й Гвардейский полк		200 саб., 1 пулем.
1-я стрелковая бригада		400 шт.
Артиллерийская бригада		12 легких орудий

2-я Кубанская кавалерийская дивизия
Начдив Шифнер-Маркевич

Тереко-Астраханская кав. бригада (ген. Агоев)		
1-й Терский конный полк		600 саб., 20 пулем.
1-й Астраханский конный полк		600 саб., 20 пулем.
2-я бригада (полк. Петров)		
2-й сводный Кубанский полк		200 шт., 200 саб., 20 пулем.
Волчий конный полк		400 саб., 20 пулем.
Один артиллерийский дивизион	3 батареи	6 легких орудий
Кавчасть в р-не Агайман (прибыли из Перекопа)		300 шт., 100 саб.
Алексеевская пехотная дивизия		
1-й Алексеевский полк		
2-й Алексеевский полк		условно 1500 шт.
3-й Алексеевский полк		
Запасные батальоны полков 2-го армейского корпуса		3000 шт.
Итого в Приднепровском районе		11280 шт., 5225 саб., 305 пулем., 85 орудий

Александровско-Пологский район	**1-я Армия** **Командарм генерал Кутепов** **2-й армейский корпус** **Комкор генерал Писарев** **Наштадив генерал Достовалов**	
	Марковская дивизия **Начдив генерал Третьяков** **Наштадив полковник Биттенбиндер**	
1-й Марковский полк	**3 батальона**	**400 шт., 45 пулем**
2-й Марковский полк	**3 батальона**	**300 шт., 45 пулем**
3-й Марковский полк	**3 батальона**	**400 шт., 30 пулем**
Марковский кав. дивизион		**150 саб., 6 пулем.**
Марковская артиллерийская бригада	**6 батарей**	**15 легких, 7 тяж. орудий**
Отдельный эскадрон		**25 саб., 4 пулем.**
	Дроздовская пехотная дивизия **Начдив генерал Келлер**	
1-й Дроздовский пех. полк	**3 батальона**	**700 шт., 52 пулем.**
2-й Дроздовский пех. полк	**4 батальона**	**500 шт., 50 пулем.**
3-й Дроздовский пех. полк		**500 шт., 50 пулем.**
Дроздовский кавалерийский дивизион		**200 саб., 4 пулем.**
2-й Дроздовский конный полк		**500 саб.**
Дроздовская артиллерийская бригада	**3 батареи**	**12 легких орудий**
1-й Корниловский конный полк (1-й Кубанский кавалерийской дивизии)		**100 шт., 400 саб., 20 пулем.**
3 неизвестных кавалерийских полка		**условно 100 саб.**
В ближайшем тылу:		
	Корниловская пехотная дивизия **Начдив генерал Скоблин** **Наштадив полковник Капнин**	
1, 2 и 3-й Корниловские полки		**1200 шт., 94 пулем.**
Корниловский кав. дивизион		**200 саб., 4 пулем.**
Корниловская артиллерийская бригада	**6 батарей**	**18 легких, 4 тяжелых орудия**
Запасные батальоны полков 1-го армейского корпуса		**около 4000 шт.**
Итого в Александровском районе		**8100 шт., 2475 саб., 404 пулем., 57 орудий**

2-я кавалерийская дивизия
Начдив генерал Морозов
Наштадив полковник Беликов

2-й кавалерийский полк		**Условно 1000 саб.**
4-й и 5-й артиллерийский полк	**4 батареи**	**12 легких орудий**

Волновахский район

Конные части генерала Винтулова
Начдив генерал Попов
Наштадив полковник Соболевский

3-й Донской Калединский конный полк		**400 саб., 14 пулем.**
4-й Донской Назаровский конный полк		**100 шт., 500 саб., 12 пулем.**
5-й Платовский конный полк		**400 саб., 40 пулем.**
Дзюнгарский Калмыцкий полк		**400 саб., 14 пулем.**
6-й Ермаковский конный полк		**400 саб., 40 пулем.**
Артиллерийский дивизион	**3 батальона**	**8 легких орудий**

3-я Донская дивизия
Начдив генерал Гусельщиков

1-я бригада генерала Коноводова

Гундоровский пех. полк	**3 батальона**	**700 шт., 300 саб., 36 пулем.**
7-й Донской пех. полк	**2 батальона**	**300 саб. (штыков?), 16 пулем.**
10-й Донской пех. полк		**300 саб. (штатов?), 16 пулем.**

2-я бригада генерала Фицхелаурова

8-й Донской пехотный полк	**600 шт, 20 пулем.**
18-й Донской конный полк	**600 саб., 17 пулем.**
Конный дивизион (17-й полк)	**400 саб., 20 пулем.**
Артиллерийская бригада	**20 легких орудий**

4-я Кубанская кавалерийская дивизия

1-й Полтавский конный полк	
2-й Полтавский конный полк	условно 300 штыков,
1-й Таманский конный полк	1000 сабель
2-й Таманский конный полк	

1-я Донская конная дивизия
Начдив генерал Дьяков

1-я бригада:	
Лейб-гвардии Атаманский полк	300 саб., 8 пулем.
Лейб-гвардии Казачий полк	600 саб.
2-я бригада:	
1-й Донской конный полк	300 саб., 20 пулем.
2-й Донской конный полк	300 саб., 11 пулем.
Артиллерийские части	19 легких орудий
В ближайшем тылу (условно):	

Свободная Кубанская дивизия
Начдив Казанович
(сведения об этой дивизии требуют уточнения)

1-й Партизанский Алексеевский полк	600 шт., 16 пулем.
1-й Кубанский стрелковый полк	1000 шт., 16 пулем.
Кубанское Алексеевское училище	500 шт., 2 пулем.
Константиновское военное училище	500 шт., 2 пулем.
Отряд генерала Гаврилова	400 шт., 3 пулем.
Бригада юнкеров	1000 шт.
5-й и 6-й запасные Донские полки	600 шт., 600 саб.
Отряд Государственной стражи	600 шт.
Итого в Волновахском районе	8000 шт., 8400 саб., 289 пулем., 39 орудий
Всего на фронте	27380 шт., 17100 саб., 998 пулем., 23 орудия

В глубоком тылу в Крыму (численность формирующейся, по-видимому, в Крыму 7-й пехотной дивизии неизвестна):

В запасных полках дивизий	условно 5000 шт.
В армейских запасных батальонах	условно 5000 шт.
В частях местного назначения	4000 шт.
Итого в глубоком тылу	14000 шт., 100 саб., 56 пулем.
Всего перед армиями Южного фронта около	41300 шт., 17200 саб., 998 пулем., 249 орудий

Начальник оперативного управления Южного фронта Каратыгин

Военный комиссар Андреев

За начальника разведывательного отделения Тараскин

ТРЕБУЮ СУДА ОБЩЕСТВА И ГЛАСНОСТИ
(Оборона и сдача Крыма)

ВВЕДЕНИЕ

В конце марта 1920 г. слухи об уходе генерала Деникина переставали быть только слухами и имели уже под собой некоторое основание.

Тогдашнее положение рисовалось мне так: прежняя Добровольческая армия безнадежно отступала. Генерал Шиллинг из Одессы приехал в Крым. Чувствовалось что- то тревожное.

Единственными вооруженными силами были войска, беззаветной службой которых был удержан Крым.

Генерал Врангель домогался в это время назначения при генерале Шиллинге. Генерал Деникин ввиду падения Одессы ему в этом отказал. Генерал Врангель все же приехал в Крым.

Положение становилось еще более напряженным. Симпатии общества и большей части войск были на стороне генерала Врангеля. Отношения Врангеля к Шиллингу становятся натянутыми.

Генерал Шиллинг мне заявляет, что генерал Врангель предложил ему сдать командование армией (войск Новороссии и Крыма) ему (Врангелю).

Можно было ожидать приказа об аресте Врангелем Шиллинга и Шиллингом Врангеля.

Тогда я в предупреждение событий послал к генералу Врангелю полковника (ныне генерала) Петровского с поручением передать, что я ничего антидисциплинарного не сделаю, вполне сознаю, что генерал Шиллинг одесской операцией дискредитирован, сам ему заявил в частной беседе об этом, но, как солдат, чести своей не замараю.

Генерал Врангель ответил Петровскому, что он ничего подобного не говорил и вполне меня понимает.

После этого я был и у генерала Шиллинга, и у генерала Врангеля в Севастополе, — оба последовательно были тоже у меня, причем генерал Врангель в личном разговоре со мною заявил, что в случае, если он примет должность главнокомандующего, то обеспечит всех бойцов и их семейства даже в случае несчастного исхода кампании.

Тогда же я познакомился с генералом Шатиловым. Узнаю — на Деникина рассчитывать нечего; войска окончательно ему не верят, начинается кошмарная эвакуация Новороссийска.

В то же время Врангель увольняется Деникиным в отставку и уезжает в Константинополь.

Все симпатии на его стороне.

Я первый ему через графа Гендрикова сообщаю: «ехать

дальше вам нельзя, возвращайтесь — но, по политическим соображениям, *соедините наши имена*, а Шатилову дайте название ну хоть своего помощника».

Такова была обстановка момента.

Эту же самую обстановку в официальном донесении от 12 марта за № 6 представитель штаба главнокомандующего при Крымской группе полковник Нога изобразил следующими штрихами:

На фронте хорошо.

После Юшуньских боев противник отступил от Перекопского перешейка на север, и мы почти потеряли с ним связь; объяснение этого: на Украине в тылу красных поднялось восстание крестьян во главе с Махно, есть много и других партизанских отрядов, которые не дают покоя красным. Мне это ясно видно из красных газет, писем пленных и т. п. И генерал Шиллинг, и генерал Слащов смотрят на эти явления весьма доброжелательно, но не зная, как на это смотрит ставка, конечно, мер к контакту с восставшим Махно и другими — естественно не принимают. Я считаю этот вопрос *первостепенной важности*, ибо вижу в этом спасение общего стратегического положения. Его надо кардинально выяснить, и чем скорей, тем лучше. По-моему, сейчас настолько серьезный момент, что нашим девизом должно быть: «*Кто против красных — все с нами*».

Фронт *исключительно* держится личностью генерала Слащова; человек «особенный», энергичный, безусловно храбрый и не останавливается ни перед чем в достижении успеха на фронте и противодействии развалу в тылу. Он только один удержал Крым до сих пор и он только один, облеченный диктаторскою властью, может его удержать. Назначения генерала Шиллинга и Покровского были ошибками и внесли только запутанность, как в тылу, так и на фронте.

Я особенно боюсь, что последуют еще какие-то новые назначения, что вызовет безусловное ухудшение положения, как на фронте, так и в тылу. Если сможете повлиять, то рекомендуйте до приезда в Крым и до личных переговоров со Слащовым — ничего не предпринимать, иначе нужно ожидать *развала и общей гибели*. Надо помнить, что фронт держится Слащовым, войска его любят и ему лишь *одному верят*, а вся мерзость тыла его лишь *одного боится*.

Отношение к вашей Добровольческой армии и к Главкому почти во всех слоях — отрицательно: высшее офицерство боится, что с прибытием частей генерала Кутепова естественно произойдет двоевластие.

Опасаемся заразы, которую может занести усталое и недовольное офицерство. Боимся, что «орловщина» быстро пополнит в тылу свои ряды недовольными прибывшими. Опасаемся, что среди прибывших окажутся лица, которые пожелают здесь делать старую политику, что может погубить зачатки объединения всех отрядов партизан Украины, действующих ныне против большевиков.

В тылу (Севастополь, Ялта, Керчь и проч.), как всегда, мерзость: паника, спекуляция и политические сплетни, деление на партии, ссоры, доносы и дрязги, — хуже всего, что вся эта мразь ждет вашего приезда, чтобы полезть с бесчисленными проектами, доносами, жалобами и т. д.

Общий вывод:

1) Слащовым держится фронт и тыл. Фронт будет до тех пор держаться, пока он *единолично* будет стоять во главе войск.

2) Отношение к приходящей Добровольческой армии вообще отрицательно.

3) Общество и офицерство с тревогой следят за тем, что должно произойти в течение двух-трех недель (перемены начальствующих лиц, курса политики и т. д.).

Общее состояние: беспокойно-выжидательное. Большевики готовы при первых же промахах — к активным действиям.

Подписал: Полковник Нога

Положение было тревожно.

Далекая еще гроза, казалось, собиралась прорваться со всей силой необузданной стихии. Напряжение росло, и результатом явился вызванный полным упадком духа и желанием от всего отвязаться приказ генерала Деникина № 004247 о знаменитом генеральском совдепе 21 марта 1920 г. Вот он.

Предлагаю прибыть к вечеру 21 марта в Севастополь на заседание Военного Совета под председательством генерала от кавалерии Драгомирова для избрания преемника Главнокомандующего ВСЮР. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина. От Крымского корпуса по боевой обстановке норма может быть уменьшена. Комендант крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальник морского управления, четыре старших строевых начальника флота. Из Донского корпуса генералы Сидорин и Кельчевский и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. Из штаба Главкома начальник штаба и дежурный генерал, начальник военного управления. Генералы Врангель, Улагай,

Богаевский, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков. Феодосия, 20 марта 1920 г. № 004247. Деникин.

Сильно удивил меня этот приказ, и я в состоянии был ответить только так:

Генералу Деникину на № 004247. Ввиду серьезности вопроса, который отразится на всем положении дел, и чтобы я не оказался виновным перед Родиной и чинами своего корпуса, беру на себя смелость доложить, что считаю возможным назначение преемника только Вами, т. к. выборное начало в моей голове не укладывается. Льщу себя надеждой, что Ваше Превосходительство поймет честность моих побуждений, вызвавших эту телеграмму. Жду срочного ответа. Джанкой, 20 марта 1920 г. № 554. Слащов.

Мне все же приказали ехать…

Повторное приказание я, как солдат, исполнил и 21 марта вечером из Джанкоя прибыл в Севастополь.

Впечатление безотрадное.

Генерал Драгомиров не знает, что ему делать, и за всеми ответами обещает обращаться к генералу Деникину. Добровольческий корпус во главе с генералом Кутеповым и Витковским провозглашает «ура» генералу Деникину.

Мне пришлось встать и спросить: «Чему мы служим — делу или лицам?»

И повторить: «Я выборного начала не признаю».

На это генерал Драгомиров спросил меня: «Что же вы не исполняете приказа главнокомандующего? Это не выборы, а военный совет, который только укажет главкому желательную фамилию кандидата».

Я на это ответил: «Приказ главкома исполнил и прибыл сюда. Законы не изменены, и военный совет составляется из старшего начальника (Деникина), который его собирает (и сам должен председательствовать), и непосредственно подчиненных ему начальников, а я тут вижу — до командиров полков включительно. Крымский корпус за то, что он обороняет Крым, выставляет три человека, Донской — шесть, а Добровольческий — тридцать».

Меня поддержали сначала генерал Сидорин, а потом Улагай и Боровский.

Генерал Драгомиров возразил, что он попросит генерала Деникина приравнять крымских представителей к остальным.

На это я ответил, что сказал все, что мог, в выборах

Крымский корпус участвовать не будет, у меня на фронте бой, и я, исполнив приказ, дольше оставаться не могу.

Уехал и к рассвету 22 марта был в бою.

ГЛАВА I
Период с 23 марта по 25 июля

Генерал Врангель приказом генерала Деникина был назначен главнокомандующим. Я немедленно с моими юнкерами и моим конвоем явился в Севастополь и лично командовал парадом при встрече генерала Врангеля, чтобы подчеркнуть мое полное сочувствие происшедшему событию. Видимо, для этой же цели генерал Врангель, как благодарность корпусу, удерживающему Крым, произвел меня в Генерал-лейтенанты, а начальника штаба, полковника Дубяго — в генерал-майоры.

Дело как будто бы шло хорошо.

Но это только так казалось, ибо сейчас же дальше начались домашние счеты.

Переварить того, что кто-то исполнил свой долг и выполнил свою задачу — не могли.

Пошли интриги: задерживали закон о земле, старались под благовидным предлогом убрать коренных защитников Крыма, чтобы дать место многочисленным заштатным; Крымский корпус предложено было переименовать во второй (исполнено); про меня стали распускать слухи, что я заядлый кокаинист и пьяница, всегда находящийся под наркозом.

Я не выдержал и 5 апреля подал рапорт за № 021.

Секретно в собственные руки.

Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России.

Рапорт

I. Мне известно, что многочисленные штабы бывшего Главнокомандующего и Командвойска не вполне уясняют себе сложность переживаемого времени, не понимают современного курса политики и условия новой работы. Замечается перегруженность канцелярий, многочисленность проектов, комиссий, предположений о полной ломке всего того, что может быть и худо, но способствовало удержанию Крыма (внешне и внутренне).

Все это сказалось:

1) Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги, либо болтается из стороны в сторону;

2) Интриги вызывают самые дикие слухи, а причиной этому — нежелание некоторых лиц, делающих

вид, что хотят создать что-то новое, расстаться со старыми местами. (Разрушается моя контрразведка, намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых, а мне не высылают орудий и автомобилей.)

Интриги на маленькой территории Крыма невероятно растут. Борьба идет с коренными защитниками фронта до меня включительно, вторгаясь даже в мою частную жизнь (спирт, кокаин).

II. Сейчас в вашем штабе остались лица керенского направления с добавлением невероятного себялюбия, к этому присоединяется карьеризм и переменчивость взглядов некоторых старших начальников.

1) Утверждаю, что генералы Кутепов и Витковский на военном совете (уход генерала Деникина) во всеуслышание в присутствии командиров полков заявили, что если генерал Деникин уйдет, то они служить не смогут, и провозгласили ему «ура». Это заявление и «ура» на заседании государственной важности было настолько возмутительным, что я считал своим долгом встать и спросить: «чему мы служим — Родине или лицам». — Ответа не было. Сорвав заседание, я приказал отцепить вагон генерала Кутепова от своего поезда. (Войск и пулеметов около вагона заседания и моего вагона было так много, что противник испугался бы.)

2) Генерал Махров и полковник Коновалов портят все дело и подрывают обаяние Вашего имени проведением на государственные должности «лиц», подобных Оболенскому. От Вашего имени посылают телеграммы о возложении всей ответственности за предпринятый мною бой — на меня, чем могли бы сорвать операцию. Бронепоезда задерживаются в тылу, мои настойчивые требования не исполняются, а сегодня их прислали без паровозов. Сменяются лица, работавшие на совесть в тылу для фронта (доктор Вейс). Отменяются отданные мною приказания (комиссии осмотра тыла № 5464), чем подрываются нервы, и так натянутые у всех фронтовых до меня включительно. (Ведь комиссия была создана по просьбе фронтовых — отменил доктор Артемьев).

III. Для спасения Родины и по долгу службы настойчиво осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Превосходительством:

1) Пресечь попытки разных лиц и партий провести у

меня на фронте перемену личного состава, работой которого я был доволен.

2) Поддержать старую печать (*по Вашему* указанию). Открывающиеся новые газеты вызовут осложнения.

3) Объявить себя Диктатором (неограниченным Правителем) без флера, а ясно для всех (для народа).

4) Дать немедленно крестьянам землю (за плату хлебом), а рабочим хлеб за труд.

5) Под благовидным предлогом устранить генералов Кутепова, Витковского, Махрова, полковника Коновалова, доктора Артемьева хотя бы на должности, где интриги их будут бессильны.

6) Вернуть доктора Вейса на пользу фронта.

IV. Я взял на себя смелость подать Вам этот рапорт, потому что не могу работать в создавшейся обстановке (ведь на телеграмму генерала Деникина я ответил донесением, что оборону Крыма ставлю для себя вопросом не только долга, но и чести.

Слово свое сдержал.

Честь свою сохранил и я, тогда, когда уходил генерал Деникин.

Вы это знаете.

Но сейчас, если не изменится обстановка, ручаться за фронт не могу. Интриги разложат фронт.

Поэтому умоляю при Вашем несогласии с моим докладом снять с меня ответственность за оборону Крыма, так как уйти из Армии в тяжелый момент не могу, назначьте меня туда, куда найдете нужным, хотя бы рядовым — я сделаю все, чтобы не повредить делу и не запятнать своей чести.

Прошу этому верить.

V. Подаю этот рапорт Вам, в собственные руки, но ходатайствую, если найдете нужным, прочесть лицам по Вашему усмотрению.

Слащов

Единственным ответом на рапорт была следующая телеграмма главкома:

«Приказ о земельной реформе в том духе, как вы высказываете пожелание, приготовляется и будет опубликован на днях. Врангель».

В то же время я просил наградить корпус особым крестом за защиту Крыма, послав главкому такое письмо:

В собственные руки Милостивый Государь, Петр Николаевич!

Посылаю Вам ряд бумаг, которые прошу, для пользы дела, утвердить теперь же, в особенности — рапорт о кресте. Не откажите приказать сообщить мне Ваше заключение по моему вчерашнему рапорту и личному докладу Вам. Узнал, что у Вас была делегация союзников, — очень прошу Вашей ориентировки по этому вопросу.

Все донесения указывают, что противник опять покушается на нас и густо идет от Мелитополя и Каховки (Днепр). Еду в Перекоп и устрою ему неприятность, Вас прошу оказать мне нравственную поддержку исполнением моих просьб.

Глубоко уважающий Вас
и всегда исполняющий
Ваш приказ Я. Слащов

Ничего исполнено пе было, а дана была бляха на шапку (вроде как у городовых в старое время).

На фронте обстановка опять становилась тревожной, но Крымский корпус вторично исполнил свой долг, хотя и насчитывал всего около 3000 человек. Апрельская атака красных по всему фронту кончилась нашей победой: видя тяжелое положение, атаковали мы сами.

Взяты были даже позиции противника. Доблесть войска спасла все.

Среди наших потерь числились: убитым мой адъютант ротмистр Шебеко и раненой моя жена (ординарец Нечволодов).

Политическая обстановка тоже разъяснилась, и после моего настойчивого заявления о том, что слухи о возможном перемирии разлагают фронт, генерал Врангель нашел возможным отдать приказ о незаключении мира. Я ответил на это приказом:

Главком приказал оповестить всех, что хотя англичанами и был предъявлен большевикам ультиматум о мирных переговорах, но, ввиду новых данных, борьба продолжается, и в условиях для нас самых благоприятных. Одна из великих держав заявила, что ни в какие разговоры с большевиками вступать нельзя. Япония начала энергичные наступления своей

армией против войск и заняла уже Владивосток, Никольск-Уссурийский и Хабаровск; наступление продолжается, причем Главком имеет официальное уведомление Японии, что она ни к каким территориальным завоеваниям не стремится, а ведет борьбу исключительно с большевиками, лишь как с шайкой грабителей, не дающей России зажить мирной жизнью.

Глубоко уважая и веря Главкому, ставящему Родину выше всего, и облеченный его доверием, требую: выдавать каждого преступника, пропагандирующего большевизм. Думаю, что Вы знаете, что как защитить, так и покарать я сумею. Дисциплину ввести самую строгую. Офицерство поближе с солдатом. Ослушники, берегись! № 0236. Джанкой, 13 апреля.

Слащов

А интриги и сплетни продолжались. Ставка продолжала интриговать против защитников Крыма. Думали не о том, чтобы спасти положение, а о том, чтобы устроить себя, своих близких, своих ставленников и устроить свои интересы — до корыстных включительно.

Личность генерала Врангеля стала вполне ясна: он не мог терпеть около себя людей с собственной волей и приближал льстецов, не говорящих неприятностей. Точно так же он не мог терпеть и ореола популярности около кого бы то ни было, кроме себя.

Это он точно формулировал уже накануне падения Крыма словами:

«Пусть будет ремесленник и ограниченный человек, но положительный, от которого я, по крайней мере, знаю, что ожидать».

Я все еще пробовал и бороться, и надеяться, что любовь к Родине возьмет верх, и 21 апреля подал такой рапорт:

КОМАНДИР 2-го армейского корпуса
Генерал-лейтенант
СЛАЩОВ
21 апреля 1920 г.
№ 04893
Ст. Джанкой

Главнокомандующему

ВСЮР

Рапорт

1) Представляю при сем копии: а) приказ № 3014 и б) переговоры мои по Юзу со Ставкой в ночь с 20–21 апреля.

2) Доношу, что мне необходимо было Вас видеть немедленно для доклада по вопросам: а) внешней политики, б) внутренней политики (крупная группа Вами недовольна и пока глухо, но уже довольно ясно подъезжает ко мне, настраивая на перевороте против Вас), в) административным и г) мелким военным.

3) Все это требовало спешного разрешения.

4) Меня до Вас не допускают и стараются оскорбить телеграммами от Вашего имени.

5) Служба при таких условиях для меня невыносима.

6) Прошу верить, что поступлю согласно Вашего приказа и указаний и если мое увольнение Вами нежелательно, то могу заболеть. Единственная моя просьба не высылать меня из Крыма и дать возможность в будущем работать там, где найдете нужным, но в России.

7) Несмотря на секретность (печатает личный адъютант), подача рапорта и прочтение его Вами другим лицам, но Вашему усмотрению, с моей стороны вызовет только благодарность.

Генерал-лейтенант Слащов

События шли, и я видел, что если мы вовремя не атакуем большевиков, они атакуют нас сами; кроме того, при большом скоплении наших войск, у нас не будет хлеба, раз мы останемся в Крыму. Поэтому я настаивал на десантной операции, чтобы взять Мелитополь.

Разработанный подробный план был вручен главкому. Ставка затягивала дело.

Этим вызваны были следующие мои телеграммы.

Телеграфные донесения Главкому

Срочно вне очереди

1) Мне необходимо 27-го сделать доклад Вам при Ком- флоте. Прошу: 1) разрешения выехать этой ночью и 2) указать час для моего доклада. 17 часов 26. IV. 20. Джанкой, № 102-С. Слащов.

2) Жду ответа, когда я могу видеть Главкома для оперативного доклада, но обязательно в присутствии Комфлота. 27 апреля 1920 г. 10 ч. Джанкой. № 103-С. Слащов.

3) В дополнение к докладу 28 апреля. Прибыл в Джанкой. Обстановка диктует мне доложить Вам «скорее». 29 апреля. 11 часов. Джанкой. № 111-С. Слащов.

Не добившись результатов и видя преступную работу Ставки, я подал рапорт о своей отставке:

КОМАНДИР Крымского корпуса
№ 154/с
16 мая 1920 г.
г. Симферополь

Верховному
Правителю
Рапорт

Сознавая неудовлетворительность моей работы при создавшейся обстановке, ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством об увольнении меня в отставку. Если найдете возможным, то прошу о назначении рядовым в одну из конных частей (раненая нога служить в пехоте не позволяет).

Слащов

Рапорт был отклонен, решена была десантная операция, и 25 мая я с потерей одного человека и двух лошадей высадился у Кирилловки со всем корпусом и, двинувшись в тыл противника, занял Мелитополь.

Военный корреспондент газеты «Заря России» так описывает эту мою операцию:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Время перевалило за полночь. Щедрая луна, не жалея, наделяла залив и город ласково-мягким матовым светом. Город

уже спал: ни на бульваре, ни на улицах никого не было, да и не могло быть, так как приказ позволял хождение по улицам только до 11 часов…

Некому было пользоваться прекрасной майской ночью и югом. Тяжелое время гражданский войны, мысли всех людей, кроме «некоторых», строящих свое счастье на несчастье людей, были направлены исключительно в сторону желудка. Изголодавшаяся и напуганная большевистскими бомбометателями с аэропланов, большая часть керчан охотно предпочитала сон поэзии ночи.

Вдоль набережной глубоко вдающегося в полуостров залива стоял без паров и огней, обреченный условиями времени на безработицу, целый ряд шаланд землечерпательного каравана. Их мрачные, особенно при лунном свете, силуэты казались еще мрачнее от сравнения их с военными судами, окружавшими широкий мол. По обыкновению освещенные и всегда проявляющие жизнь военные суда сегодня после полуночи особенно оживились. Все они стояли под парами, и на палубах их шла авральная работа. Было ясно, что суда эти готовятся к выходу в море. Поговаривали о предстоящей большой военно-морской операции. По невидимому для неопытного глаза сигналу с флагманского судна огни были потушены и, снявшись с якоря, первый корабль пошел по каналу к выходу из залива, где стоял на якоре, как дозорное судно, броненосец «Ростислав». За первым пошел второй, третий, и, наконец, весь второй отряд Черноморского флота, вытянувшись в кильватер, бесшумно пошел по каналу. Не доходя до «Ростислава», суда поворачивали на север и, как загадочные тени, скрывались в матовой лунной дали за Еникальским мысом. Солнце еще не разгорелось настолько, чтобы затмить своим светом бледнеющую лупу, когда отряд уже стоял на якоре в маленькой бухточке у мыса Хрони. Живописный скалистый берег его местами был покрыт пятнами, возделанными жителями расположенных на нем чистеньких хуторов. По приказанию, переданному по семафору с флагманского корабля, один из катеров, сопровождавших отряд, обошел все суда, взял артельщиков и отправился на берег за покупкой молочных продуктов. Он вернулся ни с чем, хуторяне не соблазнились кредитками и выразили согласие дать масло и молоко в обмен на сахар, которого, конечно, для этой цели на судах не было. До вечера отряд простоял у мыса Хрони.

Вероятно, на всех кораблях, подобно нашему, экипажи в течение всего дня были заняты разговорами о предстоящей десантной операции, хотя никому еще не были известны ни действующие лица ее, ни место, где она будет происходить.

Ожидали, что этой ночью из Феодосии в Азовское море должны прибыть суда с десантом большой численности и что этот десант будет высажен под городом Мариуполем. В 10 часов вечера флагманский корабль, каковым являлся в это время вооруженный ледокол № 1, так как на нем был и. д. начальника отряда капитан 2-го ранга фон Рейер, снялся с якоря и пошел к Керченскому проливу. За ним в кильватере шли канонерские лодки. До раннего утра, с севера на юг и обратно, у Керченского пролива крейсировал боевой отряд, пока не заметил вышедших из пролива судов. Эти суда взяли курс вдоль Керченского полуострова на север. Флагманский корабль, а за ним и весь отряд полным ходом стали догонять уходившую флотилию. Каждые 15 минут наблюдения насчитывалось все большее и большее число судов, шедших, как оказалось, с десантом.

2-й отряд Черноморского флота, на который возлагалось прикрытие десанта при высадке его на берег, скоро влился в флотилию и по её почину встал на якорь в открытом море. Прибывшие суда пришли с Начальником всего отряда Черноморского флота, капитаном 1-го ранга Машуковым, брейд-вымпел которого развевался на «Гайдамаке». Таким образом, командование всей флотилией, насчитывавшей теперь вместе с вошедшими в нее боевыми судами до 40 кораблей, находилось в опытных руках испытанного в боях моряка, Начальника 2-го отряда судов Черноморского флота, капитана 1-го ранга Машукова. Под его наблюдением и руководством должна была пройти вся десантная операция.

В 12 часов с флагманского корабля был дан выстрел. Это был сигнал — «через час быть готовым к походу». По прошествии часа были даны еще «два выстрела». По этому сигналу надлежало немедленно всем, снявшись с якоря, идти по курсу, заданному Адмиралом, и вскрыть секретные пакеты, до того времени хранившие в себе глубокую тайну о предстоящему походе.

Первым снялось разведывательное судно «Мария» и пошло но указанному ему направлению.

Остальные суда пошли в трех кильватерных колоннах, имея в середине 2-й отряд судов Черноморского флота. В 4 часа дня на вооруженном ледоколе № 1 капитан 2-го ранга фон Рейер отдал приказание офицерам и матросам построиться на полубаке. С мостика он обратился к своему экипажу с краткой прочувственной речью, в которой постарался познакомить его с настоящим кошмарным положением России. Затем он объяснил возложенную на отряд задачу и прочел секретные пакеты.

Теперь ни для кого не было тайной, что десант состоял из славного корпуса генерала Слащова и что он, этот русский

солдат, эта надежда и гордость всех честных русских людей, горячо преданных родине, находится на транспорте «Россия». Генерал Слащов принял на себя исполнение святого подвига высадиться со своим корпусом в Азовском море между дер. Кирилловной и Степановкой и начать трудное дело освобождения страдалицы России от коммунистического ига.

Да поможет ему Бог, — можно было прочесть в глазах матросов и офицеров вооруженного ледокола, прокричавших «ура» генералу Слащову и его корпусу, когда капитан 2-го ранга фон Рейер кончил свою речь. Непоколебимая в своем упорном желании выполнить возложенную на нее трудную и ответственную задачу, флотилия, несмотря на все увеличивающийся шторм, продолжала путь к месту, откуда должно было начаться спасение исстрадавшейся Родины.

Молчаливы и серьезны матросы, еще более серьезен состав славного корпуса. Казалось, что это святое молчание отразилось и на кораблях, тихо следовавших к одной общей цели, с легким, против обыкновения, покачиванием по взволнованному морю.

По мере продвижения флотилии ветер крепчал и с наступлением темноты вылился в характерный шторм Азовского моря, отличающегося свойственной ему одному особенной неровностью волны. Чуть-чуть забрезжил свет в 4 часа по новейшему, когда с флагманского корабля было передано по ратьеру: «Вижу берег — стоп машина», и флотилия остановилась. Из трех походных кильватерных колонн суда начали перестраиваться для высадки десанта на берег. Когда достаточно рассвело, ясно обрисовалась вся в зелени дер. Кирилловна, от которой в сторону дер. Степановки тянулась узкая песчаная коса, отделявшая Азовское море от Молочного озера, расположенного между этими деревнями.

Высадка десанта должна была произойти под дер. Кирилловной у начала песчаной косы. Против этого места, в близком расстоянии от берега, заняли позиции боевые корабли 2-го отряда Черноморского флота: «Грозный», «Алтай» и «Урал»; они прикрывали высадку десанта с левой стороны, с правой же, т. е. со стороны дер. Степановки, эту задачу выполняли «Страж» и вооруженный ледокол № 1, который, кроме того, держал связь со всеми судами флотилии и время от времени крейсировал по всему обороняемому участку. Маленький «Азовец», бывший «Республиканец», взятый на абордаж при ночном набеге на Мариуполь и вооруженный двумя 47-мм пушками Гочкиса, держался в непосредственной близости от места высадки. Флагманский корабль «Гайдамак», на котором был руководивший десантной операцией Начальник 2-го отряда Черноморского

флота капитан 1-го ранга Машуков, подошел к берегу, насколько позволяла осадка корабля. Суда же с десантом встали в море далеко от берега. Спустили шлюпки. Они должны были принимать буксиры от барж и балиндоров, которые подводились к берегу катерами. Матросы, зачастую по горло в воде, заносили буксиры на берег, где закрепляли их за забиваемые в песок мертвецы и колы. Трудность и опасность этой работы при наличии крепкого шторма была несомненна, — шлюпки часто переворачивались. Даже катера, подвозившие баржи к берегу, с трудом боролись с прибойной волной, каждый раз рискуя быть выброшенными на берег.

Баржи подводились катерами к берегу настолько, насколько было возможно, и затем прибойная волна пододвигала их к берегу, разбиваясь от ударов в борт в мириады мелких разлетавшихся во все стороны брызг. Люди, лошади, орудия и повозки достигали песчаной косы по воде. Нередко набежавшая волна совершенно накрывала их. Войска выходили на берег мокрыми с ног до головы.

С каждым часом песчаная коса все гуще и гуще покрывалась высаживаемым десантом. Трудная и, может быть, даже невозможная для простого смертного высадка десанта во время крепкого шторма в руках искусного моряка проходила спокойно и спешно. Спокойно и безропотно выносили тягости ее герои обороны Крыма со святым заветом в сердце очистить Россию от коммунистической нечисти.

Из высаженного десанта отделились 10 всадников и направились в дер. Кирилловку. Еще полчаса, и за ними на рысях ушел туда же целый кавалерийский отряд. До 2000 штыков выстроились в походную колонну и твердым и уверенным в своей правоте шагом пошли за скрывшейся кавалерией.

Полил дождь, продолжавшийся до полудня, а войска все высаживались и высаживались. Когда дождь прошел и небо прояснилось, появился неприятельский аэроплан, выбросивший в воду 7 бомб, но никто не обратил на него должного внимания, кроме «Алтая», обстрелявшего его из зенитного орудия. К вечеру шторм стал стихать и к утру наступившего дня совершенно стих.

Ясное жаркое солнце торопливо принялось сушить промокшую землю и людей, занятых на песчаной косе приведением в порядок своей промокшей амуниции.

Внезапно высаженные войска на косе засуетились и начали спешно выстраиваться. К берегу, по гладкому как зеркало морю, подходили две шлюпки. В одной из них стоял рослый конвоец и держал в руках флаг — в этой шлюпке сидел генерал, а в другой находился его штаб. Когда генерал вышел на берег, то войска уже

были выстроены и стояли смирно.

«Здорово, братья!» — Пронесся громкий голос генерала Слащова по замершим войскам.

«Здравия желаем Ваше… дительство».

«Благодарю Вас за работу Родине».

«Рады стараться Ваше… дительство».

Генерал сел на поданного ему коня и, сопровождаемый немногочисленной свитой, поскакал туда, куда влекла его неведомая сила. А за ним, свернувшись походными колоннами, уходили лучшие сыны выплакавшей все слезы «Матушки России».

К вечеру на ясном небосклоне далеко-далеко от моря обрисовывались белые дымки рвущейся неприятельской шрапнели, а вправо от них был едва заметен неприятельский змейковый аэростат. К морю слабо доносилась отдаленная артиллерийская канонада

Это генерал Слащов со своими богатырями под неприятельскими выстрелами пробивается к Мелитополю.

«Да поможет ему Бог».

Северная Таврия стала нашей.

Взяв Мелитополь, 2-й (Крымский) корпус пошел к северу и северо-востоку. Противник контратаками пытался создать тяжелое положение для корпуса но части доблестного 1-го корпуса помогли, и вот — красные снова разбиты.

Июль принес новые испытания.

В то время как доблестные донцы отбивали атаку за атакой превосходных сил противника между морем и Большим Токмаком, значительные силы красной конницы под командой Жлобы от ст. Пологи прорвались в направлении на Мелитополь.

В помощь моему корпусу двинуты были части 1-го корпуса

Ставка колебалась.

Генерал Коновалов телеграфирует мне: «Движение противника на Мелитополь угрожает Вашему тылу».

Я отвечаю: «Ну что же, я буду продолжать свою операцию».

На это — новый запрос генерала Коновалова: «Но ведь, двигаясь на Мелитополь, Жлоба отрежет Вам тыл».

Отвечаю: «Ну что же, противник на Мелитополь, а я — на Пологи (база красных)».

Жлоба загоняется частями донцов 1-го корпуса и генерала Андгуладзе, и сбивается в кучу. Наши части с юга его не находят.

Генерал Коновалов будит ночью генерала Врангеля и докладывает ему, что надо остановить операцию, так как противник ушел.

По счастью, единственный раз генерал Врангель не поверил

Коновалову и приказал продолжать движение. Конница Жлобы погибла.

После этого части 2-го корпуса были переброшены на Днепровский фронт, а интриги — продолжались…

Так описывает операцию по овладению Северной Таврией беспристрастный зритель.

Другого мнения о ней или, во всяком случае, о моей в ней роли и роли моего 2-го корпуса был главком.

Когда он приехал в Мелитополь, я попросил у него наград для своего корпуса.

— Но за что же, — спросил главком. — Вы даже и потерь не понесли. Вот 1-й и 3-й корпус понесли потери, а у вас их нет. За что же награждать?

Главком был прав: потери мои исчислялись — 40 человек убитых и раненых, 1 вольноопределяющийся утонул и 2 лошади пропали.

Я осмелился ответить, что отсутствие потерь — это достоинство полководца, но ответ мой повис в воздухе…

Из частей моего корпуса ни одна наград не получила.

ГЛАВА II
Каховская операция (с 25 июля по 2 августа)

Когда хотят очернить меня как солдата, когда хотят в чем-нибудь обвинить меня, то неизменно тычут пальцем на Каховскую операцию, которая якобы проиграна именно мною.

Я печатаю здесь дневник этой операции. Из него видно, что не я руководил операцией, не я был ее хозяином, а Ставка, которая, сидя в Севастополе, диктовала мне свои приказы, не давая мне в руки власть самому распорядиться и всегда мешая моим планам…

25 июля

В ночь с 24 на 25 июля началась одновременная переправа красных у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешек.

Воздушной разведкой выяснилось, что наибольшее скопление красных и сосредоточение плавучих средств было у Корсунского Монастыря.

Около 14 часов закончилось исправление моста у Каховки. К 17 часам переправилось до 2000 человек красной пехоты с артиллерией и броневиками и началось наступление на фронте Любимовка — Терны. К 18 часам Терны уже заняты красными, а части нашей 13-й дивизии отходят в район Любимовки. К 19 часам 13-я дивизия от Любимовки переходит в наступление на Каховку. Благодаря фланговому артиллерийскому огню с правого берега и автоброневикам успеха не достигла. Наши технические средства — один броневик, у противника — 5.

От Корсунского Монастыря шло наступление на Большие Маячки. Туда брошена бригада 34-й дивизии с заданием: охватывая правый фланг красных, отрезать их от Корсунского Монастыря. 13-й дивизии приказано содействовать этому (приказание № 584-Ш).

У Алешек батальон феодосийцев отбросил передовые части красных. Начальнику сводно-конной бригады приказано передвинуть из Рубановки две с половиной конных сотни с двумя орудиями на Дмитриевку.

Для обеспечения левого фланга и приобретения свободы маневрирования я прошу главкома немедленно ввести наш флот в устье Днепра (№ 59-П).

Для того чтобы 13-я дивизия не была отрезана от корпуса и для прикрытия Чаплинского направления ей приказано до рассвета 26 июля совершить фланговый марш и сосредоточить дивизию в районе Могила Высокая — Каменный Колодезь (№ 585-Ш).

Расположение частей к вечеру 25 июля: 13-я дивизия у Любимовки, 2-я бригада 34-й дивизии ведет бой у Корсунского Монастыря и Британы, 1-я бригада той же дивизии находится в районе Казачьи Лагери — Алешки — Голая Пристань. 8-й кавалерийский полк — корпусный резерв — передвинут в Черненьку.

Сведения о противнике: 1) Каховская группа — мост исправлен и переправилось до 2000 человек пехоты. Особого сосредоточения у Бериславки не замечено. У Корсунского Монастыря идет усиленная переправа всей 15-й стрелковой дивизии на баржах и пароходах. У Алешек переправилось до 1000 человек пехоты.

Придавая большое значение Каховскому направлению, я приказал 13-й дивизии не позже 20 часов 25 июля уничтожить переправившегося противника у Каховки. Бросить еще какие-либо силы на Каховку не представлялось возможным, так как бригада 34-й дивизии вела бой с крупными силами красных, наступающих от Корсунского Монастыря на Большие Маячки. Ночная атака 13-й дивизии успехом не увенчалась и ее начальник по этому поводу донес: «В сегодняшнем бою участвовали все части дивизии одновременно и одновременной атакой с востока и юга дивизии удалось ворваться в Малую Каховку. Контратакой больших масс противника при поддержке 5 броневых машин, с охватом конницей нашего левого фланга, дивизия была потеснена, понеся большие потери, и, несмотря на личное участие моего штаба, всех командиров полков, части дивизии удалось остановить лишь у дер. Любимовки. Дивизия понесла тяжелые потери, не менее половины состава. Считаю своим долгом доложить, что боеспособность частей значительно понизилась. В случае нового налета конницы с броневиками, при отсутствии у меня конницы, за благоприятный исход ручаться нельзя» (№ 03092).

Таким образом, первый удар по переправившимся красным закончился неудачей, благодаря огромному превосходству сил и технических средств противника.

На 26 июля приказано (№ 453-Н): 1) 13-й дивизии в 7 часов атаковать Каховку; 2) бригаде 34-й дивизии — Кор- сунский Монастырь; 3) Туземному дивизиону перейти в Лукьяновку; 4) 8-му кавалерийскому полку — в Черненьку.

26 июля

Ночь прошла спокойно. 13-я дивизия, совершив после тяжелого боя тридцативерстный фланговый переход, к утру прикрыла Чаплинское направление. 34-я дивизия продолжает наступление на Британы и Корсунский Монастырь. Красные оказывают упорное сопротивление, стремясь охватить, благодаря своему численному превосходству, наши фланги (донесение № 1037-0). Разъезды красных направлялись от Любимовки на Дмитриевку. Большие силы красных обнаружены у мостовой переправы у Берислявля, передовые части у хутора Терны. У Алешек ведут бои два батальона 133-го и 134-го полков (донесение № 1038-О).

Разведкой и пленными установлено: Каховскую группу красных составляют: Латышская и 52-я и условно 13-я дивизии с 5 броневиками и до 400 кавалеристов; переправа красных у Корсунского Монастыря значительно уменьшилась; у Корсунского Монастыря идет бой.

Генкварглав в разговоре с начальником моего штаба сообщил о направлении к нам конного корпуса, который 28 июля должен сосредоточиться в районе Серогоз, а 29-го или 30-го уже сможет вступить в бой. В результате двух атак 34-й дивизии Корсунский Монастырь взят нами; захвачено свыше 400 пленных. 1-я и 2-я бригады 15-й дивизии красных понесли значительные поражения. 3-я бригада (красных) отошла на Британы. Против нашей 13-й дивизии красные под вечер перешли в наступление тремя полками (донесение № 1042-О).

Имея в виду возможно скорее разделаться с красными у Корсунского монастыря и сосредоточить все силы против Каховской группы, я приказал начальнику 34-й дивизии, по ликвидации красных, оттянуть бригаду в Большие Маячки, оставив у монастыря один лишь батальон.

Расположение к 24 часам: 1) 13-я дивизия в районе Могила Высокая — Каменный Колодезь, 2) 2-я бригада 34-й дивизии в районе Британы — Корсунский Монастырь, два батальона 133-го и 134-го полков у Раденское, один батальон 134-го полка — Голая Пристань; 8-й кавалерийский полк — Черненька, Туземный дивизион — Натальино (донесение № 1043-0).

Вечером отдано следующее распоряжение начальникам 13-й и 34-й дивизий (596-Ш): «Боями и разведкой обнаружено, что противник решил нанести главный удар со стороны Каховки… 34-й дивизии с наступлением темноты 26 июля, оставив против Корсунского Монастыря симферопольцев, с батальоном феодосийцев и одной батареей, всю вторую бригаду сосредоточить к рассвету 27 июля в Черненьку. 13-й дивизии вести разведку и наблюдение за противником, не предпринимая

изолированных выступлений». Таким образом, к вечеру 26 июля вполне выяснился план красных. Принято решение разбить Каховскую группу, и части корпуса принимают для этого соответствующее положение.

27 июля

В течение этого дня 13-я дивизия вела упорнейший бой с превосходными силами противника. Последние, закончив переправу у Каховки, повели наступление на широком фронте. До 14 часов 13-я дивизия отбила ряд атак, удерживаясь у Могилы Высокой. 8-й кавалерийский полк, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии, вел бой с колонной севернее Черненьки, где наступала пехота с двумя броневиками. В 15 часов обозначился глубокий обход правого фланга 13-й дивизии, произведенный красной бригадой 52-й дивизии с конным полком, которые вышли на Чаплинскую дорогу в тыл нашей 13-й дивизии, отрезав ей путь отхода. Благодаря контратаке 50-го полка и содействию нашей артиллерии, стрелявшей на картечь, обходящая бригада красных была совершенно разбита и почти уничтожена.

Ввиду усиливающейся переправы у Алешек части наших 133-го и 134-го полков и отряд капитана 2-го ранга Рыкова начали отход на юг — юго-восток. В районе Британы и Корсунского Монастыря — небольшой бой.

Расположение к 24 часам: 13-я дивизия в районе Могила Высокая — Каменный Колодезь; у Корсунского Монастыря — батальон 133-го полка, у Раденского — два батальона 133-го и 134-го полков с батареей. На Скадовск с отрядом капитана 2-го ранга Рыкова отходит батальон 134-го полка с батареей; 2-я бригада 34-й дивизии заканчивает сосредоточение в Большие Маячки, откуда должна перейти в Черненьку. 8-й Кавалерийский полк в Черненьке, Туземный дивизион — в Натальино.

Потери корпуса с 25 по 27 июля включительно около 500 человек. Взято пленных около 700 человек.

Сосредоточение красных: главные силы у Каховки с заслоном у Британы, вспомогательная группа продолжает переправу у Алешек.

К ночи 27—28-го конный корпус сосредоточился в районе Серогоз.

Телеграммой № 007542 начальник штаба главкома сообщает, что при настоящей обстановке на фронте Днепра главком считает невыгодным вводить части генерала Барбовича в дело, поэтому 28 июля части генерала Барбовича будут иметь дневку.

Дежурный по штабу передал, что для того, чтобы принять окончательное решение для направления удара конного корпуса, начальник штаба просит с утра 28-го произвести тщательную воздушную разведку в районах — Каховка — Капры Западные — Дмитриевка — Черненька, выяснив, имеются ли у красных в районе Любимовка — Каховка окопы.

Таким образом, части 2-го корпуса три дня уже сдерживают превосходные силы красных, нанося им большие потери и сами ослабляя свой состав и теряя силы. Поэтому назначенная конному корпусу дневка вряд ли соответствовала обстановке, т. к. во-первых, переправа красных уже закончена и, во-вторых, противник приступил к укреплению тэт-де-пона.

На 28 июля приказано (приказ № 044): 13-й дивизии, отойдя на ночь на линию Черной Долины, активно оборонять Чаплинское направление. 2-ю бригаду 34-й дивизии — отвести в резерв в Преображенку. Части 133-го и 134-го полков оттянуть от Корсунского Монастыря и Казачьих Лагерей к хутору Марьяновскому, что в 6-ти верстах северо-восточнее Белоцерковки; для обеспечения левого фланга 13-й дивизии — 8-му кавалерийскому полку перейти в Преображенку. Батальонам 133-го и 134-го полков продолжать прикрывать направление от Алешек на Большие Копаны и Скадовск.

Таким образом, по-прежнему почти весь корпус сосредоточен на главнейшем Каховском направлении — и только три батальона и отряд Рыкова обеспечивают левый фланг.

28 июля

Отбив к 23 часам 27 июля все атаки красных, введших в бой свежие латышские части, 13-я дивизия около 24 часов начала отход из района Могилы Высокой к Черной Долине. Отход благополучно закончен к 3 часам, и дивизия заняла одной бригадой позицию севернее Долины, другая — в резерве — хутор Балтазаровка. 34-я дивизия в течение ночи произвела перегруппировку, согласно приказу № 044.

Утренняя воздушная разведка сообщила: у Корсунского Монастыря большое оживление и вновь начавшаяся переправа на наш берег (до 1000 чел.). Движение отсюда на запад и юго-запад.

С утра продолжались атаки красных на участок 13-й дивизии с фронта и обходом правого фланга конницей и пехотой по Журавлиной Балке. По Чаплинской дороге впереди шли 4 броневика, за ними кавалерия и дальше пехотные цепи. В 14 часов начались атаки. Дер. Черненька занята красными,

выделившими отсюда части на Большие Маячки.

Общая группировка красных: в районе Дмитриевка — Каховка — Черненька — х. Зеленый — части 52-й пехотной и Латышской дивизии, причем главные силы ведут наступление по Чаплинской дороге численностью до 1000 человек пехоты, 10 легких орудий, несколько тяжелых и 4 броневика. По обе стороны этой наступающей группы двигаются боковые и разведывательные отряды; от Каховки на Дмитриевку и далее в направлении на Круглое около роты пехоты с кавалерией; в районе хутора Зеленого замечено сосредоточение значительных сил противника до 200 человек пехоты и около 400 конных двигаются на Самовку; от Каховки на Черненьку наступает полк пехоты и полк конницы с одним броневиком (до 600–700 человек); у Корсунского Монастыря продолжается переправа: на наш берег до 800 человек 15-й красной стрелковой дивизии. В районе Алешек до 1000 человек красных (Херсонская группа), наступающих частью на Раденское, частью на Голую Пристань. Все атаки красных на 13-ю дивизию отбиты. Последняя атака была в 20 часов.

Расположение частей к 24 часам: бригада 13-й дивизии с дивизионом легкой артиллерии, 2 тяжелыми орудиями и броневиком — на позиции в двух верстах севернее Черной Долины, по обе стороны Чаплинской дороги. В Натальино выслана сотня Туземного дивизиона. У Балтазаровского в резерве 2-я бригада 13-й дивизии с легкой батареей, полторы сотни Туземного дивизиона с двумя легкими орудиями и конный дивизион 13-й дивизии. В хуторе Марьяновском, что на дороге между Чаплгапсой и Большие Маячки, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии, 2 батальона 133-го и 134-го полков с батареей (отошедшие с участка Корсунский Монастырь — Казачьи Лагери). Для разведки района Черненька — Большие Маячки выслан один эскадрон с пулеметами от 8-го кавалерийского полка. В Раденском один батальон 133-го и один батальон 134-го полков; у Голландских хуторов отряд Рыкова. Корпусный резерв — Преображенка — 2-я бригада 34-й дивизии и 1-й кавалерийский полк.

Боевой состав: 13-я дивизия — 1000 строевых, 50 пулеметов, 12 легких и 2 тяжелых орудия, 3 орудия Гочкиса, 64 сабли и один броневик, Туземного дивизиона —200 сабель, 5 пулеметов, 2 орудия (70 процентов лошадей с набитыми спинами, отчего дивизион почти не боеспособен). 34-я дивизия — 1300 строевых, 80 пулеметов и 14 орудия.

К 4 часам по требованию Ставки для отдачи директивы были сообщены в Ставку все эти сведения, а также мое мнение в следующей телеграмме (№ 40136):

«Генквармглаву. На основании обстановки считаю необходимым:

1) До сумерек 29 июля разведке конной группы не переходить меридиана Дмитриевки.

2) С рассветом 30 июля всей конной группе выдвинуться на фронт Каховка — Каменный Колодезь.

3) Я с 2-м корпусом дальше параллели Магдалиновка не должен отходить.

4) С рассветом 30 июля должен атаковать впереди стоявшего противника с тем, чтобы направить часть сил на Большие Маячки, Корсунский Монастырь и по дороге Чаплинка — Алешки.

5) Позднее 30 июля производить операцию считаю вредным, так как противник отгадает наш план. Судя по перехваченным приказам, он уже предчувствует его.

Слащев».

И действительно, по захваченному приказу было видно, что движение конного корпуса было обнаружено воздушной разведкой красных 27 июля на участке Веселое — Дека.

Вечером получена директива Главкома № 007552 следующего содержания: «Каховская группа противника сегодня продолжала медленное продвижение на юг и юго-восток с целью создания группировки для перехода в решительное наступление.

«Главком приказал:

1) Конной группе ген. Барбовича к утру 29-го сего июля перейти в район Константиновки — Куликовского, имея в виду, выступивши отсюда в ночь на 30 июля, на рассвете 30 июля атаковать Каховскую группу противника, овладеть Каховской переправой и отрезать от нее красных.

2) Генералу Слащову, сдерживая 29 июля натиск противника, иметь в виду на рассвете 30 июля решительный переход в наступление, нанеся главный удар в правый фланг Каховской группы. Севастополь, 28 июля 1920 года.

Шатилов».

Таким образом, мой план был принят главкомом, и генералу Барбовичу ставится совершенно правильная задача: атаковать Каховскую группу противника и овладеть Каховской переправой, в то время как 2-и корпус должен нанести главный удар в правый фланг Каховской группы красных. На 29 июля отдан приказ по корпусу № 046:

1) 13-й дивизии, активно обороняя Чаплинское направление, сосредоточить к утру 29 июля главные силы на участке Масловка

— Кошара, прочно удерживаясь передовыми частями пехоты у х. Балтазаровского.

2) 34-й дивизии: 2-й бригаде, состоящей в корпусном резерве, оставаться в Преображенке; двум батальонам 133-го и 134-го полков с батареей — оставаться в х. Марьяновском, обеспечивая левый фланг 13-й дивизии. Двум батальонам 133-го и 134-го полков с батареей удерживать Большие Копани, обеспечивая Алешкинское направление. 8-му кавалерийскому полку стоять в Преображенке.

29 июля

С 20 часов 28 июля до 2 часов 29 июля пехота красных, поддержанная автоброневиками, неоднократно атаковала 13-ю дивизию, но атаки были отбиты нашим огнем и контратакой. В 2 часа красные, усилившись свежими латышскими частями, вновь атаковали 13-ю дивизию, обходя ее левый фланг; контратакой наших частей красные были отброшены с большими потерями. На рассвете атаки красных повторились. В 14 часов обнаружены значительные колонны красных, двигающихся от Черненьки и Большие Маячки на юг. Атаки красных на 13-ю дивизию все усиливались. С 17 часов красные заняли Черную Долину, но были оттуда выбиты конным дивизионом начальника штаба 13-й дивизии с броневиком. Около 19 часов 3-й кавалерийский полк, ввиду обнаружившегося глубокого обхода красных со стороны Большие Маячки, был передвинут в Александровку с целью переброски на Скадовск и Белоцерковку, занятые противником. В этом районе, по сведениям местных жителей, сосредоточилось до 2 тысяч человек пехоты красных с двумя батареями. Вечерняя воздушная разведка выяснила наличие окопов у Терны, Любимовки и х. Лукьянова, густо занятых пехотой противника. Черненька и Большие Маячки заняты красными, равно как и район к югу до Белоцерковки.

Таким образом, наибольшие силы красных к вечеру 29 июля были обнаружены в районе Черненька — Большие Маячки — Белоцерковска — х. Марьяновский; численность их до 6 тысяч человек пехоты с артиллерией и броневиками. На Алешкинском направлении передовые части красных дошли до Бриловки.

Вечером послан аэроплан в конный корпус с подробной ориентировкой, причем указывалось, что на рассвете 30 июля 2-й корпус с главными силами перейдет в наступление из района Скадовска — Алсксандровки на север и северо-восток. К вечеру к Александровке подтянута 2-я бригада 34-й дивизии.

На мой запрос, кто будет руководить настоящей операцией — Ставка сообщила, что руководить будет главком.

В 18 часов получена директива главкома № 007288, в которой указывалось в пункте 3: «Генералу Барбовичу выступить в ночь на 30 июля и на рассвете, выставив заслон против красных, занимающих Каховку, ударить в тыл противника, действующего против генерала Слащова и, совместно с частями последнего, разбить красных, не дав им отойти на Каховскую и Корсунскую переправы. По установленной непосредственной связи с частями генерала Слащова поступить в его подчинение. Генералу Слащову перед рассветом 30 июля атаковать противника, нанеся главный удар в общем направлении на Большие Маячки — Каховка».

Таким образом, первоначальный план, сообщенный директивой 28 июля № 007552, по-видимому, отпадает, и вместо нанесения главного удара на Каховку и занятия Каховской переправы главком приказыает выставить против лишь заслон.

На 30 июля отдан приказ № 048:

«1) Генералу Барбовичу в 6 часов 30 июля выдвинуть все свои пешие части для атаки Каховки, направив конницу левым флангом на Черненьку — Большие Маячки, и вместе с 13-й дивизией уничтожить красных к северу от указанной линии и овладеть Корсунским Монастырем.

2) Генералу Андгуладзе с первой бригадой и Туземным дивизионом начать наступление в 7 часов на Каховку и, объединив в этом районе командование всей пехотой (пешие части генерала Барбовича), взять Каховку и овладеть переправой через Днепр.

3) Генералу Теплову в 7 часов начать наступление с линии х. Марьяновский для атаки Белоцерковской группы красных, разбив которую, продолжать наступление на Большие Маячки — Корсунский Монастырь.

4) 8-й кавалерийский полк должен наступать на Белоцерковку, охватывая ее с юго-запада и запада, и, разбив совместно с 34-й дивизией находящихся здесь красных, наступать далее через Малые Маячки на Казачьи Лагери и Алешки.

5) Двум батальонам 133-го и 134-го полков, от Сопково перейти в наступление на Большие Копани и далее на Алешки.

6) Капитану 2-го ранга Рыкову с батальоном 134-го полка и своим отрядом перейти в наступление из Скадовска на Буркуты — Голую Пристань.

7) Корпусной резерв: бригада 13-й дивизии с батареей — дер. Скадовка».

Таким образом, большая часть сил 2-го корпуса по- прежнему сосредоточена на главнейшем направлении, причем вполне

учитывая значение Каховской переправы для атаки укрепленной позиции направляется бригада 13-й дивизии и пешие части генерала Барбовича; для ликвидации же 6 тысяч группы противника, сосредоточенной в районе Большие Маячки — Черненька — х. Марьяповский — Белоцерковска, направляются с фронта бригада 34-й дивизии и в тыл конница генерала Барбовича. Второстепенное направление на Алешки, несмотря на занятие противником Бриловки, обеспечивается лишь двумя слабыми батальонами 133-го и 134-го полков (около 250 человек).

30 июля

Вместо атаки на рассвете части генерала Барбовича выступили только в 6 часов из района сосредоточения, откуда должны были пройти около 30 верст (из района х. Куликовского — Константиново). В 7 часов 2-й корпус перешел в наступление. Белоцерковская группа красных оказала упорное сопротивление, но, атакованная с правого и левого флангов частями 34-й дивизии и 8-го кавалерийского полка, начала отход на Большие Маячки, преследуемая бригадой 34-й дивизии. 8-й кавалерийский полк, обеспечивая левый фланг этой бригады, наступал на Малые Маячки, откуда обозначилось наступление красных. В 8 часов 50 минут передовые части генерала Барбовича проходили линию — х. Чокрак — х. Гладково (свыше 20 верст до Каховского района); наш аэроплан бросил вымпел генералу Барбовичу о необходимости ускорить движение. Воздушная разведка сообщает об отходе красных от х. Марьяновского и о том, что район Черненька — Марьевка — Большие Маячки забит отходящей пехотой красных.

Наступление 13-й дивизии протекало успешно, но части медленно продвигались на север, дабы не отбросить красных до подхода частей генерала Барбовича. Пленными обнаружены здесь Латышская и 52-ая красные дивизии. К 15 часам 13-я дивизия подошла к Каменному Колодезю. 34-я дивизия, ведя бой с арьергардами красных, упорно задерживающихся, наступает на Больше Маячки и находится на линии Марьевки, 8-й кавалерийский полк ведет бой у Малые Маячки. Дневная воздушная разведка обнаружила у Бериславской переправы скопление переправляющихся обозов. Перед Каховкой вырыто два ряда окопов, занятых красными. С ними артиллерия.

В 16 часов передовые части генерала Барбовича вышли на Чаплинскую дорогу. Пешая бригада с юнкерским полком, войдя в

связь с 13-й дивизией, направляется в северо-западном направлении для атаки Каховки.

Первая кавалерийская дивизия, шедшая в голове конницы генерала Барбовича, настигнув отходящую бригаду латышей в районе Могила Высокая, атаковала и изрубила до 400 красных, после чего продолжала наступление на Черненьку. В то же время 34-я дивизия овладела Большими Маячками и продолжала преследование красных на Корсунский Монастырь. В районе Черненьки 2-я кавалерийская дивизия атаковала красных, отходивших из Большие Маячки и Марьевки и почти совершенно уничтожила их, взяв около 2000 пленных и 3 орудия. Бригада 2-й кавалерийской дивизии направлена на Корсунский Монастырь, 8-й кавалерийский полк до наступления темноты вел упорный бой у Малые Маячки, но после ряда атак выбил противника и занял Малые Маячки. Противник из Малые Маячки отошел в Большие Маячку и, пользуясь отсутствием здесь наших частей, занял, выйдя, таким образом, в тыл 34-й дивизии. У Каховки с 18 часов завязался упорный бой. Несмотря на стремительные наши атаки и бомбометание наших аэропланов, красные удерживали свои позиции и нанесли нам большие потери. Отлично учитывая обстановку и необходимость скорейшей ликвидации Каховской группы противника, не дав ей возможности усиливаться за счет отходящих, я в 21 час послал начальнику 13-й дивизии следующую телеграмму (№ 610-Ш): «Если будете медлить — упустите противника. Неужели не сможете маневрировать сегодня же, и, пользуясь разгромом Каховки аэропланами, сбросить противника в Днепр. Слащов».

Одновременно с этим было приказано (644-III) направить для атаки Каховки и 2-ю Донскую дивизию с тем, чтобы 30 июля обязательно взять Каховку и занять Бериславль во исполнение телеграммы главкома N® 007334. К сожалению, приказание это не дошло до генерала Барбовича, ввиду перерыва связи, и 2-я Донская дивизия прошла на Черненьку. В 20 часов 10 минут телеграмма главкома № 007334 была передана для исполнения 13-й и 34-й дивизиям, но повторные атаки частей генерала Андгуладзе не дали никакого результата.

Причины неудачи: 1) бесконечное утомление частей генерала Андгуладзе, которые уже 6 дней вели непрерывные бои с превосходными силами противника, 2) атака после 30-верстного перехода в сильнейшую жару по совершенно безводной местности и 3) сильно поредевшие ряды бойцов 13-й дивизии, где фактически остались только кадры.

В 18 часов дежурный по штабу главкома сообщил, что главком к утру 31 июля приказал всю группу генерала Барбовича

отвести в Черненьку, где 31 июля дать ей отдых, после чего она должна быть переведена в район Серогоз в связи с угрожающим положением на фронте генерала Кутепова. Получив это приказание, начальник моего штаба, по моему приказанию, вызвал начальника главного штаба к аппарату и сообщил ему о невозможности немедленно вывести из боя корпус генерала Барбовича. Причины: 1) Каховская группа красных не ликвидирована и по своей численности представляет большую угрозу нашему правому флангу; 2) у Корсунского Монастыря идет бой; 3) слабые силы 2-го корпуса не дадут возможности самому закончить операцию.

Ввиду всего этого я просил оставить части генерала Барбовича до 12 часов 31 июля, рассчитывая атаковать Каховку на рассвете. Главком разрешил, но приказал усиленно беречь конницу, не подвергая ее артиллерийскому огню с правого берега Днепра. Об этом отдано приказание 617-шр., а начальнику 34-й дивизии приказано (№ 648-Ш) ликвидировать Каховскую группу противника не позже 12 часов 31 июля. Корпусной резерв переведен в Черненьку.

Расположение частей к вечеру 30 июля: пешие части генерала Барбовича (генерал Максимов) — на правом фланге против Каховской позиции. В центре и к западу от большой Чаплинской дороги — бригада 13-й дивизии. 1-я кавалерийская и 2-я Донская дивизии — Черненька. Бригада 2-й кавалерийской дивизии — Корсунский Монастырь, 8-й кавалерийский полк — Малые Маячки, 2-я бригада 34-й дивизии — между Большие Маячки и Корсунским Монастырем — там же два батальона 133-го и 134-го полков. Корпусной резерв — бригада 13-й дивизии на пути из Белоцерковки в Черненьку.

В итоге дня красным нанесено сильное поражение: их 15-я стрелковая дивизия, группировавшаяся в районе Белоцерковка — Большие Маячки — Черненька, совершенно уничтожена, то же с Латышской бригадой, бывшей у хутора Терны. Тем не менее, овладеть Каховкой в первый же день не удалось и, кроме того, небольшие группы красных продолжали удерживаться частью у Корсунского Монастыря и частью — у Большие Маячки.

За день боя взято: частями генерала Барбовича — около 2000 пленных и 3 орудия и 34-й дивизией — около 1200 пленных.

31 июля

Ночная атака на Каховку окончилась неудачно. Бывшие на левом фланге 13-й дивизии чеченцы наткнулись на заставу

красных и все разбежались. В тылу 34-й дивизии — Большие Маячки заняты красными и связь с дивизией прервана. Части 2-го корпуса и генерала Барбовича сильно устали. Вся эта обстановка телеграммой (№ 621-ш) доложена главкому, причем я испрашивал разрешения о продлении данного мне срока для ликвидации красных у Каховки и Корсунского Монастыря до 15 часов 31 июля. Телеграммой за № 007348 разрешение дано.

Перед рассветом 136-й полк, повернувшись кругом, атаковал Большие Маячки и выбил оттуда красных, отошедших на Казачьи лагери, после чего бригада 34-й дивизии совместно со 2-й Донской дивизией преследовала красных, отходящих на Корсунский Монастырь и Казачьи Лагери, с целью скорейшего их уничтожения. В Каховском районе около 8 часов красные повели наступление от хутора Терны против 13-й дивизии, находившейся в районе Могила Высокая. Атака красных была отбита, и в 9 часов 30 минут части генерала Андгуладзе перешли в наступление на Каховку. 1-я кавалерийская дивизия должна обеспечить левый фланг генерала Андгуладзе и содействовать его атаке в направлении на Каховку.

Наша атака вновь отбита и части снова понесли тяжелые потери.

Каховская позиция красных состоит из двух узлов у Любимовки и у хутора Терны с окопами полной профили в 2 ряда. Впереди небольшие окопы, занятые охранением. От Любимовки до Чаплинской дороги располагается 52-я дивизия с 1-м гусарским полком. Хутор Терны занимается Латышской бригадой. В резерве 54-я стрелковая дивизия. Артиллерия красных — на левом берегу: 9 батарей, из них 2 тяжелых, на нравом берегу 3 батареи, из них 2 тяжелых. Итого 12 батарей (около 40 орудий) и до 7 тысяч пехоты с 6 автоброневиками.

В 15 часов Латышская бригада (до 700 штыков) с броневиками яростно атаковала 13-ю дивизию. Атака при содействии частей генерала Максимова отбита. Красные ведут ураганный артиллерийский огонь. Одновременно с этим обнаружилось наступление красных на Черненьку; 1-я кавалерийская дивизия опрокинула красных и, оставив здесь для связи с 13-й дивизией один полк, с тремя остальными — направилась в обход правого фланга противника на Ключевой Балке. Воздушная разведка сообщает об оживлении у Бериславля.

Часть обозов переправляется на правый берег. К Алешкам отходит около бригады красных. В 16 часов началась решительная атака красных. Красные встретили наши части сильнейшим артиллерийским огнем, ведя на важнейших участках заградительный огонь, а с правого берега Днепра — фланговый

огонь по нашим наступающим частям.

Наступление вначале развивалось успешно.

Части генерала Максимова выдвинулись на линию Любимовки, 13-я дивизия подошла вплотную к хутору Терны, 1-я кав. дивизия овладела Ключевой Балкой. Особенное упорство проявляли латыши, и был случай, когда один латыш с винтовкой в руках вскочил на наш броневик.

Около 18 часов красные перешли в контратаку, пустив впереди себя броневики. Наши части не выдержали и перешли к обороне.

В районе Корсунского Монастыря противник совершенно ликвидирован; группа его, отошедшая от Большие Маячки на северо-запад, уничтожена частями 34-й и 2-й Донской дивизии. Два батальона 133-го и 134-го полков полковника Шевченко с батареей, совершив 50-верстный переход, к вечеру настигли красных, отходивших от Казачьих Лагерей на Алешки, частью их уничтожили, частью взяли в плен и заняли Алешки. Отряд Рыкова выступил из Скадовска и следует в направлении на Голую Пристань.

Таким образом, несмотря на полное напряжение сил, уничтожить Каховскую группу красных и выполнить задачу к 15 часам не удалось. При таких условиях, учитывая наличность сил красных у Каховки, генерал Барбович донес, что вывод его частей из боя, до уничтожения красных у Каховки, является невозможным, о чем просил доложить и главкому. На это последовало приказание главкома: «Части генерала Барбовича к 23 часам 1 августа вывести в район Черненька — х. Сукур — в резерв главкома».

Неуспех атак Каховской позиции красных 31 июля по-прежнему объясняется:

1) Невозможностью использовать конницу для атаки укрепленной позиции из боязни больших потерь ее.

2) Слабой численностью и огромным утомлением пехотных частей, направленных для атаки.

3) Значительным превосходством сил красных, как в пехоте, так и, в особенности, в артиллерии.

4) Наличностью укрепленных позиций и необыкновенным упорством латышей, не обращающих внимания даже на бомбы с аэропланов.

Привлечь в этот день для атаки Каховки части 34-й дивизии не представлялось возможным ввиду занятия красными Большие Маячки и расстояния около 20 верст. По ликвидации же группы красных, отошедших от Большие Маячки, было решено усилить нашу пехоту у Каховки.

На 1 августа отдано приказание № 050, которым руководство по атаке Каховской позиции было передано генералу Барбовичу с усилением Каховской группы 136-м полком с 3 батареями, а также 2-й бригадой 13-й дивизии (корпусной резерв). 136-й полк должен был активно оборонять участок Британы — Казачьи Лагери, заканчивая уничтожение мелких партий красных, 2-я Донская дивизия оставлялась в резерве в Черненьке. При этом, согласно неоднократных приказаний главкома, генералу Барбовичу приказано всемерно беречь юнкеров и конницу.

1 августа

С утра завязался бой у Каховки. В 9 часов около одной бригады красных повели наступление вдоль Чаплинской дороги против частей 13-й дивизии; наступление отбито. Из опроса пленных выяснилось, что им приказано держаться у Каховки во что бы то ни стало, до подхода, якобы, конницы Буденного. Нашу атаку генерал Барбович решил отложить до 15 часов, чтобы закончить перегруппировку, при этом начальник штаба конного корпуса в разговор с с начальником моего штаба указывал, что красные у Каховки очень сильны и что для выполнения задачи генерал Барбович считает, что полумер быть не должно: или совсем не пускать конницу в бой, или же выполнять задачу, если она нужна, не считаясь с потерями. Разговор этот был передан главкому, причем в разговоре с начальником главного штаба начальник моего штаба просил дать определенный ответ: «Разрешается ли атаковать Каховку и привлечь для этого конницу или нет».

Начальник главного штаба сообщил, что главком не разрешает направлять конницу для атаки укрепленной позиции.

Ответ этот передан генералу Барбовичу.

Наша перегруппировка заключалась в том, что пешие части были сосредоточены в центре по обе стороны Чаплинской дороги. На флангах — конница.

В 16 часов наши части перешли в наступление. Красные, как всегда, развили ураганный артиллерийский огонь. Начало наступления было удачно: пехота начала продвигаться вперед и вышла на линию хутора Терны, но двинувшись версты две-три под сильнейшим огнем и взяв одну линию окопов, наши части скоро выдохлись и залегли.

Таким образом, и эта атака не увенчалась успехом. К 24 часам 1 августа наши части располагались: 1 кав. полк обеспечивает правый фланг Каховской группы. По обе стороны

Чаплинской дороги пешие части генерала Барбовича. 15-я пехотная дивизия и 136-й полк. На левом фланге до Днепра — 1-я кав. дивизия и бригада 2-й кав. дивизии. Бригада Донской дивизии — в Черненьке, другая — у Каменного Колодезя. 135-й полк — в районе Корсунского Монастыря — Британы. Два батальона 133-го и 134-го полков сосредоточены в Большие Маячки. Другие два батальона тех же полков с батареей — на пути из Алешек в Большие Маячки. Батальон 134-го полка с отрядом Рыкова — на пути в Голую Пристань, 8-й кав. полк — в Алешках. На 2 августа генералу Барбовичу приказано: «Продолжать выполнение возложенной на него задачи».

Таким образом, и день 1 августа не принес успеха у Каховки. Причины все те же: слабая пехота атакует, конница, во избежание больших потерь, вынуждена только обеспечивать ее фланги и лишь частично переходит в контратаки против отходящих частей красных.

2 августа

С утра начался артиллерийский бой. В 13 часов наши части перешли в решительное и последнее наступление. К 14 часам пехота подошла вплотную к хутору Терны. В это время красные выбросили свои броневики, которые, пользуясь густой пылью, вышли во фланг нашим наступающим частям. Начался было отход, но вскоре части были приведены в порядок и снова брошены в атаку. В 18 часов мы опять подошли к хутору Терны, но опять были встречены броневиками красных. Одновременно с этим началось наступление красных из Любимовки в обход нашего правого фланга, но Донская бригада лихой контратакой сбила обходящую колонну красных. Бой продолжался до наступления темноты и снова окончился безрезультатно. Наши части понесли тяжелые и большие потери. Учитывая создавшуюся обстановку, я телеграммой № 313 — донес главкому, что с теми силами, которыми я располагаю, ввиду невозможности бросить конницу на укрепленную позицию, я нахожу необходимым прекратить дальнейшие атаки измотанными и понесшими громадные потери войсками и просить разрешения отвести корпус на линию Каменный Колодезь — Черненька, где ускоренно его пополнить. Конницу же генерала Барбовича отвести в район Дмитриевка — Антоновка в резерв главкома с тем, чтобы конница, в случае надобности, могла быстро ударить во фланг красных при их продвижении на юг. Разрешение на это последовало (№ 008070), причем указывалось, что главком

крайне недоволен исходом операции, и было предъявлено обвинение, что удар должен был быть нанесен всеми силами на Каховку, а вместо этого — корпус разбросал свои силы на Корсупский Монастырь, Казачьи Лагери и Алешки.

В итоге девятидневной операции частями 2-го корпуса и корпуса генерала Барбовича уничтожены 15-я стрелковая советская дивизия и Латышская бригада. Остальные части красных (51-я дивизия, 52-я дивизия, бригада Латышской дивизии и Херсонская группа) понесли огромные потери.

Наши трофеи: около 5000 пленных, 11 орудий и масса пулеметов.

Наши потери велики:

Части генерала Барбовича — около 600 человек, 13-я дивизия — около 1200 человек, 34-я дивизия — около 600 человек и 8-й кав. полк — до 40 человек.

Задуманная красным командованием крупная операция, заключавшаяся в разгроме 2-го корпуса и овладении Перекопом, не удалась. Вместо этого группа красных понесла до 50 процентов потерь и единственно чего добилась — это плацдарма у Каховки.

Необходимо отметить, что овладение Каховским тэт-де-поном могло быть важным для нас лишь в моральном отношении. Не приходится сомневаться, что с уходом конного корпуса противник, при наличии наших слабых сил, имел бы полную возможность, когда ему это нужно было бы, снова овладеть Каховкой.

Поэтому невзятие Каховки не может свести на нет успех операции.

Условия борьбы были слишком неравны; огромный перевес сил в пехоте, а также в артиллерии и технических средствах позволял противнику постоянно иметь в руках свежие резервы, ликвидируя первоначальные наши успехи.

Несмотря на тяжелые условия — жару, полное безводье и утомление — наши части, сильные духом, с честью выполнили возложенную на них задачу. Разброски сил не было.

План красных был открыт уже 26 июля, и все силы были сосредоточены на Каховском направлении.

С 26 июля по 2 августа в этом направлении работали 7/8 наших сил и лишь 1/8 — на фронте Корсунский Монастырь — Казачьи Лагери — Алешки.

Конный корпус имел возможность уничтожить красных в районе Черненьки; дальнейшие его действия, с изменением соответствующих целей, заключались лишь в обеспечении флангов атакующей пехоты.

Распоряжения Ставки, диктуемые обстановкой на фронте

генерала Кутепова и заключающиеся в приказании возможно скорее вывести части генерала Барбовича из боя, начиная с вечера первого же дня участия его в бою, не могли не связывать рук мне как командиру корпуса, которому приходилось все время считаться с необходимостью беречь конницу и возможно скорее вывести ее из боя.

Все изложенное приводит к общему суждению: части 2-го корпуса и генерала Барбовича выполнили возложенную на них задачу, и не их вина, что красные, обладая огромным превосходством сил, артиллерии и технических средств, удержали за собой пятиверстный плацдарм у Каховки[17].

Последствиями неудовольствия главкома, о котором я сказал выше, по поводу Каховской операции был рапорт начальника моего штаба:

НАЧАЛЬНИК ШТАБА
2-го КОРПУСА
Августа 2-го 1920 г.
№ 517-н

КОМАНДИРУ
2-го КОРПУСА

Рапорт

Ввиду неудовольствия исходом операций, высказанного Главкомом (телеграмма № 8070) на имя Вашего Превосходительства и считая себя, как начальник штаба, ответственным за это, прошу об отчислении меня от должности начальника штаба по окончании операции.

Генерального Штаба полковник
Фролов

На этом рапорте я положил такую резолюцию:

«Очень жалею отличного работника, но так как сам ухожу, представлю решению Главкома. Слащов».

Одновременно я послал главкому такую телеграмму:

Срочно вне очереди
ГЛАВКОМУ

Ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнении в отставку.

Основание: 1) удручающая обстановка, о которой неоднократно просил разрешения доложить Вам лично, но получил отказ, 2) безвыходно тяжелые условия для ведения

операций, в которые меня ставили (особенно отказом в технических средствах); 3) обидная телеграмма № 008070 за последнюю операцию, в которой я применил все свои силы, согласно директивы и обстановки. Все это вместе взятое привело меня к заключению, что я уже свое дело сделал, а теперь являюсь лишним, № 519-й, х. Александровский, 23 ч., 2 августа 1920 г.

Слащов

Результатом этой телеграммы явился такой разговор со Ставкой:

«У аппарата капитан Ставрович. Будьте добры примите телеграмму: “Генералу Слащову. Я с глубокой скорбью вынужден удовлетворить возбужденное Вами ходатайство об отчислении Вас от должности командира 2-го корпуса. Родина оценит все сделанное Вами. Я же прошу принять от меня глубокую благодарность. Назначенный командиром 2-го корпуса генерал Витковский завтра выезжает в село Чаплинку. Впредь до его прибытия в командование корпусом укажите вступить старшему. Вас прошу прибыть в Севастополь. 4/17 Августа, № 009379, Врангель”».

ГЛАВА III
В Севастополе

Сдав должность командира 2-го корпуса, я 5 августа прибыл в Севастополь к главкому генералу Врангелю и подал ему рапорт:

Генерал-лейтенант
Слащов
4 августа 1920 г.
№ 1194/с
г. Севастополь

ГЛАВКОМУ

Рапорт

Считаю своим долгом более подробно донести Вам причины, вызвавшие мой рапорт об отставке. Они следующие:

Вы заняты общегосударственными вопросами и не в состоянии были уследить за всеми интригами, создавшимися кругом Вас. 2) Вокруг Вас составилась компания, проводящая свои личные интересы и имеющая во главе генерала Коновалова. 3) Ваш начальник штаба генерал Шатилов, будучи человеком честным, но, видимо, слабовольным, во всем подчинился злому гению Юга России — генералу Коновалову, который уже довел генерала Боровского до Ак-Маная, а генерала Шиллинга до Одессы. 4) Участвовать в сознательной работе на погибель России не могу.

Вследствие действий генерала Коновалова явилась последовательная работа по уничтожению 2-го корпуса и приведению его к левосоциал-революционному знаменателю, точно так же как и систематическое восстановление Вас против меня (факты: десантная операция не дала Вашей благодарности солдатам, а 1-й корпус ее

получил; пополнение корпуса задерживалось и мобилизационный район давался чуть не в полосе противника; награды частям были отклонены, а 1-й корпус их получил; производство начальника штаба 2-го корпуса в генерал- майоры отклонено за молодостью его выпуска из Академии, а годом моложе Коновалов и Егоров произведены; мои ходатайства видеть Вас для личного доклада и для поднесения от 2-го корпуса плана обороны Крыма трижды отклонены.

Не есть ли это удар по самолюбию всего корпуса?

Еще хуже оказалось влияние Коновалова на ведение операций.

В то время как Вы лично обещали мне мой бронеавтомобильный отряд, 6 броневиков и колонну грузоавтомобилей (ввиду отсутствия железных дорог) в 24 грузовика, я получил один легкий броневик с одним пулеметом и 6 грузовых машин, остальное все было передано в другие корпуса, между тем как еще до десантной операции от меня были взяты все транспорты. Аэропланы на 200-верстный участок были даны в количестве одного исправного и одного неисправного.

Благодаря этому погибли сотни лишних жизней.

Участвовать в уничтожении моих людей не могу.

Коновалову по злому умыслу или по небрежности не прочитывал и не докладывал Вам моих донесений о группировке противника, чем ввел Вас в заблуждение о месте главного удара.

Циничность его дошла до того, что по окончании операций он запросил: где группируется противник, и заявил, что «Ставке группировка его не ясна» (из прилагаемого при сем доклада Вы увидите, что обо всем заранее доносилось. Доклад полковника Александровича).

Чтобы окончательно подорвать дух 2-го корпуса, моим заместителем назначен генерал Витковский, человек, заявивший в момент ухода Деникина, что если уйдет Деникин — уйдет и Витковский со всей Дроздовской дивизией.

Вы знаете, что я все силы принес в жертву Родине; Вы знаете, что в момент ухода Деникина я первый поддержал Вас и сообщил Вам в Константинополь; Вы знаете, что говорилось у Вас в каюте и у меня в вагоне в 3 часа ночи, и поэтому гнусные интриги восстановления нас друг против друга должны были бы отпасть.

И вот на основании всего вышеизложенного я как подчиненный ходатайствую, как офицер у офицера — прошу, а как русский у русского — требую назначения следствия над Штаглавом, Штакором 2 и надо мной по поводу Каховской операции 25 июля и 3 августа сего года.

Знаю, что Вы, как честный русский офицер, мне в этом не откажете.

Приложение: Описание боя №№ 260—5—01743 и агентурные сообщения.

Слащов

Генерал Врангель на этот мой рапорт ответил, что я утрирую обстановку и что всякий суд надо мной и отставка моя вредны для дела.

Так как он (генерал Врангель) считает, что я подорвал свои силы при обороне Крыма, то он просит меня полечиться, для чего ассигнуется валюта. Лечиться же мне нужно в германских

санаториях.

Я отказался и заявил, что зря народных денег тратить не буду.

Тогда генерал Врангель назначил меня в свое распоряжение, издав два таких приказа:

Приказ

Главнокомандующего Русской Армией № 3505

г. Севастополь

6/19 августа 1920 г.

В настоящей братоубийственной войне, среди позора и ужаса измены, среди трусости и корыстолюбия особенно дороги должны быть для каждого русского человека имена честных и стойких русских людей, которые отдали жизнь и здоровье за счастье Родины. Среди таких имен займет почетное место в истории освобождения России от красного ига — имя генерала Слащова.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины.

России отдал генерал Слащов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой.

Я верю, что, оправившись, генерал Слащов вновь поведет войска к победе; дабы связать навеки имя генерала Слащова с славной страницей настоящей великой борьбы, — дорогому сердцу русских воинов генералу Слащову именоваться впредь — Слащов-Крымский.

Главнокомандующий генерал Врангель

Приказ

Главнокомандующего Русской Армией № 3506

г. Севастополь

6/19 августа 1920 г.

В изъятие из общих правил зачисляю Генерал-лейтенанта Слащова-Крымского в мое распоряжение, с сохранением содержания по должности командира корпуса.

Главнокомандующий генерал Врангель

Кроме этих приказов, поднесенных, как золотая пилюля, главком меня просил самому наблюдать за действиями генерала Коновалова.

Возможности наблюдения, однако, дано не было.

После этого я начал лечение, удалившись от дел, но интриги не прекратились.

Все направлялось к тому, чтобы как-нибудь бросить тень на

мое имя, раз уж я отказался получить валюту и уехать за границу.

И вот против меня начинается судебное дело за расстрел без суда полковника Протопопова.

Дело это заключалось, по предъявленному обвинению, в следующем: во время обороны Крыма мною полковник Протопопов сформировал отряд в районе Ялты. Он получил мой приказ выехать на фронт со своим отрядом и этот приказ не исполнил. После этого он получил приказ выступить против взбунтовавшегося Орлова, но вместо этого — присоединился к последнему.

Тогда я отдаю приказ:

«Немедленно прибыть полковнику Протопопову к генералу Слащову».

Протопопов и последний приказ тоже не исполнил, и к тому же, когда навели справки, то и чин его оказался сомнительным.

Протопопова поймал и приказал расстрелять. Тот, кто знает дисциплинарный устав, — знает, что я имел право на это, ибо карал за измену в обстановке боя.

Дело это замешали в грязное дело чиновника Шарова, занимавшегося вымогательством у подсудимых и присланного в мой штаб Ставкой. Поступили настолько цинично, что мое дело включили в дело Шарова. Конечно, ничего получиться не могло и не получилось, но надежда все же была как-нибудь меня замарать. Старались замарать и моих приближенных.

Действия эти хорошо характеризуют прилагаемые документы:

Военный следователь по особо важным делам при Штабе Главнокомандующего Русской Армией

№ 1018 августа 26–10 дня 1920 г.

г. Севастополь.

Генерал-лейтенанту

Слащову-Крымскому

На основании ст. 480 У. В. С. прошу распоряжения Вашего Превосходительства о командировании в мою камеру — гостиница Ветцель, комната № 41, по Екатерининской ул. — 29–11 сего августа к 10 часам утра капитана Суворова или штаб-ротмистра Андреева, если названные обер-офицеры состоят в настоящее время в Вашем распоряжении, для допроса в качестве свидетелей по делу губернского секретаря Шарова.

Статский советник Гиршиц

Адъютанту генерал-лейтенанта Слащова-Крымского

Комендант Главной квартиры просит Вас пожаловать к нему

завтра или в субботу.

Помощник коменданта Главной квартиры
полковник Чарыков

Военный следователь по особо важным делам при штабе Главнокомандующего Русской Армии № 966

августа 12–25 дня 1920 г.

г. Севастополь

Начальнику Штаба Главнокомандующего Русской Армией

Постановлением моим от 12–25 сего августа состоящий в распоряжении Главнокомандующего Генерал-лейтенант Слащов-Крымский привлечен к следствию в качестве обвиняемого в преступных деяниях, предусмотренных ст. ст. 13 п. 1454 уложения о наказаниях уголовных и исправ. 279 и 72 кн. XXIV С. В. П. 1869 г. изд. 4-е. Мерой пресечения способов уклоняться от суда и следствия на основании ст. 470 У. В. С. избран особый надзор начальства.

На основании изложенного прошу распоряжения Вашего Превосходительства об учреждении названной меры в отношении Генерал-лейтенанта Слащова-Крымского с уведомлением меня о последующем.

Статский советник Гиргииц

На этой бумаге оставшийся за начальника штаба (Шатилов уезжал на фронт) генерал Трухачев сделал такую надпись:

Дежурному генералу По вопросу о надзоре прошу доложить. Полагал бы, что неудобно такую переписку посылать в открытом виде.

Ген. — лейт. Трухачев.

Бумага эта была препровождена коменданту Главной квартиры с надписью того же Трухачева:

«Для установления надзора 16/29-VIII».

По получении бумаги я лично зашел к генералу Трухачеву и выразил ему свое удивление, что он мог позволить себе подобную вещь.

Генерал Трухачев оправдывался и сваливал вину на какую-то «ошибку» со стороны коменданта Главной квартиры генерала Петрова, которому якобы сделано за это замечание.

На все эти оправдания я ответил: «Очень рад, что ошибка эта явилась невольной, но предупреждаю, и передайте об этом генералу Петрову, что своему адъютанту запретил давать какие-либо сведения о моих выездах, которые от него потребовал

генерал Петров в целях надзора, и что вообще за такие вещи я могу разделаться по-свойски, а следователя спустить с лестницы».

Это было сказано громко.

Последствием этого разговора, а также и переговоров с генералом Врангелем явилась записка следователя за № 1037 следующего содержания:

Военный следователь

по особо важным делам при штабе Главнокомандующего Августа 31/13 дня 1920 г

г. Севастополь

д.№ 50

Генерал-лейтенанту Русской Армии СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

Постановлением моим от 29–11 сего августа, вследствие приказания Главнокомандующего, дело о вас выделено из дела о злоупотреблениях чинов 2-го армейского корпуса в отдельное производство. Вместе с тем, вследствие решения главного военного и военно-морского суда от 10 января с. г., в изменение постановления моего от 12 сего августа, Вы привлекаетесь к следствию по ст. ст. 146 и 279 кн. XXII и 1454 улож. о наказаниях.

Об изложенном сообщаю Вам для сведения.

Статский советник Гиршиц

После этого мне было поручено заняться вопросом улучшения быта военнослужащих, т. к. именно я на заседании правительства заявил о нищенском состоянии их семейств.

Я выполнил задачу в 4 заседания (5 дней) и подал рапорт № 61 от 30 августа, являющийся результатом всей работы.

Генерал-лейтенант

Слащов-Крымский

30 августа 1920 г.

№ 61 г.

Севастополь

Доклад

Согласно Вашего приказа собрал комиссию и обсудил отмеченные на заседании 26 августа вопросы, а именно:

1) Улучшение материального положения солдат и их семей.

2) Изыскание мер и способов выдачи, согласно приказа № 3580, пайка натурой, а не деньгами.

3) Назначение жалованья по должностям и размеры его в зависимости от должностей.

4) Создание санаторий для больных и выздоравливающих.

5) Порядок зачисления в резерв и уравнение условий

зачисления в него в Русской Армии и в казачьих войсках.

6) Размеры пенсий, способ выдачи их и право на пенсию.

7) Разгрузка тыла в целях увеличения числа бойцов на фронте.

8) Установление пенсий или дополнительного жалованья за продолжительную службу в антибольшевистских войсках.

Намеченные мероприятия по удовлетворению всех внесенных вопросов изложены в приложении № 1.

При обсуждении первых двух вопросов выяснилось, что правительство (снабжение) не только не может удовлетворить нужды семейств офицеров, имея запас всего на два-три дня, а удовлетворение деньгами (министр финанс.) вызовет расход в 12 миллиардов рублей в месяц, непосильный государству. Все эти данные мной запротоколены — поэтому считаю своим долгом обратить внимание Вашего Превосходительства, что вопрос обеспечения военнослужащих тесно связан с общим состоянием государства. Положение не только семейств, но и самого офицера безвыходное (доклад генерала Корвин-Круковского — приложение № 2) — они с отчаяния стреляются или бросаются на преступления. Причиной всему — невозможность жить на наши деньги, и если честен — то надо умирать. Вопрос изыскания средств является краеугольным камнем для всех не потерявших веру в возможность возрождения Родины и поддержания ее чести и мощи.

Комиссией исчерпывающе выяснены до беспредельности великие нужды, подлежащие срочному удовлетворению.

Состояние разрухи не дает правительству возможности удовлетворить даже нужды фронта, и понятно, т. к. средства его крайне ограничены. Следовательно, надо привлечь общественные организации и частный капитал.

Можно быть вполне уверенным, что вся Россия, как один человек, откликнется и сплотится вокруг Вашего имени.

Все имущие слои населения должны сознательно отдать половину своего состояния, в чем бы оно ни заключалось, на финансовое и экономическое возрождение России, хотя бы из имущества, находящегося в Совдепии, причем является возможность выдать строго юридические обязательства на передачу половины этих имуществ в собственность государства. Полученный в результате колоссальный фонд послужит основанием выпуска валютных денежных знаков, с правом хождения их наравне с любой валютой. Нет сомнения, что под такое обеспечение правительству нетрудно будет найти соответственные кредиты за границей, а на фронте вызовет моральный подъем. Совдепия же лишится кредита по уже

заложенному имуществу. Так как большинство необходимых предметов потребления и даже питания ныне получаются из-за границы, необходимо, в виде временного косвенного налога, обложить все без исключения ввозимые товары особым налогом в размере 5—10 процентов, кои получать натурой и только как исключение валютой.

Необходимо, опираясь на частный коммерческий и общественный аппарат, полностью использовать таковой под непосредственным контролем правительства, предоставить ему вывозить определенные количества зерновых продуктов и иного сырья на предмет его реализации за границей но наивысшим ценам и вменить в обязанность тому же аппарату на реализованную сумму приобретать из первых рук, доставлять в Россию и распределять здесь необходимые предметы потребления и питания.

Для проведения в жизнь намеченной программы потребуется время, а жизнь не ждет и настоятельно требует дела, а не слов, вот почему надо для начала поручить в срочном порядке одной или нескольким крупным, заслуживающим полного доверия европейским фирмам при участии какой- либо общественной организации, поставившей себе целью заботы о воинах и их семьях, заготовить своими средствами и вывезти за границу часть зерна для обращения его в предмет потребления и питания на указанном выше принципе, а предпринимателей освободить от реквизиций.

Для всей этой работы должен быть создан аппарат из общественных сил, возглавляемый представителем правительства, облеченным диктаторской властью по затронутому вопросу. Одновременно с обращением к частным работникам должна быть воздвигнута виселица для спекулянтов и мешающих возрождению России торгашей и себялюбцев.

Подробный проект вышеназванных мероприятий в случае Вашего согласия на предлагаемые меры может быть представлен в течение ближайших дней.

Генерал-лейтенант Слащов-Крымский

Рапорт этот, ввиду отсутствия генерала Врангеля, находившегося в это время на фронте, был представлен мною лично генералу Шатилову. Последний просил оставить этот рапорт у себя для ознакомления.

На другой день я получил от него такую записку:

I–IX 1920 г.
Генерал-лейт. Слащову-Крымскому

Ввиду того, что доклад Ваш Главкому содержит в высшей степени важные мероприятия государственного значения, полагал бы необходимым с решением по нему обождать приезда генерала Врангеля. Вероятно, завтра Главком будет в Севастополе. Доклад Ваш я послал генералу Вязьмитинову с просьбой сегодня же вернуть его Вам[18].

Генерал-лейт. Шатилов

Однако после приезда главкома я несколько дней ожидал вызова для доклада по затронутому вопросу, но вызов этот не последовал, и, как в дальнейшем выяснилось, решение правительства по сему важному вопросу имело характер полумеры, т. к. оно совершенно не удовлетворило ни офицеров и ни семей военнослужащих. Последовавшие прибавки к содержанию и единовременные пособия не могли достигнуть своей цели, так как дороговизна жизни прогрессивно росла, а правительство, видимо, боялось решиться на тот героический шаг, который открыто я высказал.

Такая же нерешительность, расхлябанность и двойственность проглядывала в действиях правительства и по украинскому вопросу.

ГЛАВА IV Украинский вопрос

Украинский вопрос составлял наиболее больное место во всей политике правительства генерала Врангеля.

С этим вопросом мне пришлось близко ознакомиться при разработке мною проекта о перенесении военных действий на Украину.

Еще в июле месяце подобный проект мною был представлен, но был признан несвоевременным. В августе месяце, уже в Севастополе, ко мне явилось несколько общественных украинских деятелей, которые, найдя во мне общность взглядов на политическое положение Украины, поделились со мною своими впечатлениями об отношении Ставки к этому вопросу. Они сообщили, что 26 июля их депутация в составе Н.Г. Левченко, Генерального штаба генерал-лейтенанта Янушевского, генерал-майора Чарского, статского советника Кравченко и инженера Кирста была у генерала Врангеля, которому изложила свои взгляды на украинский вопрос и ходатайствовала:

1) об объединении действий партизанских отрядов на Украине и создании из них правильно организованной силы для борьбы с большевиками и

2) об организации в Севастополе политического центра для проведения на местах правового порядка и успокоения населения Украины.

Генерал Врангель дал свое принципиальное согласие на предлагаемые проекты, причем по всем вопросам военноорганизационного характера предложил обращаться к нему через генерала Кирея, назначенного докладчиком по делам повстанческого движения вне территории ВСЮР.

На основании этого в заседании объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма был 27 июля с. г. составлен протокол следующего содержания:

ПРОТОКОЛ

заседания объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма

Июля 27 дня 1920 г. № 2

г. Севастополь

Собрание в составе нижеподписавшихся членов под председательством Николая Григорьевича Левченко.

§ 1

Выслушало:

Доклад депутации к Главнокомандующему ВСЮР генералу Врангелю в составе Н.Г. Левченко, Генерального штаба Генерал-лейтенанта Янушевского, генерал-майора Чарского, статского советника Н.А. Кравченко и инженера М.Ф. Кирста о том, что генерал Врангель дал свое согласие:

1) На объединение действий партизанских отрядов, действующих на территории Украины, и создания из них правильно организованной силы для борьбы с большевиками.

2) На организацию здесь политического центра для проведения на местах правового порядка и успокоения населения Украины.

3) Кроме того, генерал Врангель предложил по всем вопросам военно-организационного характера обращаться к нему через генерала Кирея, назначенного докладчиком по делам повстанческого движения вне территории ВСЮР.

§ 2

Постановило:

1) Просить Главнокомандующего утвердить постановление объединенного собрания представителей военных и представителей от украинских организаций на территории Крыма от 16 июля с. г. о возложении на Генерального штаба генерала Янушевского руководства по объединению повстанческих отрядов и организации правильной вооруженной силы на территории Украины для борьбы с большевиками и докладов Главнокомандующему о мероприятиях по вопросам установления власти на местах.

2) Согласно указания Главнокомандующего ВСЮР, сформировать штаб повстанческих отрядов на территории Украины по штатам, выработанным генералом Янушевским и утвержденным Главнокомандующим ВСЮР.

3) Для выполнения первоначальных организационных работ просить Главнокомандующего ВСЮР об откомандировании в распоряжение Генерал-лейтенанта Янушевского следующих лиц, состоящих в резерве чинов: генералов Лукашевича и Чарского, начальника Константиновского военного училища генерал-майора Присовского, состоящего в Управлении дежурного генерала Штаба Главнокомандующего полковника Кохановского, начальника технического отделения авточасти главного отдела военных сообщений полковника Старицкого и состоящего при Гражданском Управлении полковника Сахно-Устимовича, с сохранением получаемого ими ныне содержания.

4) Просить генерал-майора Кирея об отводе для заседаний и

работ штаба трех комнат в центральной части г. Севастополя.

На подлинном подписи:

Председатель собрания Н.Г. Левченко. Члены: ген. — майор Лукашевич, ген. — майор Чарский, полковники: Сахно-Устимович, Кохановский, Старицкий, Марьюшкин, Борковский, Радковский; капитаны Якимович и Н.А. Кравченко, инженер Кирста, подпоручик Быков.

Протокол этот был представлен Шатилову через генерала Кирста, на рапорте которого (№ 32 от 28 июля 1920 г.) Шатилов положил резолюцию следующего содержания:

«Генералу Кирею 29/VII 20. Ничего подобного. Главком указал им явиться к вам, не считая возможным разговаривать с ними, минуя вас. Все предыдущие мои указания остаются в силе. Генерал Шатилов».

Итак, с одной стороны дают согласие, а с другой это согласие отрицается, т. е. получается совершенно недопустимая двойственность. Эта же двойственность сказалась и в дальнейшем, когда приходилось по украинскому вопросу беседовать с различными членами правительства генерала Врангеля.

Дабы не быть голословным, укажу, на пример визита г. Чубинского к управляющим отделом финансов Бернацкому и внутренних дел Тверскому.

В то время как первый дал исчерпывающие объяснения по всем затронутым вопросам, второй даже удивился, когда узнал о предмете разговора, т. е. об Украине, каковую он, видимо, совершенно отрицал.

Продолжая теперь дальнейшее повествование о своих шагах, предпринятых мною для скорейшего проведения в жизнь мероприятий, необходимых для упорядочения украинского вопроса, считаю нужным указать, что все эти вопросы я поднимал попутно с вновь представляемыми проектами о необходимости перенесения центра тяжести военных операций на Украину, и соображения эти я подробно изложил в своем рапорте от 21 августа 1920 г., № 10183.

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Русской Армией

Генерал-лейтенант СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ

21 августа 1920 г.

№ 10183 г. Севастополь

Секретно

1) Современная стратегическая обстановка в общих чертах: две трети большевистских сил на польском театре военных действий, из остающихся — большая часть против Крымского и Кавказского фронтов. Между Польшей и Советской Россией идут мирные переговоры в Минске. Не предрешая вопрос об их результате — необходимо считаться с вопросом о возможной переброске большевистских масс на Крымский фронт. С момента заключения перемирия — через один месяц возможно появление на этом фронте конницы Буденного, а через два сосредоточение остальных красных армий. Таким образом, два месяца максимальный срок для борьбы с противостоящими теперь перед нами красными силами.

2) Первоначальный план действий — активные действия первого периода (майская операция) занятием Северной Таврии (по фронту 400 верст, в глубину 150 верст), в дальнейшем переходить на действия по внутренним операционным линиям, с нанесением коротких сокрушительных ударов в Токмаковском, Ореховском и Александровском направлениях, а затем в силу превосходства красных в резервах — к переходу в оборонительное исходное положение.

3) Десантная операция на Кубани не дает ожидаемых результатов (в смысле времени), и Красная армия и здесь успевает своевременно сосредоточить превосходные силы путем переброски их морем из Таврии на Кубань и создать угрозу тыловым путям десанта.

4) Операция на Дону (отряда Назарова), отделенная от общего фронта значительным расстоянием, не дает осязаемых результатов. Живая связь отсутствует.

5) Со стороны красных небывалое упорство и настойчивость к захвату инициативы в свои руки. Громадные потери быстро компенсируются приливом новых контингентов мобилизованных с севера, центра России и из Сибири. Целые дивизии уничтожаются (15-я и другие), но затем быстро возрождаются находящимся в ближайшем тылу указанным пополнением. Борьба принимает затяжной характер.

6) Наши живые силы тают. Потери в среднем 50–75 процентов. Раненых к 1 августа зарегистрировано 15 000 (по сведениям главного военно-санитарного инспектора). Громадный процент убыли в командном составе (особенно в кавалерии).

Источник комплектования

А. Крым — Северной Таврией боеспособный материал почти весь использован.

Б. Бредовские части — более половины влиты в ряды войск.

В. Надежда на Дон и Кубань, не предрешая этого вопроса до ближайшего будущего, но проблематична.

Резюме

Учитывая: а) элемент времени в зависимости от результата на Польском фронте,

б) затяжной характер борьбы на Крымском фронте в связи с непрекращающимся приливом красных комплектований,

в) беспрерывную активность действий красных — повелительно выдвигается вопрос о дальнейших средствах борьбы с красными.

7) Новым источником живой силы — Украина.

Основание: А. Выгодное географическое положение:

а) соприкасается с западной границей (Румыния, Галиция и Польша),

б) заполняет перерыв одного антибольшевистского фронта,

в) лишает большевиков черноморских портов и морской базы в Николаеве, могущей создать угрозу нашему флоту (строящиеся там подводные лодки).

Б. Богатейший рынок всевозможных грузов для товарообмена (хлеб, шерсть, сахар и др.).

В. Население — 80 процентов крестьяне-собственники и немцы-колонисты. Настроение антибольшевистское. Повсеместные вспышки повстанческого движения, беспощадно подавляемые большевиками. Вожаки партий сознают необходимость хотя бы какого-нибудь объединяющего их центра и опоры.

8) Очередная задача:

А.Не дать потухнуть народному движению в южной части Правобережной Украины и

Б. Планомерно использовать в наших интересах ее людской контингент и богатые местные средства для борьбы с большевиками.

Первая часть вызывает необходимость в скорейшем создании в этом районе твердого центра (проект Кравченко прил. 1) и в организации народного движения в более широких размерах и более регулярно, путем образования вольного казачества (проект полковника Сахно-Устимовича прил. 2) и регулярных частей из немцев-колонистов (Лондаусский и Одесский районы). Это может быть достигнуто десантом в Херсонском и Одесском районах из прочно организованного отряда войск из всех родов оружия и при нем кадров военной администрации для дальнейшего руководства народного движения и правильной военной организации восставших.

Вторая часть задачи достигается одновременно посылкою

вместе с десантом тщательно подобранной и надлежаще подготовленной гражданской администрации, которая должна немедленно приступить к установлению на месте прочного гражданского порядка и спокойствия в занятом крае.

Ген. — лейт. *Слащов-Крымский*

Упомяну еще о докладе полковника Сахно-Устимовича о Днепровском казачестве, и затем о проекте необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса.

Вот они:

Числящийся по армейской кавалерии САХНО-УСТИМОВИЧ (Александр)

21 августа 1920 г.

№ 25 г. Севастополь

Совершенно секретно

Возрождение России связано с возвращением народа к подлинным своим идеалам, которыми жили и вдохновлялись наши благочестивые предки в период созидания Руси.

Чтобы выйти на путь творчества и созидания — необходимо тлетворным учениям безбожия и социализма противопоставить религию Христа, знамя которой вознести на высоту древних героических времен.

Родина наша создавалась и всегда спасалась православной верой, которой предки наши крепко держались. Особенно яркий пример этому представляет собою история Киевской (Малой) Руси Украины. В период тяжких испытаний Украинское казачество по призыву Святой церкви, исполненное религиозным порывом, как один встало на защиту веры своей и народности, Сечь Запорожская, представлявшая собой военно-религиозное братство, являет пример бессмертной доблести и мужества — никакая вражеская сила не могла устоять против восставшего за веру Христову казачества.

Сила народная и в настоящее время хранится в здоровых слоях Украины — она еще не использована.

Путем мобилизаций, многократно проводимых часто сменявшимися правительствами, собрать ее нельзя.

Наблюдаемые по всей Украине повстанческие движения не могут принести пользы, так как не объединены общей идеей, бессистемны, организаторы большей частью люди без всякой политической программы, вследствие чего и самое движение может быть использовано в направлении, враждебном Русской государственности. Лишь при создании особых условий, при которых возможно было бы объединение повстанцев на почве

жизненной в народе идеи, повстанческое движение явится тем фактором, который окажет существенную помощь в борьбе с большевизмом.

Такой идеей и является возрождение на берегах Днепра исторического казачества.

Если вождю Русской Армии угодно будет, то и теперь, как это было встарь, на клич его и призыв Матери-Церкви поднимутся потомки Запорожских казаков, верные заветам старины.

Для организации казачества полагал бы необходимым:

1) Обращение Главнокомандующего Русской Армией с воззванием (грамотой) к населению Украины о возрождении Запорожского казачества.

2) Приказ Главного Командования о разрешении формирования в месте, где им будет признано удобным, на территории, занятой Русской Армией, первого Коша Запорожского казачьего войска, с указанием лица, на которое возлагается означенное формирование.

3) Разрешение комплектовать Кош на принципе добровольчества лицами, в настоящее время не призванными на военную службу, по преимуществу уроженцами Украины, лицами, так или иначе связанными с Украиной и сочувствующими идее возрождения исторического казачества. Комплектование Коша состоящими на военной службе допускается лишь из тыловых учреждений.

Кош должен быть сформирован в месячный срок в составе трех родов оружия численностью от 500 до 2000 человек. По сформировании Кош входит в состав десантного отряда и, будучи переброшен в пределы Украины, явится тем ядром, вокруг которого объединятся и организуются строевые казачьи части, положительные элементы Украины.

Если угодно будет возложить на меня организационные работы по сформированию частей Коша Запорожского казачьего войска, мною будет немедленно представлен список лиц, нужных для осуществления означенной задачи.

На территории Украины по мере освобождения ее от большевиков желательно было бы установление гражданского управления в формах, основанных на исторических традициях казачества.

Полковник Сахно — Устимович

ПРОЕКТ

необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса

1. Официальное (одностороннее) признание Главным

командованием прав Украины на автономное управление на началах общероссийской федерации.

Декларация генерала П.Н. Врангеля с указанием предполагаемых взаимных отношений Главного Командования с Украиной и основных принципов федерации.

2. Образование украинской общественно-национальной единицы — Украинской Народной Громады как выразителя общественного украинскою мнения:

А. Созыв съезда из представителей местных украинских организаций и из уроженцев Украины, бежавших в Крым в связи с событиями.

Б. Установление съездом программы Народной Громады, выражающей волю большинства украинского народа.

В. Избрание съездом членов Народной Громады и президиума ее, как постоянных органов для совместной работы с Советом по украинским делам.

3. Образование при Главкоме Совета по украинским делам из пяти (не менее трех) лиц по назначению с правом совещательного органа:

А. Для сношений при его посредстве с украинскими группами, образованиями, партиями, правительствами и отдельными руководителями движения.

Б. Для совместных с военным командованием действий по объединению и организации народного и повстанческого движения на Украине.

В. Для разработки системы управления и единообразия и планомерности мероприятий в занятых местностях Украины.

Г. Для подыскания и представления кандидатов на административные и правительственные должности на местах из лиц, кои были бы приемлемы и авторитетны для местного населения и были бы встречены им с доверием.

Д. Для докладов Главному Командованию вопросов по украинским делам, возникающим как в порядке общественной и частной инициативы, так и по инициативе Совета.

4. Организация на территории Украины украинской и регулярной армии, на основании и положениях, выработанных специальной комиссией с сохранением украинских исторических особенностей.

5. Установление органов по объединению и организации повстанческого движения под руководством членов совета по военным делам для организации и связи с повстанцами, их снабжения и согласования их действий с Украинским военным центром.

6. Формирование на территории Крыма Украинского

десантного отряда и кадров для организации повстанцев, материал для которых может быть использован только в этом направлении.

7. Избрание Наказного Украинского Лтамапа как Главнокомандующего Украинской Армией и украинским антибольшевистским фронтом, в непосредственном подчинении Главкому и с утверждением им в должности.

8. По занятии юга Украины заключение Правителем Юга России договора с представителями Украины на основаниях и в порядке, подготовленном к тому Советом по Украинским делам совместно с президиумом Народной Громады.

9. У становление для войсковых и повстанческих частей флага: национального желто-синего, с бело-сине-красным углом.

Все перечисленные мероприятия необходимо немедленно провести в жизнь для установления демократической правовой Украины на общероссийских федеративных основаниях в противовес с одной стороны самостийным, а с другой — крайне правым, влекущим за собой не установление порядка и успокоения Украины и России, а лишь дальнейшее продолжение междоусобицы и революции и дальнейшее разрушение и обнищание страны.

Победа — хотя временная, того и другого движения неминуемо повлечет за собой установление большевизма на территории всей бывшей Российской Империи.

Ген-лейт. *Слащов-Крымский*

Все это вместе было представлено главкому лично мной.

На это главком через два дня, пригласивши меня к себе, заявил, что ничего не имея принципиально против представленного проекта, он, в силу известных политических соображений, окончательно ответа в данную минуту дать не может.

Проект так и остался без осуществления.

В какой степени прав был генерал Врангель — показала дальнейшая судьба Крыма.

Время было упущено.

Использовать выгодную стратегическую обстановку, в связи с нахождением главных сил красных на Польском фронте — не решались, а впоследствии пришлось принять на себя весь их удар, но только уже будучи одинокими.

А время было, были и средства.

Эго показала совершенно ненужная Кубанская операция, заслуживающая самой серьезной критики, как политической, так и стратегической, предпринятая Ставкой в полном непонимании

момента и кончившаяся так бесславно.

ГЛАВА V
В Ливадии. Катастрофа

4 сентября я прибыл в Ялту на военном транспорте «Буг» и был встречен шумными овациями со стороны публики. Здесь же меня приветствовал ряд депутаций, причем городской голова в своем приветственном слове передал единогласное решение городского самоуправления об избрании меня почетным гражданином города Ялты. Голова прибавил при этом, что это почетное звание пока было присвоено одному лишь великому князю Николаю Николаевичу за его заслуги в Великую войну.

Мне было отведено помещение в Ливадии в Министерской даче, в которой раньше помещался министр двора граф Фридерикс.

В первые же дни моего пребывания в Ливадии разными общественными организациям города Ялты был устроен ряд торжественных собраний в честь меня. Тогда же мне был поднесен ряд адресов, из которых я позволяю себе привести здесь лишь постановление Ялтинской городской думы, сообщенное мне 10 сентября:

Генерал-лейтенанту Якову Александровичу СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

Ялтинская Городская Дума в очередном заседании, состоявшемся 20 августа 1920 г., заслушав заявление гласных: гр. П.Н. Апраксина и И.И. Иванова, князя П.Б. Щербатова и Ю. Сабин-Гуса, Р.А. Оцко, И.М. Деревянко о заслугах Ваших перед Родиной по защите Крыма, единогласно постановила: поднести Вам, Ваше Превосходительство, звание

ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА города Ялты и поместить Ваш портрет в здании Городского Управления.

За Председателя городской думы (подпись)
Городской голова И. Иванов
Секретарь думы Колотин
Сентября 10 дня 1920 г.
№ 5789

ВЫПИСКА

из протокола очередного заседания Ялтинской городской думы, состоявшегося 20 августа 1920 г.

Пункт 2-й. Докладывается заявление гласных о заслугах доблестного защитника Крыма генерала Слащова-Крымского: «Всем памятны еще те тяжелые дни, когда Добровольческая Армия генерала Деникина дрогнула и откатилась от Орла, распылившись на мелкие разгромленные отряды, Красная армия подошла к Перекопскому перешейку и угрожала захватить Крым — последний оплот Государственной России.

В эти тяжелые дни, когда отчаяние и ужас перед приходом красной нечисти овладели всеми, защита Крыма, по счастливой случайности, была вверена беззаветно геройскому генералу Слащову.

С горстью храбрецов-защитников, ощущая недостаток в продовольствии, в орудийном снабжении и в теплом платье — в грязи, холоде и при невозможных условиях генерал Слащов невероятным напряжением сил каким-то чудом отстоял Крым и только этим дал возможность вновь окрепнуть Русской Армии, ныне столь доблестно восстанавливающей государственный порядок.

В воздаяние его выдающихся заслуг Главнокомандующий, кроме награждения чином и орденами, повелел впредь генералу Слащову именоваться «СЛАЩОВЫМ-КРЫМСКИМ».

Мы, жители Крыма, полагаем, что Ялтинское городское общественное управление не может остаться глухим и неблагодарным и обязано так или иначе отозваться и выразить со своей стороны чувство удивления, восхищения и благодарности перед генералом Слащовым-Крымским.

На основании сего мы предлагаем городской думе избрать нашего славного героя и защитника Крыма в почетные граждане города Ялты и поместить его портрет в помещении городской управы.

Первый из подписавших заявление граф П.Н. Апраксин сообщил, что все мы были свидетелями того, как в декабре прошлого года, ввиду не успехов Добровольческой Армии, казалось, все рушилось и здание Деникина, погибая, могло под своими обломками похоронить все дело спасения Родины. Положение было отчаянное, почти безвыходное. И вот в эту тяжелую минуту у Перекопского перешейка появляется небольшой отряд генерала Слащова, который и явился оплотом против вторжения большевиков. Не забудьте, что в тылу вакханалия разгула и преступлений царила вовсю, и казалось, нет такой силы, которая сумела бы восстановить порядок. Даже лица, состоящие во главе административной власти, участвовали в этих беззакониях и грабежах.

Но лучше всего и не вспоминать.

Назначение генерала Слащова начальником обороны Крыма, а затем и всего тылового района пронеслось грозным предостерегающим эхом по всему Крыму, а его мощный и честный голос сумел прекратить эту вакханалию. Было заявлено, что генерал Слащов не остановится ни перед чем и будет одинаково карать как мелких, так и крупных чиновников. Благодаря этому колесо административной машины постепенно начало вращаться правильно, а на фронте появилось чистое белье, продовольствие и теплая одежда, а все честное вздохнуло свободней и принялось за созидательную работу.

Генерал Слащов при своем назначении обещал отстоять Крым, употребив для этого все усилия «до последней капли крови», и он сдержал свое честное слово героя.

Крым был спасен каким-то чудом.

Когда же возник вопрос о сложении генералом Деникиным с себя власти, Слащов смело указал имя будущего спасителя идеи единой России — генерала П.Н. Врангеля.

Генерал Деникин предложил собранию военных начальников избрать себе заместителя.

Не соглашаясь с такой постановкой вопроса, генерал Слащов первый указал на неуместность избрания начальника и просил генерала Деникина сделать назначение себе преемника, чтобы не повторить приказа № 1, погубившего Русскую Армию в 1917 году. Он достиг своего — Деникин наконец опубликовал приказ о назначении заместителем генерала Врангеля.

Сейчас генерал Слащов болен и нуждается в продолжительном лечении. Вечное напряжение, бессонные ночи не проходят даром, и теперь он не может быть на фронте.

Главнокомандующий оценил заслуги героя, не должны и мы быть глухими в оценке того значения, какое приобретает в истории Крыма и всей России подвиг генерала Слащова.

Городская дума единогласно постановила: поднести генералу Слащову-Крымскому звание почетного гражданина города Ялты и поместить портрет в здании городского управления.

С подлинным верно: Председатель (подпись)».

Мое пребывание в Ливадии продолжалось около трех недель. В это время я работал над собранием материалов для истории защиты Крыма. Работа эта не успела быть законченной ввиду разыгравшихся событий в Северной Таврии, где мое присутствие казалось мне необходимым.

Еще до моего отъезда из Ливадии ко мне явились представители всех татарских политических партий и просили моего содействия в ряде организационных вопросов, касающихся

их внутреннего быта, решение которых затягивалось бюрократической волокитой наших центральных учреждений.

Одновременно с этим из Севастополя прибыли представители украинского федеративного комитета, которые после обмена мнений со мной представили мне краткую записку о необходимых мероприятиях по украинскому вопросу.

Привожу текст этой записки:

1. Ни одна из украинских партий, находящихся в настоящее время вне украинской территории, не опирается на широкие массы народа и говорить от его имени не может.

2. Работа партий может носить лишь строго деловой характер, в оказании Российскому правительству содействия по разработке мероприятий и государственного устройства Федеративной Украины, с которыми можно подойти к народу, не обещая ему большего, чем может дать власть, без опасения вновь разрушить государственный строй, но и не менее того, что вызывается закономерными требованиями народа в политическом и экономическом отношениях.

3. Все намеченные Верховной властью мероприятия должны быть ясно и определенно формулированы и немедленно проводимы в жизнь при занятии территории с широким осведомлением о них украинских народных масс.

4. Ныне существующая система внутреннего управления Крыма при отсутствии в ней определенной политики, при бессистемности финансово-экономических мероприятий, при экономическом расстройстве тыла, вследствие спекулятивной вакханалии и материальной необеспеченности агентов власти, — не может быть перенесена на Украину без опасения подрыва престижа Верховной власти, ставящей своей задачей объединение России.

5. В целях осуществления задач, поставленных себе Верховной властью, необходимо прийти на Украину со строго обдуманной и разработанной системой управления; в случае противном — население Украины должно неизбежно поддаться контрагитации самостийных течений и временно пойти за правительством Петлюры.

6. Мы полагаем, что нерешительная политика нынешнего правительства в украинском вопросе укрепляет положение петлюровского правительства со скрытыми в нем самостийными тенденциями, что грозит Украине дальнейшим пролитием крови.

7. Строительство украинского гражданского аппарата власти должно быть заложено в Крыму и развиваться по мере занятия территории путем привлечения к нему персонально

государственных и общественных украинских деятелей и самого населения и закончиться в украинском центре — Киеве, с освобождением всей территории Украины от большевиков.

Для опоры гражданского аппарата на местах необходимо: а) установление твердой базы повстанчества на Правобережной Украине, б) соглашение с Украинской народной армией Омельяновича-Павленко и в) восстановление на Украине твердой опоры правопорядка — вольного казачества. 4 октября 1920 г.

Подписали: Я. Кравченко, Д. Перлик

Результатом свиданий с татарами и украинскими представителями было следующее мое письмо главкому:

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего генерал Слащов-Крымский № 10243

5-го октября 1920 г.

Ливадия

Ваше Превосходительство, Глубокоуважаемый Петр Николаевич.

Беру на себя смелость обратиться к Вам с письмом. К этому меня вынуждают обстоятельства и позволяют заявления о дружеском ко мне отношении.

За время пребывания в Ливадии у меня были представители татар всех партий, которые откровенно мне сознались, что зеленых при наличии сплоченности татарского населения с нами быть не может. Для этого необходимо:

1) ускорить вопрос о вакуфных землях, 2) ревизия (самая строгая) нашей местной контрразведки и 3) организация территориальных татарских войск, наподобие кубанских.

Сейчас же зеленые действуют вовсю и даже не позволяют рубить дрова.

Я сам поднимал восстания и знаю, что без поддержки, хотя бы пищей, местного населения повстанцы существовать не могут.

Наличие в нашей контрразведке лиц корыстных (даже из татар) не позволяет благонадежным элементам выступить за нас, в особенности без получения льгот своему населению.

Кроме татар, мне пришлось говорить с украинскими деятелями (не петлюровского толка). Они очень удручены задержкой в опубликовании поданной Вам декларации. (А петлюровская пропаганда даже на фронте идет.).

Все вообще смущены нашими неудачами на фронте и у всех является вопрос, — неужели будем зимовать в Крыму, ведь сами себя съедим.

Такое положение является особенно опасным при отсутствии комплектований армий, кроме красноармейцев, которые при скверном нашем положении перейдут к противнику.

Офицерство недовольно — жить не на что — рубль продолжает падать. Разговоры самые мятежные, против Вас страшные нарекания. Вы являетесь нашей последней ставкой, Вы — не Петр Николаевич Врангель, а последняя надежда на удержание Русского антибольшевистского фронта.

Поэтому полагаю, что: необходимо немедленное дарование татарам льгот; украинцам (не петлюровского толка) разрешение провести в жизнь их декларации и немедленно начать работу для операции в районе Херсон — Одесса, чтобы из последнего города создать второй Крым, висящий на фланге действующих против нас войск. Хлебом украинцы поднимут наш рубль и обеспечат офицерство.

Подробности наболевших вопросов и проекты их осуществления докладывал и могу доложить лично, так же как и план операции.

Прошу верить, что я болею душой за наше дело и говорю Вам свое мнение, как на исповеди.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Вам

Я. Слащов

На это письмо последовал ответ главкома в следующем собственноручном письме:

«Правитель Юга России и Главнокомандующий Русской Армией

6/15 окт. 1920 г.

Личное письмо

г. Севастополь

Глубокоуважаемый Яков Александрович!

Спасибо Вам за Ваше письмо. Почти все, о чем Вы говорите, уже делается: на днях будет опубликован целый ряд новых льгот, долженствующих обеспечить несчастную жизнь нашего офицерства; меры намечены и материального, и морального свойства; вопрос о привлечении татарского населения к несению внутренней службы разрабатывается; с повстанцами правобережной Украины мы поддерживаем самую тесную связь; что же касается злоупотреблений во всех областях, а в частности органов контрразведки, то с этим злом веду неустанную борьбу. Только что учредил комиссию высшего правительственного надзора, куда каждый обыватель может принести жалобу на любого представителя власти, в полной уверенности, что жалоба

дойдет до меня и не останется втуне. *Дела наши на фронте с Божьей помощью идут хорошо, и я не знаю, отчего Вы ими обеспокоены*[19].

В связи с заключением Польшей перемирия следует ожидать вскоре усиления против нас врага, и при этих условиях растягивать фронт нельзя — надо бить противника, не давая ему сосредоточиться, пользуясь для обеспечения наших флангов естественными рубежами.

Пока кончаю, жму Вашу руку и прошу передать Вашей супруге мой привет. Ваш Я. Врангель».

Письмо это мало успокоило меня. Каким-то внутренним чувством я предчувствовал тяжелое положение на фронте. Тревога не дала сил остаться дольше в Ливадии, и я приехал 12 октября в Севастополь, немедленно запросив, когда меня может принять главнокомандующий.

Главком мне назначил час приема, но я заведомо знал, что в этот час главком уже будет в отъезде. Так и случилось. Принят я не был. Тогда я сейчас же уехал обратно в Ливадию, подав такой рапорт:

Состоящий в распоряжении Главнокомандующего Генерал-лейтенант СЛАЩОВ

14 октября 1920 г.

г. Севастополь

Рапорт

Главнокомандующему Русской Армией

Поправив совершенно свое здоровье и узнав о назревающих на фронте боях, я прибыл 12-го сего октября в г. Севастополь, чтобы явиться к Вам и как состоящий в Вашем распоряжении просить разрешения ехать вместе с Вами и быть у Вас под рукой во время сражения.

Видеть Вас 13 октября мне было отказано и назначен прием в 12 часов 14 октября, Сведения, что Вы уезжаете на рассвете 14 октября, заставили меня переспросить лично, точно ли в 12 часов мне приказано явиться, и дежурный офицер есаул Ляхов это подтвердил.

На рассвете 14-го Вы уехали. Я не удостоен даже возможности сделать Вам доклад. Теперь я поставлен в очень тяжелое положение — с одной стороны, Ваш приказ и личные слова о призыве меня к боевой работе по выздоровлении — с другой болезненный удар по самолюбию и невозможность даже видеть Вас. Учитывая современное положение, когда каждый неверный шаг частного начальника может вредно отразиться хотя

бы на мелочах общего дела, обращаюсь к Вам за советом: что же мне дальше делать, и с просьбой вполне откровенно, как офицер офицеру, выяснить мое положение. Лично я считаю себя пока что дезертиром, т. к. здоров, призывного возраста и ничего не делаю, а потому мне следует, по моему мнению, идти добровольцем на фронт.

Прошу не отказать в распоряжении известить меня о Вашем решении.

Ген. — лейт. Слащов-Крымский

По приезде в Ливадию я получил такую телеграмму главкома:

«Ялта. Генералу Слащову-Крымскому. На № 40113. К сожалению, в настоящее время никакой *соответствующей Вашему положению должности* предоставить Вам не имею возможности, но всегда рад видеть Вас у себя в Ставке. № 74686. Врангель. 16/10».

Немедленно по получении этой телеграммы я, не считаясь с самолюбием, помня об одном только деле, выехал в Джанкой и прибыл в Ставку к главнокомандующему, который объяснил все происшедшее недоразумением.

Время было не для разговоров, и я счел инцидент исчерпанным.

Прибыв в Джанкой уже в тот момент, когда противник зашел в тыл нашим армиям у Сальково, я вполне присоединился к плану главкома, предлагавшего атаковать Буденного частями Донской и 1-й армий с севера на юг. При этом, однако, я высказал ему сомнение относительно того, сумеет ли генерал Кутепов выполнить эту задачу вовремя, и добавил, что главкому следует проехать к Сальково самому.

Главком не поехал, объяснив это забитостью пути. Как я и предполагал, Буденного запоздали зажать, и наши части растрепанными стали отходить в Крым.

Боевой состав наших частей в это время почти равнялся силам противника, что видно из прилагаемого боевого состава красных (см. Приложение к главе V) и количества наших войск, привезенных в Константинополь. Ввиду этого я предложил проводить план — аналогичный с моим планом обороны Крыма в прошлом году, развивая его добавлением десантной операции.

При составлении этого плана в его основу были положены следующие данные:

1. Войска расстроены и, сидя на месте, не способны выдержать зрелище наступающего на них противника —

следовательно, надо наступать.

2. Противник во много раз превосходит нас — следовательно, надо атаковать его тогда, когда он не может развернуть все силы.

3. Всякая пассивная оборона измотает войска и рано или поздно приведет к поражению — следовательно, требуется активность, т. е. атака.

4. Военная история показывает, что все защищающие Крым боролись за Чонгарский полуостров и за Перекоп и терпели неудачи — следовательно, требуется маневр, т. е. атака (резервы).

5. Местность показывает, что: а) Чонгарский полуостров охватывается Северной Таврией и Сальковская позиция подвержена перекрестному огню, б) жить на Чонгарском полуострове негде (дело зимой), в) Крымский берег охватывает Чонгар и тоже берет его под перекрестный обстрел и отделяется от него двухверстной дамбой, г) Перекопский вал обходится с флангов по бродам Сиваша и моря и берется в перекрестный обстрел с берегов Северной Таврии, д) втянувшись в Перекопский перешеек, противник не может развернуть своих превосходных сил против Юшуня, е) в районе Армянск-Юшунь наши суда могут (по глубине моря) обстреливать побережье, ж) проход в обход Юшуня севернее Армянска между озерами (Трактир) легко оборонять до самой Магазы, з) Сиваши зимой и весной непроходимы, и) укреплений и связи почти нет — т. е. надо задержать врага до его устройства.

6. В тылу полная дезорганизация, недоверие к командованию и угроза восстания в пользу большевиков.

7. Из всего сказанного видно, что обстановка требует:

а) задержать короткими ударами подход врага к Сивашам, б) вести маневренную войну, имея крупный резерв, и обороняться только атаками, в) бросить Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек и заморозить врага в этих местностях (отсутствие жилищ), бить его по частям, когда он оттуда дебуширует, г) фланги охранять флотом, д) тыл усмирить.

8. Поэтому нужно решить: а) наносить короткие удары в Северной Таврии, б) Чонгарский полуостров и Перекопский перешеек занимать только сторожевым охранением, в) главную позицию устроить по южному берегу Сиваша и строить групповые окопы, чтобы встретить врага контратакой, а севернее Юшуня еще фланговую позицию, фронтом на запад (главный резерв — район Богемка— Воинка — Джанкой), г) иметь большую часть в резерве, д) никогда не позволять себя атаковать, а всегда атаковать разворачивающегося противника, и по возможности во фланг, е) между Сивашами наблюдения, ж) построить железную дорогу на Юшунь от Джанкоя и провести телеграфную связь вдоль Сиваша,

з) бороться с беспорядками в тылу самыми крутыми мерами, не останавливаясь ни перед чем, и успокоить население.

9. Для свободы маневров устроить двойную базу на Джанкой и на Симферополь.

Генерал Врангель на десантную операцию не соглашался, а насчет плана обороны сказал: «Маневрировать вы могли в прошлом году, имея небольшие силы, теперь же нас так много, что мы удержим противника просто в окопах».

Я доказывал, что наши войска не способны выдержать вида наступающего на них противника, раз они беспрерывно сидят в окопах; жилищ для такой массы войск не хватит, они замерзнут, — инициатива будет всецело в руках противника, и он атакует тогда, когда захочет. Скопление громадного количества войск в Крыму приведет к их голоданию.

Вследствие голода и холода естественно начнется массовое дезертирство.

С другой стороны, если держать небольшое количество войск в домах, хорошо кормить, а остальных увести в десантную операцию, то противник, наступая от Перекопа и пройдя по морозу верст двадцать, подвергнувшись атаке теплых, согретых и накормленных людей, побежит в свою очередь.

Так было всегда при первой обороне Крыма. Теперь же генерал Врангель на все это ответил только, что десантные операции будут, но в будущем. В будущем, разумеется, исполнено не было, а сделано все наоборот.

Таково было влияние бездарного штаба главнокомандующего. К этому следует прибавить, что «неприступная» позиция у Перекопа оказалась без землянок, без ходов сообщения; позиционная артиллерия не пристреляна и места для полевой артиллерии не выбраны.

Между тем условия обороны были очень легки, т. к. Сиваш не замерзал в это время и только у берегов подергивался тонким льдом, еще больше затруднявшим всякую переправу противника.

В это время главком, несмотря на серьезность положения, выехал в Севастополь, передав оборону Крыма генералу Кутепову.

Мне, генералу без должности, ничего не оставалось, как последовать за ним.

В Севастополе мне предложили командировку в 3-ю армию на Западный фронт (опять хотели избавиться от моего беспокойного характера).

Считая, что главные действия наши должны быть на западе, я и на это согласился и уже собрался уезжать, когда были получены сведения, что Юшуньская позиция прорвана.

Я немедленно явился к главкому и доложил, что при этих

условиях уезжать из Крыма считаю невозможным и прошу назначения на фронт на какую угодно должность.

Главком ответил, что переговорит с генералом Кутеповым, обороняющим фронт.

Произошел ли этот разговор или нет, но той же ночью была получена от главкома такая записка:

ПРАВИТЕЛЬ
Юга России и Главнокомандующий Русской Армией
28 октября 1920 г.
№ 381
Генералу Слащову

Ввиду Вашего желания приложить свои силы на помощь обороны Крыма и ввиду больших потерь в высшем командном составе, приказываю Вам с получением сего незамедлительно отправиться в распоряжение генерала Кутепова. Одновременно сообщаю последнему о Вашем выезде и предлагаю использовать Вас для объединения командования частями на одном из участков фронта. В Ваше распоряжение будет предоставлен автомобиль. Все указания получите от командующего войсками генерала Скалона. Врангель.

Немедленно же на автомобиле я выехал в Джанкой, куда прибыл утром. Пессимизм в штабе 1-й армии был страшный — настолько, что я спросил генерала Кутепова:

«Веришь ли ты сам в то дело, которое делаешь? Если нет, то мы заранее разбиты».

Генерал Кутепов дал уклончивый ответ.

Весь день шли разнообразные назначения меня генералом Кутеповым на разные боевые участки, но все эти назначения сводились к тому, чтобы куда-нибудь послать и дать какое-нибудь дело совершенно лишнему, но назойливому человеку. Назначения эти могли вызвать только наслоение одного командного состава над другим.

Пока шла эта преступная игра, разыгрываемая на глазах у гибнущей армии, было получено следующее официальное сообщение правительства Юга России:

Ввиду объявления эвакуации для желающих — офицеров, других служащих и их семей, правительство Юга России считает своим долгом предупредить всех о тех тяжких испытаниях, какие ожидают выезжающих из пределов России. Недостаток топлива приведет к большой скученности на пароходах, причем неизбежно длительное пребывание на рейде и в море. Кроме того,

совершенно неизвестна дальнейшая судьба отъезжающих, так как ни одна из иностранных держав не дала своего согласия на принятие эвакуированных. Правительство Юга России не имеет никаких средств для оказания какой-либо помощи как в пути, так и в дальнейшем. Все это заставляет правительство советовать всем тем, кому не угрожает непосредственной опасности от насилий врага, — оставаться в Крыму. Севастополь, 29 октября/11 ноября 1920 года.

Как видите, это сообщение можно охарактеризовать только словами:

— Спасайся кто может!

Так оно и было понято в войсках.

В этот же день ночью я был послан на Юшунь — Симферопольскую дорогу к частям, отходившим из Таврии.

Приехав туда, я застал: 256 штыков, 28 орудий и при них 2 штаба дивизии и 1 штаб корпуса.

Я прямо заявил всем этим штабам, что в такой обстановке нужен только ротный командир, а не наслоение одних штабов над другими.

А части в это время уже шли веером в разные стороны на фронт Керчь — Евпатория.

Предыдущие распоряжения и знаменитое официальное сообщение правительства уже погубили армию. Даже приказа было отдать нельзя, потому что все равно его не доставить.

И вот утром 12 ноября н. ст. я приезжаю в Сарабузы к генералу Кутепову.

Вскоре после этого Ставка передала Кутепову (принимал генерал Достовалов) такое сообщение:

«Главнокомандующий приказал доложить генералу Кутепову, что в Севастополе в витрине на Нахимовской вывешена телеграмма генерала Слащова примерно следующего содержания: “Красную сволочь разбил, советую тыловой — развязывать манатки. Генерал Крымский”.

Одновременно произошел по Юзу разговор генерала Врангеля с генералом Кутеповым:

Генерал Кутепов: «Может ли говорить генерал Слащов, который находится у аппарата?» Генерал Врангель: «Я очень спешу, и ежели генерал Слащов имеет что-либо мне передать, то прошу сделать это через тебя. До свидания». Генерал Кутепов: «Слушаюсь, передам телеграммой. Все. Передаю телеграмму генерала Слащова: “Главкому. Лично видел части на фронте — вывод: полное разложение. Последний приказ о неприеме нас

союзниками окончательно подрывает дух. Выход следующий: из тех, кто не желает быть рабом большевиков, из тех, кто не желает бросить свою Родину — сформировать кадры Русской Армии, посадить их на отдельные суда и произвести десант в направлении, доложенном Вам мною еще в июле месяце и повторенном в моих докладах несколько раз. Колебанию и колеблющимся не должно быть места — должны идти только решившиеся победить или умереть. С подробным докладом выезжаю к Вам в поезде юнкеров и прошу по моем приезде немедленно принять меня — хотя бы ночью. Жду ответа в Штарме один. № 10285. 12 часов 20 минут. 30/10—20 г. Слащов-Крымский"».

Генерал Врангель отвечает: «Генералу Кутепову. Передайте генералу Слащову: желающим продолжать борьбу предоставляю полную свободу. Никакие десанты сейчас, за неимением средств, невыполнимы. Единственный способ — оставаться в тылу противника, формируя партизанские отряды. Если генерал Слащов решится на это — благословляю его на дальнейшую работу. Предлагаю Вам задержать генерала Слащова на фронте, где присутствие его несравненно нужнее, нежели здесь. Севастополь, 30/10—20 г. № 417. Врангель».

Генерал Кутепов: «Телеграмма генералу Слащову передана. У меня больше вопросов пока нет. Кутепов».

И все. Все же пытаюсь еще раз говорить со Ставкой.

У аппарата Коновалов. Говорю: «Здравствуйте, Герман Иванович. В связи с только что полученной телеграммой генералом Кутеповым от Вас прошу немедленно в собственные руки главкома передать следующее:

"Глубоко оскорблен Вашим нежеланием говорить со мной по аппарату, что, видимо, явилось следствием тех сведений, которые переданы генералу Кутепову через генерала Коновалова. Доношу: ни одной телеграммы, помимо генерала Кутепова, за исключением требований и отмены высылки лошадей и бинокля, не отправлял. Глубоко оскорблен тем, что даже могли подумать, что я отправил телеграмму, подобно расклеенной на улицах (о которой сообщает генерал Коновалов генералу Кутепову). Прошу либо доверия, либо военно-полевого суда. Я же буду спасать Родину или умирать. Прошу Вас не отказать дать срочный ответ и сообщение ответной телеграммы. Пока всего хорошего. Все. № 10230.30/10—20 г., 16 часов 22 минуты, Слащов-Крымский"».

Ответа, конечно, не было.

Тогда вместе с генералом Кутеповым я выехал в Севастополь. Там ни о каком сопротивлении и не думали. Все думы сводились к тому, как бы уехать.

Генерал Врангель меня видеть не захотел (как сообщил мне генерал Кутепов).

Все мои желания остались только желаниями. Армия садилась на суда, покидая Крым, ничего сделать было нельзя, и я на ледоколе «Илья Муромец» выехал в Константинополь, покидая землю, которую всего несколько месяцев тому назад держал с горстью безумцев-храбрецов…

Время было другое, и штаб генерала Врангеля думал в октябре иначе, чем я в апреле.

ГЛАВА VI
На чужбине

Еще в поезде в Сарабузс я разговаривал с генералом Кутеповым о том, что Ставка все погубит, что генерал Врангель недостаточно решителен в ту минуту, когда от вождя нужна именно решительность, а его «камарилья» достаточно типична именно для определения ее таким словом и, конечно, ни к чему хорошему не приведет.

Приехав в Босфор, я возобновил этот разговор и указал Кутепову на необходимость смены штаба. Кутепов во всем со мной согласился и взялся передать генералу Врангелю мой рапорт. Привожу его целиком.

Состоящий в распоряжении
Главнокомандующего Генерал-лейтенант Слащов-Крымский № 10443
19 ноября 1920 г.
Кр. «Алмаз»
Главнокомандующему Русской армией
Рапорт

В марте месяце этого года, когда Вы эвакуировались в Крым, защищаемый мною, Вы мне заявили о Вашем желании продолжать борьбу с большевиками.

Сейчас Вы мне ответили, что желающих продолжать борьбу благословляете.

Дальше, в марте же месяце, в 3 часа ночи, Вы мне заявили, что имеете возможность обеспечить всех военнослужащих в случае неудачи.

Прошло семь месяцев и Крым сдан. В августе месяце я доложил Вам, что благодаря Вашим помощникам Вы губите Родину, и просил отставки и суда. — Ваш ответ — отставка и суд вредны.

В момент Вашего крушения я просил назначения, — Вы меня назначили зрителем без власти.

Теперь всех сажают в лагерь военнопленных, а многие этого не желают. Не соглашавшихся с Вашей политикой даже не спрашивают, куда они отправляются.

На основании всего доложенного доношу: 1) голодаю, 2) голодают офицеры и солдаты и 3) спрашивают у меня: «За что?»

Я же ходатайствую перед Вами об ответе по тем

обязательствам, которые Вы взяли на себя, принимая должность Главнокомандующего.

Я обращаюсь к Вашей чести, ко всему святому, что у Вас есть, и прошу: спасите Родину и обеспечьте борцов за ее счастье, хотя бы в ущерб своим интересам.

Вами обеспеченные бойцы под командой старшего из бойцов генерала Кутепова, хотя бы на новом фронте, исполнят свой долг.

Генерал-лейтенант
Слащов-Крымский

В этом рапорте, как видите, я выставил преемником власти главкома генерала Кутепова. Это для того, чтобы сохранился принцип преемственности власти, чтобы не было того, что принято называть coup d'etat. Правда, etat— государства у нас уже не было, но армия еще была.

И армия эта — Русская Армия, солдатом которой я был, есть и буду, — она умереть не может и не должна!

Но возвращаюсь к истории рапорта.

Что произошло на «Корнилове», куда Кутепов возил мой рапорт, я не знаю, ибо ответа никакого я на него не получил, но не могу не отметить, что после подачи этого рапорта Шатилов отдал распоряжение об исключении из армии всех генералов, не занимавших должностей, хотя бы эти генералы и желали остаться в армии, и о перечислении их в разряд беженцев.

Я не знаю, много ли честных, исполнивших свой долг людей было выброшено таким образом на улицы Константинополя без крова, пищи и, по типичному беженскому выражению, «без пиастров», но я знаю, что я — Слащов — отдавший Родине все, отстоявший Крым в начале 1920 года с 3000 солдат от вторжения 30 000 полчищ красных, — я, заслуги которого увековечил своим приказом сам Врангель, добавивший, по просьбе населения, к моей фамилии наименование «Крымский», — я выброшен за борт.

Я говорю все это не для того, чтобы хвастать своими заслугами, я намеренно подчеркиваю, что о них говорил не я, а сам Врангель, но я хочу сказать только, что если так поступил штаб со Слащовым, то чего же ожидать от него рядовому офицеру или солдату?..

И вот под впечатлением этих мыслей и прочтя в газете «Presse du Soir» (№ 174) о собрании русских общественных деятелей и о вынесении ими резолюции, в которой они призывают к поддержке генерала Врангеля в дальнейшей борьбе против большевиков, я послал председателю этого собрания такое письмо:

Генерал-лейтенант Слащов-Крымский

1 декабря 1920 г. № 102

Константинополь

Председателю собрания Русских Общественных Деятелей

В № 174 газеты «Вечерней Прессы» (29 ноября 1920 г.) помещена заметка о собрании Русских Общественных Деятелей, объединившихся на следующих основных лозунгах момента: «продолжение борьбы с большевиками и сохранение преемственности власти ген. Врангеля, действующего в полном единении с широкими общественными кругами».

Для восстановления истины я, удержавший Крым, в конце 1919 г. и первую четверть 1920 г. и передавший эту оборону последней пяди Русской земли генералу Врангелю, считаю не только своим нравственным правом, но и долгом запросить Вас как представителей общественных организаций:

1. Известно ли Вам количество средств, переданных генералу Врангелю при уходе генерала Деникина?

2. Известно ли Вам, что генерал Врангель обещал мне лично, принимая должность Главнокомандующего, обеспечить всех бойцов и их семейства, даже в случае несчастья (вывоз вина, хлеба и золотой запас)?

3. Известно ли Вам, что все, до раненых включительно, голодают, а я, передавший ему власть, не имевший ни одного поражения, выброшен теперь за борт без всяких средств?

4. Известно ли Вам, что я об этом подал генералу Врангелю рапорт, прося вывести нас из тяжелого положения, обращаясь к его чести и всему святому, а он мне даже не ответил?

5. Известно ли Вам, что я с первых шагов деятельности генерала Врангеля неоднократно указывал ему на несоответствие некоторых окружающих его лиц, деятельность которых приведет к гибели Родины, и что после этого 4 августа 1920 г. я был освобожден от должности, якобы по причине расстроенного здоровья?

6. Известно ли Вам, что я предложил генералу Врангелю план обороны Крыма, аналогичный с зимней кампанией 1919–1920 г. и расширенный в смысле десантной операции. Основной идеей предложенного плана была невозможность обороняться зимою в окопах без жилищ (на Юшуньских позициях отсутствовали землянки). Маневренная защита была отвергнута генералом Врангелем. Все мои предупреждения оправдались действительностью, и общественные организации теперь выступают на поддержку виновников потери нашей Земли; к счастью, мои рапорта и телеграфные разговоры у меня сохранились и я рассчитываю найти где бы то ни было печатный орган, который оповестит мир о настоящих причинах нашего

несчастья.

Надеюсь, что Вы обсудите эти вопросы и не откажете поставить меня в известность о Вашем на них заключении.

Адрес: Стамбул, квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди, № 15–17.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Уважающий Вас Я. Слащов

Недели через две я получил на это письмо такой ответ:

Его Превосходительству Генерал-лейтенанту СЛАЩОВУ-КРЫМСКОМУ

Милостивый государь! Ознакомившись с содержанием Вашего письма и вполне давая себе отчет в исключительно тяжелом положении, в котором оказались армия и беженцы, Бюро Политического Объединения считает долгом с особой настойчивостью настаивать на мысли о необходимости в переживаемый момент общественного и индивидуального единения организаций, групп и отдельных лиц, представляющих за границей антибольшевистскую Россию, не отрицая, вместе с тем, возможности ошибок, неизбежных во всяком, а тем более в исключительно трудном деле.

Прошу принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Юренев

Вскоре после этого ответа генерал Врангель издал приказ о суде чести над генералами и секретно от меня самого предал меня этому суду. Суд этот, рассмотрев мое «преступление», совершенное, кстати сказать, до учреждения этого суда, не считаясь с тем, что дает закону обратную силу, вынес какой-то неизвестный мне заочный (без производства дознания и следствия) приговор, следствием которого был такой приказ:

ПРИКАЗ

Главнокомандующего Русской Армией Яхта «Лукул». № 3816. 21 декабря 1920 г.

Суд чести старших офицеров Русской Армии, обсудив обращение Генерал-лейтенанта Слащова-Крымского на имя председателя комитета общественных деятелей, постановил:

Признать поступок генерала Слащова-Крымского в переживаемое нами тяжелое время недостойным русского человека и тем более генерала, почему генерал Слащов-Крымский не может быть долее терпим в рядах Русской Армии.

Объявляя об изложенном, утверждаю приговор суда чести по делу о Генерал-лейтенанте Слащове-Крымском и приказываю уволить его от службы, без права ношения мундира.

Генерал Врангель

Начальник штаба генерал-от-кавалерии Шатилов (по штабу Главнокомандующего)

Надо сказать, что и приказ этот мне сообщен не был (я его достал случайно, и он хранится у меня, засвидетельствованный печатью и подписями).

Мне прислали, вероятно, стыдясь за себя, извращенный приказ, и даже не приказ, а выписку, кратко гласящую:

Выписка из приказа Русской Армии от 21 декабря 1920 года за № 301.

Увольняется от службы По пехоте

Генерал-лейтенант Слащов-Крымский.

Подлинный подписал: генерал Врангель. Скрепил начальник штаба генерал-от-кавалерии Шатилов.

Верно:

За начальника информационного отделения

Генерального штаба полковник Станиславский

Так пытались очернить меня, создав «суд», где судьями были люди, которых я обвиняю в тяжких ошибках, иногда худших, чем само преступление; где о деле не производилось ни дознания, ни следствия; где обвиняемый не только *не допрашивался*, но даже и *не извещался* о суде; где гласность была и для общества, и для обвиняемого заменена подлогом.

Тогда я написал свое последнее письмо генералу Врангелю, которое было мне возвращено непринятым с надписью об этом адъютанта главкома есаула Ляхова.

Вот это письмо:

Генерал-лейтенант СЛАЩОВ-КРЫМСКИЙ

26 декабря 1920 г.

№ 103 г.

Константинополь

Ваше Превосходительство

Милостивый государь Петр Николаевич!

Получил Ваш приказ о состоявшемся суде чести надо мною, лишении меня мундира и исключении со службы.

В вину мне поставлено письмо общественным деятелям, критикующее Вас и Ваших приближенных, и мой поступок назван

недостойным офицера.

Этим судом нарушена 22 Кн. Св. Воен. постановлений (приложение 7) и статут ордена Св. Георгия Победоносца, потому что: 1) в выборах суда чести я не участвовал; 2) я не допрашивался ни на следствии, ни на суде и даже о нем не знал (адрес мой известен и помещен даже на инкриминируемом мне письме); 3) закон о суде чести над генералами издан после моего письма, т. е. закону дана обратная сила; ы4) мне не дано было право отвода и потому в суде участвовали лица, которых я сам обвинял; 5) я не только не был на суде и не давал показаний, а даже приговор мне не был прочтен, а приказ № 3816 я случайно достал, уже только 25 декабря, официально же до сих нор не получил; 6) никакому суду чести я без моего согласия не подлежу, как уволенный в беженцы; 7) я — георгиевский кавалер и могу быть лишен мундира только со снятием этого ордена, — теперь перейдем к подробностям.

От суда я не отказываюсь, но вспомните события:

1. В тяжелый момент крушения армии Деникина Вы написали ему письмо, аналогичное с моим, и сами занимались распространением его всем (так что адресат роли не играет). Вы тогда состояли в распоряжении Главнокомандующего, т. е. на службе — я же написал тогда, когда на службе не состоял, а был выброшен за борт в разряд беженцев. Вы были за Ваш поступок уволены от службы — я предан суду. Закон о котором Вами издан уже после моего письма, и я заочно приговорен к лишению мундира и повторному выбрасыванию за борт, — посудите сами, если закон имеет обратную силу для меня, почему же он не имеет ее и для Вас, т. е. отдайте и себя под суд.

2. Теперь обдумайте, насколько отвечает элементарным принципам законности и справедливости участие в суде надо мною лиц, которых я неоднократно обвинял — можно ли это назвать судом чести.

3. Каким образом составлен этот суд, ведь суд чести есть орган выборный, и каждый, если кто со штабс-капитанского чина и вообще прослуживший год в части, подвергается суду чести, то он перед тем обязательно участвовал в его ежегодных выборах; кажется, я в армии не новичок, и в момент суда в армии не состоял (отставные судом чести не судятся), и, как член суда чести Л.-Гв. Финляндского полка с штабс-капитанского чина и позже его председатель, заявляю Вам, что Ваш суд судом чести назвать нельзя.

4. Кроме этого мне интересно знать, чем вызвано такое резкое нарушение формальностей судопроизводстве, лишившее меня права давать показания. Меня не предупредили о суде, меня

не спрашивали, я не знаю даже, производилось ли следствие, а между тем считаю, что мое показание, что я действую по Вашему примеру, да еще тогда, когда стал беженцем, изменило бы приговор. Не может быть, чтобы в этом играла роль срочность дела, так как приказ Ваш помечен 21 декабря, а я его получил 25 декабря, поэтому считаю, что умышленно избежали моих показаний (адрес мой был известен и помещен даже на инкриминируемом мне письме).

5. Имеете ли Вы право лишать мундира кавалера ордена Св. Георгия, Николая Чудотворца и Георгиевского оружия, хотя бы по суду чести, так как по русским законам требуется снятие этих орденов, что делается только по постановлениям военно-окружного или полевого суда.

6. В какой степени юридически обосновано Ваше право как Главнокомандующего над всеми бывшими военнослужащими, объявленными беженцами, т. е. вышедшими из состава армии, т. е. из подчинения Главкому.

7. Кроме того, в вашем приказе указано, что мой поступок недостоин русского человека. Обсудим, кто русский человек: тот ли, кто с горстью людей удержал Крым, дал приют бежавшим из Новороссийска и сдал управление старшему назначенному начальнику, или тот, который провозгласил Крым неприступной крепостью, имел почти равные противнику силы и со своими приближенными, несмотря на мои предупреждения о преступности их действий, довел войска до эвакуации в Константинополь.

Вот как русский человек я и заявляю, что пребывание Вас и сдавших некоторых высших начальников для дела вреднее моих разоблачений.

Мое мнение: надо иметь гражданское мужество сознаться в своих ошибках и взыскать с виновных. Начальники, поставившие своих подчиненных в столь тяжелое положение, как наше — потеряли свой авторитет и никогда не смогут возродить дело.

Льщу себя надеждой, что Вы, разобрав дело, убедитесь в незаконности своего шага, отмените свой приказ и предадите суду (согласно закона) председателя суда, допустившего столько незаконных поступков.

Надеюсь, разбор дела Вы предадите гласности, так как шельмующий меня приказ № 3816 всем уже известен.

Буду ждать Вашего ответа.

Копию этого письма препровождаю Союзному Командованию, Украинскому Национальному Комитету и Председателю Союза Русских Общественных Деятелей.

Остаюсь уволенный от службы, но продолжающий работать

на пользу Родине.

Я. Слащов-Крымский

Адрес: Стамбул, квартал Везнеджилер, улица Де-Руни, дом Мустафа-Эффенди, № 15–17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После всего изложенного читатель и все общество невольно спросят:

«Кто же виноват в сдаче Крыма генералом Врангелем? Неужели войска оказались не на высоте и не исполнили своего долга?»

Я отвечу на это.

Нет — войска не виноваты, войска были те же, что и при первой обороне. Мало того: их было не 3 тыс. против 25–30 тыс., а 60 тыс. против 70 тыс., т. е. силы их почти равнялись силам противника. Качеством они были лучше, т. к. подучились и устроились — сколотились. Они исполнили свой долг…

Но что же делать, если высшее командование оказалось не на высоте своего призвания; если вместо своевременного отхода на Перекопские позиции их заставили две недели беспрерывно драться (октябрь месяц), а затем пробивать себе дорогу на эти позиции; если провозглашенная всему миру неприступность этих позиций в действительности оказалась не отвечающей даже элементарным требованиям техники военного дела; если при морозе в 16 градусов им приходилось сидеть в окопах, лишенных землянок, без всякой теплой одежды, и, наконец, если вместо приказа о наступлении дали приказ — «беги все куда сможешь» (приказ правительства о неприёме нас союзниками, эвакуации и оставлении в Крыму тех, кто не боялся красных).

Виноваты не войска, а зависть, себялюбие, выставление своих интересов выше государственных и личные счеты.

Причина крушения заключается в том:

1) Что некоторые начальники не имели в себе достаточного гражданского мужества своевременно сойти со сцены.

2) Что ради своих личных интересов губили общее дело и умышленно, повторяю, умышленно отвергали всякий совет, исходивший от старых защитников Крыма. (В частности, лично я в августе указывал генералу Шатилову по карте направление главного удара красных Каховка — Сальково, а затем неоднократно указывал на необходимость второй базы — Украины.)

3) Что в вопросах о Перекопской позиции проявили преступную халатность, не приняв своевременно мер к соответствующей подготовке, к чему и времени, и средств было больше чем достаточно.

4) Что в вопросах по снабжению войск теплой одеждой проявили медленность и нераспорядительность, в результате чего

войска остались наполовину неодетыми и настроение войск понизилось, а вместе с тем понизилась и их боеспособность.

5) Что, предрешив вопрос об эвакуации Крыма еще за три недели до ее начала, не отвели войска своевременно из Таврии на Перекопские позиции и пожертвовали тысячами жизней героев за свою недальновидность и полную неспособность к надлежащей оценке политической и стратегической обстановки; и наконец,

6) В том, что проявили полную растеряность в момент, когда можно еще было спасти положение (мой совет о десанте в Одессу), и когда можно было бы продолжать оборону Крыма, если бы вожди дали личный пример армии, а не отдавали приказа «спасайся кто может!».

Вместо этого — погубили и предали общее дело.

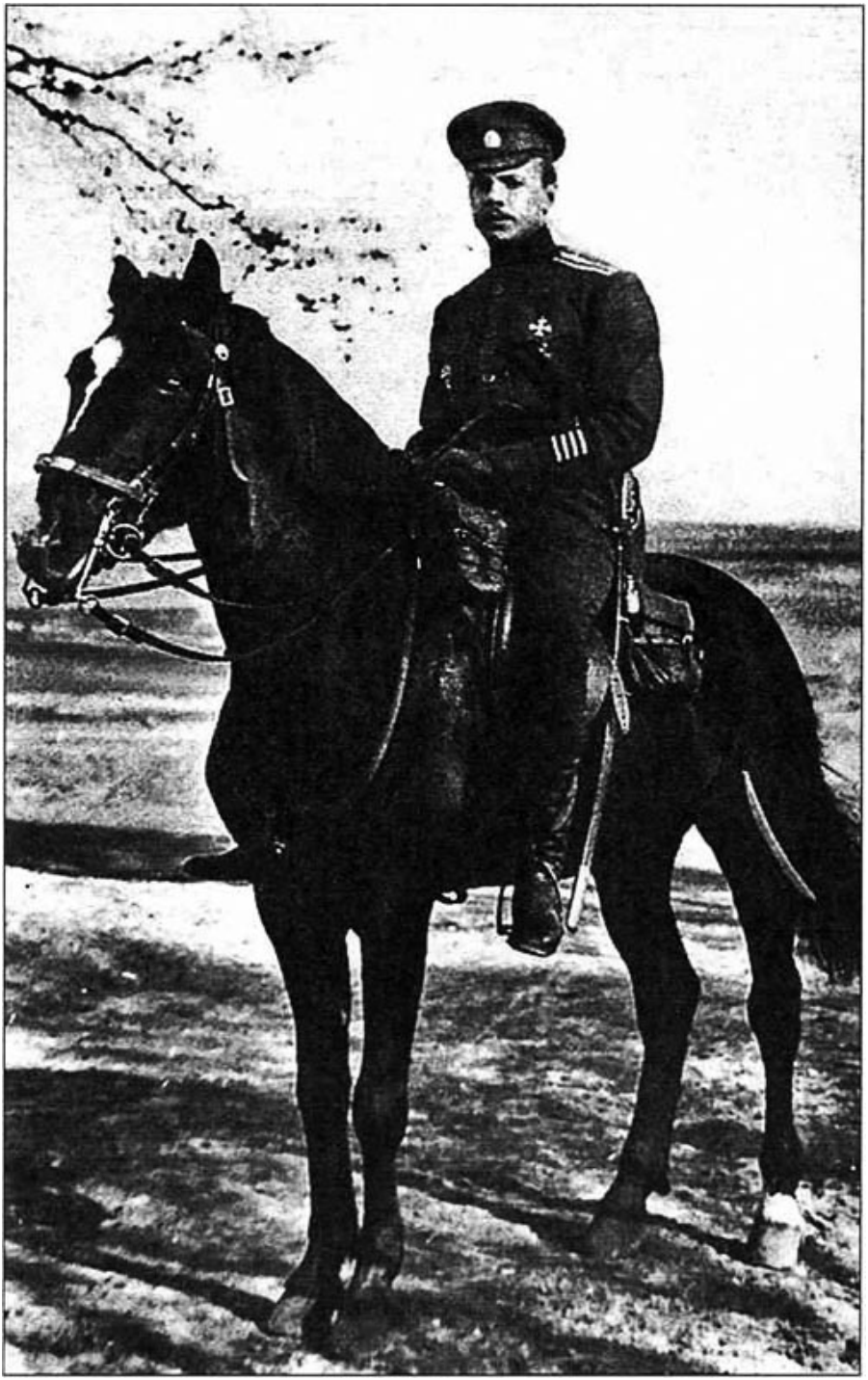
Я, может быть, тоже виновен в недостаточно настойчивом проведении общих интересов — судите меня, но одновременно судите и тех, кого я обвиняю.

Родина им простить не может, потому что Крым был неприступен, а войска дрались геройски, так пусть виновников простит Бог, как сказал старый вождь генерал Деникин, за то зло, которое нанесено ими Русскому делу.

В настоящее время, после Крымской катастрофы, документы, приведенные в моей книге, утратили свою секретность и являются достоянием истории.

Да научатся другие на нашем печальном примере!

Иллюстрации



Полковник Я.А. Слащов в годы Первой мировой войны

Нападение красной разведки на обоз белых. Художник Н.С. Самокиш

Захват врангелевских танков в Таврии. Художник Н.С. Самокиш

Генерал-лейтенант Я.А. Слащов

А.И. Деникин

А.П. Богаевский

С.Г. Романовский

А.В. Кривошеин, генерал П.Н. Врангель, генерал П.Н. Шатилов, 22 шоля 1920 г.

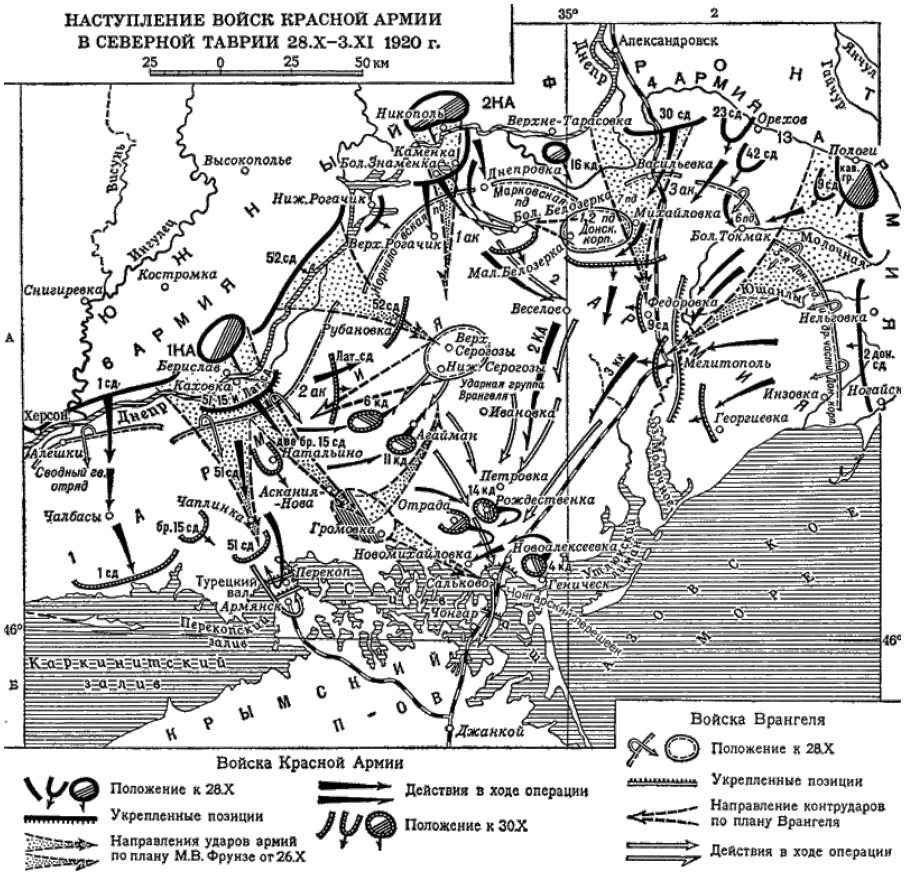
Генерал А.П. Кутепов

Генерал-лейтенант А.Г. Шкуро

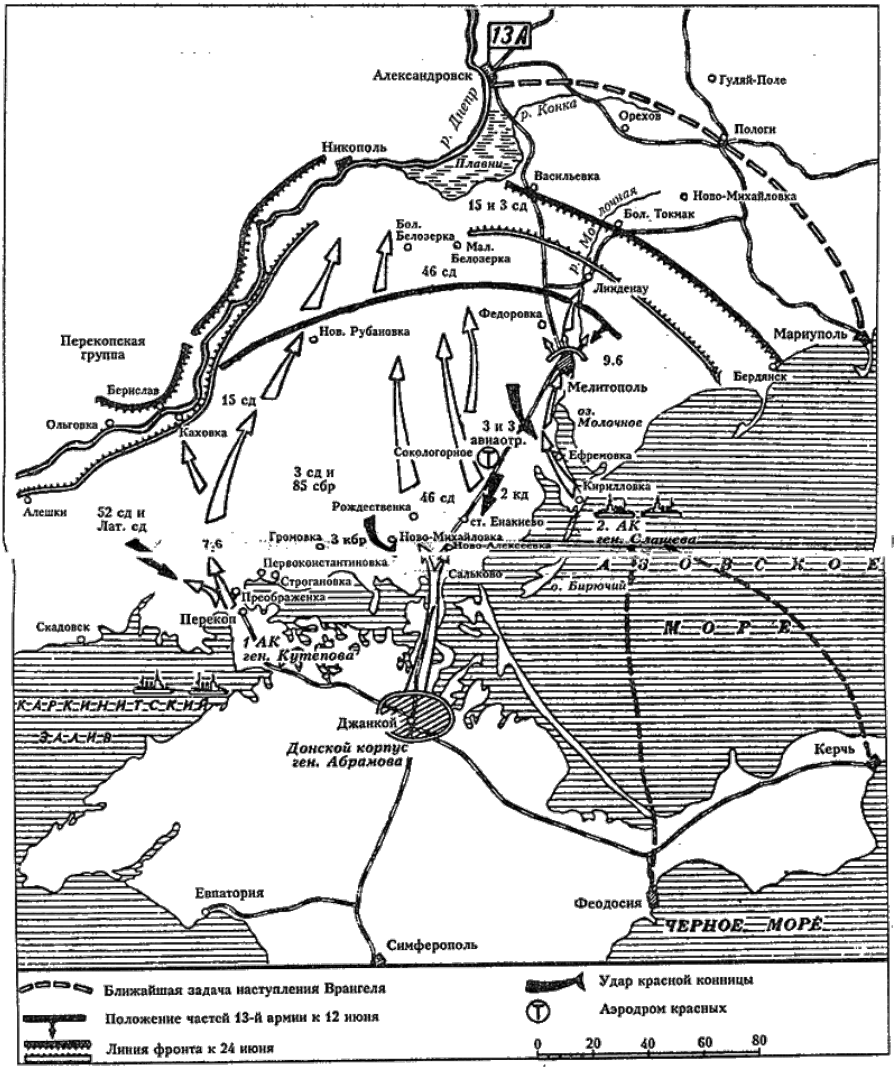
Артиллерия Русской армии

НАСТУПЛЕНИЕ ЮЖНОГО и ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ 19 ноября 1919 г.–10 января 1920 г.
ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ЮЖНЫЙ ФРОНТ
ДОНСКАЯ АРМИЯ
КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Линия фронта к исходу 18 ноября 1919 г.
Рубежи обороны и районы сосредоточения белогвардейских войск
Направления ударов советских войск
Артиллерийская поддержка сухопутных войск кораблями Волжской военной флотилии
Контрудары и отход белогвардейских войск
Рубеж выхода советских войск к исходу 10 января 1920 г.
Территория Бессарабии, оккупированная королевской Румынией в 1918 г.

Наступление Южного и Юго-Восточного фронтов. Ноябрь 1919 — январь 1920 г.



Наступление Красной Армии в Северной Таврии



Выход Врангеля из Крыма. Июнь 1920 г.

Я.А. Слащов в Севастополе. 1920 г.

Плакат к двухлетней годовщине Красной Армии

Штаб Я.А. Слащова

Крымский театр военных действий (карта из первого издания книги Я.А. Слащова «Крым в 1920 г.»)

С.И. Буденный, М.В. Фрунзе и К.Е. Ворошилов

Переход Красной Армии через Сиваш. Художник Н.С. Самокиш

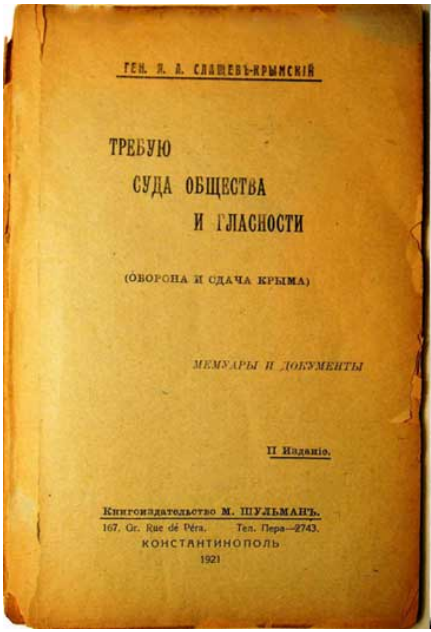
Н. Махно

Бегство Врангеля. Художник Н.С. Самокиш

Я.А. Слащов кормит индюшат. Константинополь, 1921 г.

Уход Белой армии из Крыма

Офицеры Дроздовской стрелковой дивизии. 1920 г.


ГЕН. Я. А. СЛАЩЕВЪ-КРЫМСКІЙ

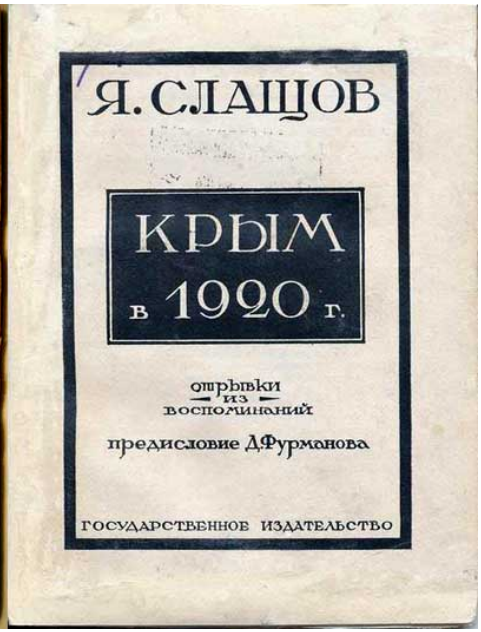
ТРЕБУЮ
СУДА ОБЩЕСТВА
И ГЛАСНОСТИ

(ОБОРОНА И СДАЧА КРЫМА)

МЕМУАРЫ И ДОКУМЕНТЫ

II Изданіе.

Книгоиздательство М. ШУЛЬМАНЪ.
167. Gr. Rue de Péra. Тел. Пера—2743.
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
1921


Я. СЛАЩОВ

КРЫМ
в 1920 г.

ОТРЫВКИ
ИЗ
ВОСПОМИНАНИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ Д. ФУРМАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Обложки книг Я.А. Слащова

Я.А. Слащов среди преподавателей курсов «Выстрел»

Путь русского офицера

Я.А. Слащов-Крымский

Генерал Яков Александрович Слащов (1885—1929), герой обороны Крыма зимой 1919—1920 гг., был знаменит не только своей храбростью, его воинское мастерство было высоко оценено современниками. За успехи при обороне Крымского полуострова Главнокомандующий Русской армией присвоил ему своим приказом право именоваться Слащовым-Крымским, а позже он стал одним из личных врагов генерала Врангеля.

Поступки генерала Слащова многим казались эксцентричными и труднообъяснимыми. Одним из самых загадочных поступков стало возвращение генерала в Советскую Россию из эмиграции.

На страницах своих воспоминаний генерал рассказывает читателям о своем участии в Гражданской войне, конфликте с генералом Врангелем и о своем возвращении на Родину.

ISBN 978-5-4444-0541-3

9 785444 405413

Вече

notes

Примечания

1

С разрешения автора издательство публикует статью, впервые напечатанную в сборнике «Люди и судьбы Русского Зарубежья» (М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 99–120).

2

До получения высочайшего разрешения А.Г. Шкуро носил указанную фамилию.

3

Штаб 3-го корпуса.

4

Ненюков к февралю 1920 г. полностью подготовил суда для эвакуации белых войск из Крыма, но они были срочно направлены для эвакуации деникинских войск из Одессы и Новороссийска. {Примеч. авт.)

5

Подлинный текст, помечен 25 декабря 1919 г. (стар, стиля) № 323 с. {Примеч. авт.)

6

Добровольческая армия.

7

Мне хотелось ускорить добровольную эвакуацию. (Примеч. авт.)

8

Я, конечно, говорю о малосознательных элементах горцев, ушедших с белыми и ставших наемниками. {Примеч. авт.)

9

Письма Орлова ко мне и его прокламации как в это время, так и потом я опубликовал в газетах с моим ответом на них. {Примеч. авт.)

10

В августе 1920 г. уже при Врангеле смертный приговор над Протопоповым послужил поводом для начала неудачного судебного дела надо мной. (Примеч. авт.)

11

См. крымские белые газеты за февраль — март 1920 г. (Примеч. авт.)

12

Суда в решительный момент были отправлены в Одессу. (Примеч. авт.)

13

По моему мнению, Брянский действовал в связи с Врангелем. Врангель хотел занять место Шиллинга, но Шиллинг был глуп, почему же его не свалить при помощи Слащова (характеристики давать не буду) и одновременно дискредитировать последнего, а потом занять место Шиллинга, после чего дорога к «трону» Деникина была бы для него (Врангеля) свободна. {Примеч. авт.)

14

Я прибыл по буквально слезному молению ген. — лейт. Турбина и но «воззванию» сенатора Глинки. {Примеч. авт.)

15

Камуфлетом называли взрыв артиллерийского снаряда в земле.

16

Надо помнить, что эти горцы соединились с белыми и превратились в наемников. (Примеч. авт.)

17

Этот отчет в подлинном подписали: начальник штаба 2-го армейского корпуса Генерального штаба полковник Фролов и начальник оперативного отдела штаба корпуса, Генерального штаба полковник Шацкий.

18

Доклад генералом Вязьмитиновым передан главнокомандующему. (Примеч. авт.).

19

Это пишет главнокомандующий армией и правитель государства. Кажется — можно верить, но через три недели после этого Крым оставляется. (Примеч. авт.)